

ISSN 2712-9519

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Том 4 №4

2024

LINGUISTICS & EDUCATION

Volume 4 №4

2024

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Электронное издание сетевого распространения

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Основано в 2020 году

Сетевое издание входит в перечень изданий РИНЦ

2024

Том 4 №4

Председатель редакционной коллегии

Башкина О.А. – ректор ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор

Заместитель председателя редакционной коллегии

Сорокина Э.А. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Главный редактор

Маджаева С.И. – доктор филологических наук, профессор (г. Астрахань)

Редакционная коллегия

Багана Ж. – доктор филологических наук, профессор (г. Белгород)

Бекишева Е.В. – доктор филологических наук, доцент (г. Самара)

Гагарина Е.Ю. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)

Голованова Е.И. – доктор филологических наук, профессор (г. Челябинск)

Гринев-Гриневич С.В. – доктор филологических наук, профессор (Польша, г. Сувалки)

Дроздова Т.В. – доктор филологических наук, доцент (г. Астрахань)

Зубкова О.С. – доктор филологических наук, профессор (г. Курск)

Иванчук О.В. – доктор педагогических наук, доцент (г. Астрахань)

Кислякова Е.Ю. – доктор филологических наук, доцент (г. Волгоград)

Косова М.В. – доктор филологических наук, профессор (г. Волгоград)

Лукоянова Т.В. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)

Маслова В.А. – доктор филологических наук, профессор (г. Витебск, Беларусь)

Михайлова М.Е. – кандидат исторических наук, доцент (г. Астрахань)

Мишланова С.Л. – доктор филологических наук, профессор (г. Пермь)

Никулина Е.А. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Сатретдинова А.Х. – кандидат филологических наук, доцент (г. Астрахань)

Сорокина Э.А. – доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Суюнбаева А.Ж. – кандидат филологических наук (Актобе, Казахстан)

Штрекер Н.Ю. – доктор педагогических наук, профессор (г. Калуга)

Научный редактор

Гречухина З.Р. – кандидат филологических наук

Ответственный секретарь

Дьякова Е.М.

Материалы представленных статей рецензируются

Свидетельство регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 27.03.2024Сайт <http://lobrij.ru/ru/nauka/>Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть преобразована в электронный вид, воспроизведена любым способом без предварительного согласия с издателем. Выпуски сетевого издания «Лингвистика и образование» доступны на сайте <http://www.elibrary.ru>

© ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, 2024

LINGUISTICS & EDUCATION

Online edition

Founder:

Federal state budgetary educational institution of higher education "Astrakhan state medical university" of the Ministry
of Health of the Russian Federation

Founded in 2020

Online edition is included in the list of publications of the RSCI

2024

Volume 4 №4

Head of the Editorial BoardBashkina O.A – rector of the FSBEI HE Astrakhan SMU
MOH Russia, doctor of medicine, professor**Deputy Chairman of the Editorial Board**

Sorokina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Editor-in-ChiefMadzhaeva S.I. – doctor of philology, professor
(Astrakhan)**Editorial Board**

Bagana J. – doctor of philology, professor (Belgorod)

Bekisheva E.V. – doctor of philology, associate professor
(Samara)Gagarina E.Yu. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)Golovanova E.I. – doctor of philology, professor
(Chelyabinsk)Grinev-Grinevich S.V. – doctor of philology, professor
(Poland, Suwałki)Drozdova T.V. – doctor of philology, associate professor
(Astrakhan)

Zubkova O.S. – doctor of philology, professor (Kursk)

Ivanchuk O.V. – doctor of pedagogy, associate professor
(Astrakhan)Kislyakova E.Yu. – doctor of philology, associate
professor (Volgograd)Kosova M.V. – doctor of philology, professor
(Volgograd)Lukyanova T.V. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)Maslova V.A. – doctor of philology, professor (Vitebsk,
Belarus)Mikhailova M.E. – candidate of history, associate
professor (Astrakhan)

Mishlanova S.L. – doctor of philology, professor (Perm')

Nikulina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Satretdinova A.Kh. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)

Sorokina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Suyunbayeva A.Zh. – candidate of philology (Aktobe,
Kazakhstan)

Shtreker N.Yu. – doctor of pedagogy, professor (Kaluga)

Scientific editor

Grechukhina Z.R. – candidate of philology

Executive Secretary

Dyakova E.M.

The materials of represented articles are reviewed.

Certificate of mass media registration EI № FS77-79816 dated 07.12.2020

The journal is included into «**The index of peer reviewed academic journals and publications that must publish
the main academic results of candidate's degree theses and doctoral degree theses**» that came in force on March
27, 2024Website <http://lobrj.ru/ru/nauka/>All rights are protected. No part of this publication can be converted into electronic form or reproduced in any way
without preliminary agreement with editor. Issues of the online publication "Linguistics & education" are available on
the website <http://lobrj.ru/ru/nauka/>

© Publisher FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Памяти Виктора Андреевича Татарина	6
Багана Ж., Дугина Т.В., Свиридова А.В. Фонетические особенности французского языка Сенегала	9
Бекишева Е.В., Рожкова Т.В., Рылкина О.М. Репрезентация категории причины и следствия в медицинской терминологии	19
Бисерова Н.В., Минеева С.И. Семантические особенности специальной медицинской лексики в лексикографическом аспекте	32
Дединкин А.Л. Жанры современного экстремистского дискурса: юрислингвистический аспект	45
Денежкина А.С., Кузина М.А. Глобализация английского языка в условиях современных международных отношений	58
Дудина М.В. Сопоставление форм репрезентации знания в научном тексте	71
Мишланова С.Л., Богатикова Е.П., Кабирова Ю.А., Рудин В.В. Психолингвистический портрет «трудного» пациента	83
Нуэрпулати Е. Прецедентные высказывания в русском языке: предпочтения китайских студентов	93
Разыкова М.Б. Паремиологическая репрезентация концепта «праздник» в таджикском языке	108
Романькова М.Н., Краснова О.А., Черединова О.В., Токарева Л.В. Уровневые классификации переводческого соответствия как метод оценки качества перевода	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Гагарина Е.Ю., Сторожева Ю.А., Смолякова Т.Ю. Реализация практико-ориентированной модели образования в Астраханском государственном медицинском университете	140
Требования к оформлению статьи	149

CONTENT

In memory of Tatarinov Viktor Andreevich	6
Baghana J., Dugina T.V., Sviridova A.V. Phonetic features of the French language in Senegal	9
Bekisheva E.V., Rozhkova T.V., Rylkina O.M. The representation of causative-consecutive category in medical terminology	19
Biserova N.V., Mineeva S.I. Semantic features of special medical lexis in lexicographic aspect	32
Dziadzinkin A.L. Genres of modern extremist discourse: the legal linguistic aspect	45
Denezhkina A.S., Kuzina M.A. Globalization of the English language in the conditions of modern international relations	58
Dudina M.V. Comparison of forms of knowledge in a scientific text	71
Mishlanova S.L., Bogatikova E.P., Kabirova Iu.A., Rudin V.V. Psycholinguistic portrait of a «difficult» patient	83
Nuerpulati Ye. Precedent statements in the Russian language: chinese students' preferences	93
Razykova M.B. Paremiological representation of the concept «holiday» in tajik language	108
Romankova M.N., Krasnova O.A., Cheredinova O.V., Tokareva L.V. Level classifications of translation conformity as a method for assessing translation quality	127

SCIENTIFIC LIFE AND EDUCATION

Gagarina E.Yu., Storozheva Yu.A., Smolyakova T.Yu. Implementation of practice-oriented education model at Astrakhan state medical university	140
Requirements for article arrangement	157

**ПАМЯТИ ВИКТОРА АНДРЕЕВИЧА ТАТАРИНОВА
(7 июня 1952 – 9 ноября 2024)**

**IN MEMORY OF TATARINOV VIKTOR ANDREEVICH
(June 7, 1952 – November 9, 2024)**

С тяжелым чувством скорби приходится осознавать, что ушел из жизни Виктор Андреевич Татаринов, чье имя на протяжении многих последних лет воспринималось как имя хорошо известного терминоведа-классика.

Филологическое образование Виктор Андреевич получил на романо-германском отделении филологического факультета МГУ. Здесь же, в МГУ, были защищены диссертации: кандидатская «Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии» (1987) и докторская «Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания» (1996). Своими учителями считал К.А. Левковскую, О.С. Ахманову, Р.А. Будагова и других известных учёных, преподававших в то время на факультете.

Виктор Андреевич обладал незаурядными организаторскими и творческими способностями и независимой позицией. Его научная карьера была стремительной – в середине 1980-х годов его воспринимали как начинающего терминоведа, а уже через несколько лет ведущие терминоведы относились к нему с большим уважением. Уже в своей кандидатской диссертации он ввел в научный обиход 17 новых понятий, обогативших терминоведение, включая такие важные понятия, как амбисемия и эврисемия термина, и значительно расширил исследования проблемы неоднозначности термина.

В 1990-е годы произошла невероятная вспышка творческой активности Виктора Андреевича: он создает ряд основательных работ по истории и теории терминоведения, включая такие, как «Теория терминоведения» (В 3 томах); «История отечественного терминоведения: Очерк и хрестоматия». В 3 т. (Т.1 –

1994, Т.2. Кн.1 – 1995: Кн. 2 – 1999; Т.3 – 2003); «Терминоведение: указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке» (1998); «Общее терминоведение: энциклопедический словарь» (2006); а также большое число статей. Следует отметить особую роль «Истории терминоведения», собравшей фрагменты наиболее значительных терминологических публикаций и позволившей подытожить результаты развития терминоведения в нашей стране.

В то же самое время Виктор Андреевич проводит огромную организационную работу: в 1993 г. создал Российское терминологическое общество (РосТерм) и был бессменным его Президентом; основал ряд журналов – «Терминоведение» (1993-98), «Терминологический вестник» (2000); в 1994 г. предпринял попытку возобновить издававшийся в 1879-1917 гг. языковедческий и историко-литературный журнал «Русский Филологический Вестник. 1994-98 гг.»

В начале XXI века он был избран председателем Терминологической секции Международного комитета славистов и в этом качестве основал журнал «Славянское терминоведение».

Творческая профессиональная деятельность Виктора Андреевича была многогранной, связанной с германистикой, лингводидактикой, теорией перевода, с общим и историческим терминоведением, лексикографией и терминографией. Он отличался способностью широкого охвата терминоведческих проблем.

Стала уже знаменитой его работа «Общее терминоведение. Энциклопедический словарь» (Москва, «Московский лицей», 2006).

За заслуги в области терминоведения Виктор Андреевич был награжден особыми премиями имени Д.С. Лотте (1994 г.) и имени Е. Вюстера (2006 г.).

Следует особо подчеркнуть то, что практически во всех терминоведческих исследованиях имя Виктора Андреевича всегда упоминается и как теоретика терминоведения, и как историка терминоведения, и как терминографа.

Выступления Татаринова В.А. на многочисленных российских и международных конференциях всегда были интересными и эмоциональными. Виктор Андреевич неоднократно повторял то, что терминоведение необходимо ввести в качестве учебной дисциплины во все учебные программы, посвященные обучению профессиональным знаниям. По его мнению, преподавание иностранного языка для специальных целей должно иметь дискурсивную основу.

Все, кому посчастливилось быть собеседником Виктора Андреевича, запомнили его обаятельную улыбку, своеобразное мышление, самобытность ведения беседы.

Творческое наследие Виктора Андреевича Татаринова (более 250 научных и научно-методических работ) закрепляет его имя в списке терминоведов-классиков.

Имя Виктора Андреевича Татаринова и его образ будут храниться в нашей памяти.

*Доктор филологических наук, профессор Сергей Викторович
Гринеv-Гринеvич (Белосток, Польша),
Доктор филологических наук, профессор Эльвира Анатольевна
Сорокина (Москва, Россия),
Доктор филологических наук, профессор Санья Ибрагимовна Маджаева,
коллектив журнала «Лингвистика и образование»*

Научная статья

УДК 811.111.8

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-9-18>

5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(французский)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА СЕНЕГАЛА

Жером Багана¹, Татьяна Владимировна Дугина², Анастасия Викторовна Свиридова³

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

^{2,3} Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

¹baghana@yandex.ru,

²tatianadugina@yandex.ru,

³OstaninaAV@rgsu.net,

Аннотация. В статье рассматриваются фонетические особенности французского языка на территории Сенегала. В акролектном, базилектном и мезолектном варианте языка рассмотрены фонетические преобразования, которые происходят под влиянием автохтонных языков. Приводятся примеры и анализ фонетических замен и оппозиций как гласных, так и согласных звуков. Интерференция зависит также от социолингвистических факторов, таких как уровень образования и достаток семьи, место проживания.

Ключевые слова: акролектный вариант, базилектный вариант, мезолектный вариант, фонетика, французский язык в Сенегале, интерференция

Для цитирования: Багана Ж., Дугина Т.В., Свиридова А.В. Фонетические особенности французского языка Сенегала // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 9-18. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-9-18>

Original article

PHONETIC FEATURES OF THE FRENCH LANGUAGE IN SENEGAL

Jerome Baghana¹, Dugina Tatiana Vladimirovna², Sviridova Anastasia Viktorovna³

¹Belgorod state university, Belgorod, Russia

^{2,3} Russian state social university, Moscow, Russia

¹baghana@yandex.ru,

²tatianadugina@yandex.ru,

³OstaninaAV@rgsu.net,

Abstract. The article examines the phonetic features of the French language in Senegal. The phonetic transformations that occur under the influence of autochthonous languages are considered in the acrolect, basilect and mesolect versions of the language. Examples and analysis of phonetic substitutions and oppositions of both vowels and consonants are given. Interference also depends on sociolinguistic factors, such as the level of education and wealth of the family, and the place of residence.

Keywords: acrolect variant, basilect variant, mesolect variant, phonetics, French in Senegal, interference

For citation: Baghana J., Dugina T.V., Sviridova A.V. Phonetic features of the French language in Senegal, Linguistics & education, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 9-18. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-9-18>

Окружающая человека действительность и его представления о мире находят свое отражение в языке, который является важным инструментом отображения картины мира не только индивидуума, но и целого народа. Следовательно, французский язык, импортированный в Сенегал, должен будет изменяться под воздействием социолингвистических, интерференционных и социокультурных явлений. По сравнению с языком бывшей метрополии французский язык в Африке в целом и в Сенегале в частности имеет свою специфику, которая проявляется на всех языковых уровнях.

В рамках данного исследования сосредоточимся на фонетических особенностях, следовательно, необходимо дать определение термина «фонетика». Д. Ориджи рассматривает фонетику как «акустическую особенность речи, звуковой аспект языка, состоящий из сегментарных фонем, охватывающих гласные и согласные; и надсегментарных фонем, включающих в себя высоту напряжения языка» [1, с. 77]. Д. Юл пишет, что «фонетика представляет собой описание систем и паттернов речевых звуков в языке» [2, с. 289], К. Джонсон, Л. Ладефогд под фонетикой понимают «описание систем и паттернов звуков, которые встречаются в языке» [3, с. 209].

Исследования французского языка, бытующего в таких странах Африки как Республика Конго, Демократическая Республика Конго, Республика Камерун доказывают, что в произношении и лексике имеется специфика, которая отграничивает центральнофранцузский вариант от африканских вариантов французского языка. По мнению А.И. Чередниченко, «лексика, которой пользуются местные жители, на фонетическом уровне представляет собой исторически сложившуюся совокупность признаков, характеризующих этот ареал как в целом, так и по отдельным его зонам» [4, с. 73].

Интерференция фонетических систем локальных языков обуславливает фонетическую специфику французского языка на территории Африки. Как отмечает А.М. Молодкин, «фонологические черты языка, изучаемого в качестве второго, могут рассматриваться под углом интерференции со стороны родного языка, вследствие чего фонологическая система разновидности второго языка

формируется в результате приспособления к ней существующей фонологической системы родного языка» [5, с. 144]. Контактные фонетические манифестации происходят в тех точках, где состав фонем первого и второго языков неодинаковый. О.А. Гулыга подчеркивает, что «наблюдения над фонологией делают возможным анализ специфического варьирования – социоситуативного. Именно звучащая устная речь выдает социальный статус говорящего» [6, с. 170].

Рассматривая фонетические изменения на примере французского языка Сенегала, отмечаем, что их интенсивность зависит от социальных факторов: место жительства, уровень достатка семьи и образования.

Образ жизни каждого сенегальца определяет степень владения официальным французским языком.

Степень интерференции со стороны местных языков меньше у носителей акролектного варианта французского языка в Сенегале, так как большинство может позволить себе получить высшее образование во Франции. Наибольшая степень интерференции проявляется в речи сенегальцев, носителей базилектного варианта французского языка, соответственно в их речи наблюдаются фонетические ошибки. Степень интерференции определяется также местом жительства. Например, жители Сенегала, проживающие в городах, чаще используют французский язык и уровень владения им выше, потому что он выступает в роли языка межэтнического общения.

«В сельской местности французский язык искажается, благодаря взаимодействию с локальными языками, данное явление получило название «этнолекта». Под этнолектами понимаются акценты, характеризующие речь определенной этнолингвистической группы или общности, сформировавшиеся в результате интерференционного влияния на него родных языков носителей» [7, с. 112].

Таким образом, билингвизм в Сенегале обуславливает фонетическую интерференцию и формирование сенегальского варианта французского языка.

Качество произношения сенегальцев, говорящих на французском языке, как было сказано выше, сильно зависит от их уровня образования или качества их обучения. Существуют две основные разновидности франкосенегальского произношения:

1. мезолектальное произношение, соответствующее среднему уровню владения языком, допускающее некоторые фонетические неточности;

2. акролектное произношение, характерное для «элитных» групп общества, владеющих французским языком на высоком уровне.

Важную роль в формировании французского акцента у сенегальцев играет школьное обучение французскому языку (качество произношения учителей, качество преподавания и др.), а также влияние фонетики родного языка (чаще всего волоф), элементы произношения которого проникают во французский язык [8, с. 62].

Поскольку количество носителей языка, говорящего на акролектном варианте французского языка, в Сенегале крайне ограничено, что объясняется социальным и материальным положением этих индивидов в обществе, рассмотрим подробнее особенности мезолектального произношения в Сенегале.

Для сенегальского акцента франкоговорящих индивидов характерно использование более округлых переднеязычных гласных. Речь идет об исчезновении оппозиций [o] – [œ] и [y] – [i]=[u]. Звуки [œ] и [y] отсутствуют в языке волоф как и в других автохтонных языках, поэтому зачастую наблюдаются следующие фонетические преобразования во французском языке Сенегала:

- 1) [o] – [œ]: chauffeur [sofoor]; couleur [kuloor] (шофер);

- 2) [y] – [i]: piqure [pikkiir] (укол); minute [minit] (минута);

- 3) [y] – [u]: Surtout [surtu] (особенно).

Поскольку в оппозиции [y] – [i]=[u] возможны две равноправные замены, которые параллельно существуют в языке, возможны два способа замены фонемы [y]: ceinture [sentir]=[sentur] (ремень).

Для французского языка Сенегала свойственно нетипичное использование звука [ə], в тех частях слова, где он либо выпадает в общепольском языке, либо не произносится вовсе.

Так, например, [ə] можно услышать в середине и начале слов в позиции (V)-C-E-C-V или C-V-E-C-V (где C – это согласный звук (фр. consonant), V – гласный звук (фр. voyelle), E – буква французского алфавита): épicerie [episəri] (продуктовый магазин), acheter [aʃətə] (покупать), petit [pəti] (маленький), tuerie [tuəri] (убийство).

Отметим также произнесение звука [ə] в конце слов, где написана буква «е», например: poste [pɔstə] (почта), sucre [su:krə] (сахар).

В сенегальском варианте французского языка отмечается тенденция к исчезновению носовых гласных звуков, вызванная тем, что ни в волоф, ни в других национальных языках нет носовых гласных звуков. Отсутствие носовых гласных звуков приводит к некоторым трансформациям при произнесении слов французского языка в зависимости от места их положения в слове:

1) в начале слова носовые звуки заменяются на неносовой эквивалент с добавлением звуков [n] или [m]: continuer [kontinie] (продолжать), confiture [konfitir] (варенье);

2) на конце слова в закрытом слоге носовые звуки звучат более протяжно и прерывисто: ordonnance [ordonaas] (рецепт на лекарства), dimanche [dimaas] (воскресенье), trente [traatə] (тридцать);

3) на конце слова в открытом слоге носовой звук заменяется на неносовой эквивалент, за которым следует звукосочетание [ng]: ciment [simang] (цемент), commandant [komandang] (комендант чин в армии).

Таким образом, во французском языке Сенегала отсутствуют гласные звуки [y] и [œ], а также полностью отсутствуют носовые звуки.

Французский язык подвергся интерференции не только со стороны гласных звуков местных языков, но также и со стороны согласных звуков.

В системе согласных звуков местных языков (в частности в языке волоф) отсутствуют некоторые согласные звуки, характерные для общепольского произношения, поэтому звуки, характерные для местных языков используются в фонетической системе сенегальского варианта польского языка. Так, несвойственные волофу звуки польского языка [ʃ], [ʒ] и [z] заменяются на звук [s], а звук [v] часто заменяется на нехарактерный для польского языка звук [w], широко используемый в волофе. Например, [ʃ] – [s] chef [seef] (шеф, начальник), cheri [seeri] (дорогой), machine [masin] (машина); [ʒ] – [s] marge [marse] (поле), page [pas] (страница); [z] – [s] crise [cris] (кризис), visite [visit] (визит).

Отметим особые случаи, когда фонетическая интерференция местных языков может привести к неточности произношения и недопониманию в парах слов: manche (рукав) – mange (ест) = [mans]; page (страница) – passe (проходит) = [pas]; lâche (трусливый нахал) – lasse (уставший) = [las] и т.д.

Получается, что разные при написании и произнесении слова в силу интерференции становятся омофонами в сенегальском варианте польского языка.

В общепольском языке так же, как и в его сенегальском варианте существуют оппозиции [b] – [p], [g] – [k], [d] – [t]. Несмотря на наличие данных оппозиций в обоих вариантах, в сенегальском польском языке прослеживается тенденция к оглушению конечных согласных, которая приводит к полному исчезновению всех вышеперечисленных оппозиций в сторону глухих звуков:

[b] – [p]: pub [pup] (реклама), bombe [bomp] (бомба), tube [tip] (тюбик), cube [cup] (кубик);

[g] – [k]: bague [bak] (кольцо), blague [blak] (шутка), dingue [denk] (сумасшедший);

[d] – [t]: façade [fasatə] (фасад), malade [malat] (больной), liquid [likit] (жидкость).

Типичная для сенегальского варианта французского языка замена звука [v] на звук [w] (иногда на [b]) объясняется отсутствием французского [v] в местных языках. Данное явление проявляется вне зависимости от положения звука [v] в слове: velo [welo] (велосипед), voiture [watir] (машина), vinaigre [bineeger] (уксус), cravate [sarawaat] (галстук), avion [awion] (самолет), grave [garaaw] (тяжелый), grève [gereew] (забастовка).

Последней важной фонетической особенностью сенегальского произношения является отсутствие типичных для общепольского языка групп согласных (кроме комбинаций mb, nd, ng с носовыми звуками), а именно структура C+C+V в начале слова не типична для местных языков. Последним свойственна структура C+V+C, которую сенегальцы перенесли в свой польский язык: programme [porogaraam] (программа), place [palaas] (место, площадь), glace [galas] (лед).

Группа звуков V+C+R в конце слов также претерпевает изменения в структуре в устной речи с добавлением гласного звука [a] или [e] между согласным и R, что дает новую структуру V+C+(A/E)+R, например: poudre [puuder] (пудра), vinaigre [bineeger] (уксус), poivre [poober] (перец).

Поскольку большинство сенегальских языков имеет фонетическую структуру слов C+V+C+V, то эта структура также переходит и в общепольский язык.

Как известно, в общепольском языке ударение падает на последний слог слова или на конечный слог последнего слова ритмической группы, т.е. ударение во польском языке может смещаться в рамках различных ритмических групп. Языки же волоф, преобладающие в Сенегале, характеризуются фиксированным ударением слов. Как правило, ударным будет первый слог [12].

Волофофоны имеют тенденцию также создавать просодические группы, однако в отличие от просодики общепольского языка, сенегальский вариант

тяготеет к интонационному и/или тональному выделению первого слога группы [13, с. 155]. Другой отличительной чертой сенегальского произношения французского языка является понижение тона и снижение интенсивности голоса в конце ритмических групп. П. Дюмон отмечает, что, несмотря на смещение ударения на начало слова/фразы, а также понижение интонации в конце каждой ритмической группы, данные отклонения не влияют на понимание франкоязычной речи сенегальцев [11, с. 50]. Однако «произносительные привычки» в сенегальском варианте французского языка далеки от кодификации [12, с. 81].

В целом в большинстве случаев наблюдаемые фонетические и просодические различия сенегальского и общефранцузского произношения связаны с языками субстрата, то есть местного языка, который является родным для индивида. Говорящие, как правило, при переходе на французский язык заменяют звуки чужого языка близкими по звучанию звуками родного языка, а также сохраняют привычную интонацию и деление фраз на ритмические группы.

© Багана Ж., Дугина Т.В., Свиридова А.В., 2024

Список источников

1. Oriji J. Nnamdi Azikiwe: the triumph of knowledge / J. Oriji // *The Igbo Intellectual Tradition: Creative Conflict in African and African Diasporic Thought*. – New York, 2013. – Pp. 67-88.
2. Yule G. *The study of language* / G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 340 p.
3. Ladefoged P. *A course in phonetics* / P. Ladefoged, K. Johnson. – Boston, MA [u.a.]: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. – 322 p.
4. Чередниченко А.И. *Язык и общество в развивающихся странах Африки* / Чередниченко А.И. – Киев: Изд-во при Киевском ун-те, 1983. – 165 с.
5. Молодкин А.М. *Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте*. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 184 с.
6. Гулыга О.А. *Дидактический акцент как проявление социоситуативного варьирования* / О.А. Гулыга // *Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики: Тезисы докладов и сообщений Международной конференции*. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 170-171.
7. Блажевич Ю.С. *Политика официального билингвизма в многоязычном Камеруне* / Ю.С. Блажевич, Е.Л. Куксова. // *Научная мысль Кавказа*. – 2018. – № 2 (94). – С. 101-104.
8. Dialo A. *Le contact wolof/français au Sénégal* / A. Dialo // *Visages du français variétés lexicales de l'espace francophone. Actualités scientifiques*. – Paris, AUPELF-UREF, 1990. – Pp. 59-68.

9. Boutin B.A., Gess R., Guèye G.M. French in Senegal after three centuries. A phonological study of Wolof speakers French / B.A. Boutin, R.Gess, G.M.Guèye // *Studies in Language Variation*, 2012. – Pp. 45-71. – DOI 10.1075/silv.11.04bou
10. Fall M. Baisse du niveau des élèves en français: mythe ou réalité. Le cas du Sénégal / M. Fall // *SudLangues*. – № 3. – 2003. – Pp. 150-161.
11. Dumont P. Le français et les langues africaines au Sénégal, Préface de Léopold Sedar Sengho / P. Dumont. – Paris, A.C.C.T et Karthala, 1983. – 523 p.
12. Багана, Ж. Общая характеристика произношения африканских франкофонов / Ж. Багана. // *Вопросы языкознания*. – 2006. – № 6. – С. 76-81.

References

1. Oriji J. Nnamdi Azikiwe: the triumph of knowledge / J. Oriji // *The Igbo Intellectual Tradition: Creative Conflict in African and African Diasporic Thought* / ed. by G. Chuku. – New York, 2013. – Pp. 67-88. – ISBN 978-1-137-31129-0.
2. Yule G. *The study of language*. Cambridge University Press, 2014. – 340 p.
3. Ladefoged P. *A course in phonetics*. Boston, MA [u.a.]: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. – 322 p. – ISBN 13: 978-1285463407.
4. Cherednichenko A.I. *Iazyk i obshchestvo v razvivaiushchikhsia stranakh Afriki* [Language and society in the developing countries of Africa]. Kiev: Izd-vo pri Kievskom un-te, 1983. – 165 p.
5. Molodkin A.M. *Vzaimodeistvie iazykov raznogo tipa v etnokulturnom kontekste* [Interaction of different types of languages in an ethnocultural context] / A.M. Molodkin; pod red. L. I. Barannikovoi. – Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 2001. – 184 p.
6. Gulyga O.A. *Didakticheskii aktsent kak proiavlenie sotsiositua-tivnogo varirovaniia* [Didactic accent as a manifestation of sociosituative variation]. *Funktsionirovanie iazykovykh edinits v aspekte natsionalno-kulturnoi spetsifiki: Tezisy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi konferentsii* [The functioning of linguistic units in the aspect of national and cultural specificity: Abstracts of reports and reports of the International Conference]. – M.: Izd-vo RUDN, 2003. – Pp. 170-171.
7. Dialo A. Le contact wolof/français au Sénégal // *Visages du français variétés lexicales de l'espace francophone*. Actualités scientifiques. – Paris, AUPELF-UREF:1990. – Pp. 59-68.
8. Blazhevich Iu.S. *Politika ofitsialnogo bilingvizma v mnogoiazychnom Kamerune* [The policy of official bilingualism in multilingual Cameroon]. *Nauchnaia mysl Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 2018. – Vol. 2 (94). – Pp. 101-104.
9. Boutin B.A., Gess R., Guèye G.M. French in Senegal after three centuries. A phonological study of Wolof speakers French. *Studies in Language Variation*, 2012. – Pp. 45-71. – DOI 10.1075/silv.11.04bou
10. Fall M. Baisse du niveau des élèves en français: mythe ou réalité. Le cas du Sénégal // *SudLangues*. № 3. – 2003. – Pp. 150-161.
11. Dumont P. Le français et les langues africaines au Sénégal, Préface de Léopold Sedar Senghor. Paris, A.C.C.T et Karthala. 1983. – 523 p.
12. Baghana, J. *Obshchaia kharakteristika proiznosheniia afrikanskikh frankofonov* [General characteristics of the pronunciation of African francophones]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of linguistics], 2006. – Vol. 6. – Pp. 76-81.

Жером Багана

доктор филологических наук, профессор, профессор НИУ
«БелГУ», Белгород, Россия
baghana@yandex.ru

Jerome Baghana

doctor of Philology, professor, professor, Belgorod state university,
Belgorod, Russia
baghana@yandex.ru

Дугина Татьяна Владимировна	преподаватель, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия tatianadugina@yandex.ru ,
Dugina Tatiana Vladimirovna	lecturer, Russian state social university, Moscow, Russia tatianadugina@yandex.ru
Свиридова Анастасия Викторовна	преподаватель, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия OstaninaAV@rgsu.net
Sviridova Anastasiia Viktorovna	lecturer, Russian state social university, Moscow, Russia OstaninaAV@rgsu.net

Научная статья

УДК 61:001.4:81

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-19-31>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Елена Владимировна Бекишева ¹, Тамара Валентиновна Рожкова ², Ольга Михайловна Рылкина ³

^{1,2,3}Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия

¹zondterm@gmail.com

²t.v.rozhkova@samsmu.ru

³o.m.rylkina@samsmu.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка дать полное представление о сущности причинно-следственного взаимодействия и доказать, что оно является основой научного знания. Всё в мире имеет свою причину и свои последствия. Причина и следствие являются важными компонентами медицинского знания, которые находят своё выражение в специальных терминах. Целью настоящей работы является исследование способов репрезентации гносеологической категории причины и следствия и выявление её эксплицитных и имплицитных характеристик. Термины, репрезентирующие категорию причины и следствия, широко представлены в медицинской терминологии. Этот факт объясняется экстралингвистическими факторами, которые включают как этиологию, так и последствия заболевания. Изучение экстралингвистических факторов и имплицитных логических взаимосвязей между словообразовательными и, собственно, терминообразовательными элементами позволило выявить 11 групп прототипических причинно-следственных признаков. Каждая из групп представляет один вид причинно-следственных связей. Термины каждой группы объединяются определёнными категориальными признаками, представляющими исследуемую категорию причины и следствия.

Ключевые слова: медицинская терминология, когнитивная лингвистика, категория, причинно-следственные отношения, терминообразование, структура слова, этиология

Для цитирования: Бекишева Е.В., Рожкова Т.В., Рылкина О.М. Репрезентация категории причины и следствия в медицинской терминологии// Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 19-31. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-19-31>

Original article

THE REPRESENTATION OF CAUSATIVE-CONSECUTIVE CATEGORY IN MEDICAL TERMINOLOGY

Elena V. Bekisheva ¹, Tamara V. Rozhkova ², Olga M. Rylkina ³

^{1,2,3}Samara state medical university, Samara, Russia

¹zondterm@gmail.com

²t.v.rozhkova@samsmu.ru

³o.m.rylkina@samsmu.ru

Abstract. This paper makes an attempt to provide a thorough insight into the essence of causative-consecutive interaction and prove that it is the base of scientific knowledge. Everything

in the world has its cause and effect. They are essential components of medical knowledge which are reflected in medical terms. The aim of the article is to investigate the way medical terms represent the gnoseological category of cause and effect, to reveal its explicit and implicit characteristics. The methods of definitional, derivational, semantic, categorical, conceptual, and compositional analysis are used in the investigation. The paper assumes the terms representing the category of cause and effect prevail in medical terminology. This prevalence is due to extralinguistic factors such as aetiology and the consequences of a disease. The authors introduce the notion “causal term relevance” and develop a number of rules of relevance. These rules and the study of extralinguistic factors and implicit logical links between word(term)-building elements revealed 11 prototype causative-consecutive characteristics. Each group represent one type of causative-consecutive relations. Definite category features, demonstrating cause and effect categories, combine terms in every group. Conclusion. The category of cause and effect is one of the most important medical concepts because it deals with the theory of pathology and is able to represent both the aetiology of the diseases and the conditions of the development of the disease by language means. The choice of language means by the author of the term influence the evolution of the scientific concept.

Keywords: medical terminology, cognitive linguistics, category of cause-effect relations, causal term relevance, term-building, word structure, aetiology

For citation: Bekisheva E.V., Rozhkova T.V., Rylkina O.M. The representation of causative-consecutive category in medical terminology, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 19-31. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-19-31>

Introduction

The problem of how everything happens and what is the cause of the events and what they can result into has always attracted people’s attention. Cause-effect relations are essential for the linking of objects or phenomena. Since the beginning of modern science, the meaning of the term «cause» is restricted to «efficient cause, or extrinsic motive agent, or external influence producing change – in contrast to other kinds of cause, such as final, internal» [1. p. 33]. Causation focuses “on prolonged progression rather than instantaneous events, and their causation to a particular process” [2. p. 6]. Thus, on closer inspection cause falls into external circumstances, whereby something is happening, internal circumstances due to which something is happening, and excitement which is the immediate trigger. The notion of causality generalizes the idea that some event takes place only being conditioned upon the other one which is its cause. Nonetheless one can easily confuse post hoc with propter hoc.

The issue of cause-effect relation in the language of science and in the language of medicine has not been studied enough. There are several works devoted to this phenomenon in a sentence at the syntactic level (Shapiro, 2008, Holonina

N.A., 2001, Vsevolodova M.V., YAshchenko T.A., 2001 etc.). The number of studies which deal with cause-effect relations in medical terminology is limited by the following works: “Otrazhenie gnoseologicheskoy kategorii kazual'nosti v nazvaniyah boleznej” [3], “Otrazhenie kategorij prichiny i sledstviya v terminologii psihiatrii” [4].

A.M. Amatov [5. p. 3] states that implicit and explicit constructions possess similar causative-consecutive traits. Thus language means of expression can be divided into marked and unmarked. Language system is determined and all its functions are conditioned. Thus the principles of causality account for the sheer language system and guarantee language levels interplay in speech-making. Being not a trivial layering of language levels but a strict, clear multilayer organization, the systemic structure of the language involves co-subordination of all language levels in the speech-making process.

The **aim** of this work is to reveal conceptual features, which represent the cause-effect relations in the medical terminology and to classify their types and verbal terminological markers taking into consideration explicit and implicit characteristics represented in the structure and semantics of medical terms.

Material and methods

We have analyzed the means of the representation of cause-effect relations as exemplified in the medical terms which were chosen from the following medical dictionaries [6, 7, 8, 9, 19, 11].

We consider that complex approach allows investigating and adequately describing the cognitive processes which are reflected in medical terminology. The methods include definitional, derivational, semantic, categorical, conceptual, and compositional analyses. They allow present the studied problem in an integrated manner.

Results and discussion

The development of nosology was connected with the one of etiological signs of the diseases and their neat characterization. However, statistical analysis demonstrates that 28% of nosologic units reflect the seme of causality in their names.

This can be explained by the extralinguistic reasons, the most important of which is the lack of information on the etiology of diseases. The etiology of many somatic disorders hasn't been studied enough yet. Clinical terms reflecting the category of causality began to appear in the mid-19th century when advancement in medicine allowed us to explain the ways of pathogenic organisms invade into the human body.

Nowadays the terminology of infectious diseases and helminthology represent the category of etiology most explicitly. In these term systems structural model “term-element + -osis, (-iasis)” (causative agent + disease) is highly productive. The suffixes *-osis* and *-iasis* have a common categorical meaning «consequence» and disciplinary meaning «general disease». Categorical meaning of causality, disciplinary meaning of etiology are represented by an attributive term-element. Pathogenic microorganisms are the causative agents of infectious diseases and belong to groups of bacteria, fungi, protozoa. Morphologically the first term-elements represent these concepts (*e.g.*, *toxoplasmosis – a parasitic disease caused by the protozoan Toxoplasma gondii; mycosis – a fungal infection of animals and humans*). Such structure of the terms contributes to terminological systemacity of these medical field and speak for the status of etiological issues in these fields of medicine. Thus the structure of a derivative term is determined both by the orders of morphology, term-elements semantic combinability, and the cognitive basis of creative processes in science.

Language being not a mere set of signs used for information transfer. It is a system in which the principle of semantic interaction comes to the fore. Term-elements, being minimal segmental elements of terms, are likely to express causal meanings only being a part of a derivative word. This is conditioned by close semantic interaction with the basic elements having consecutive meaning, which are represented by the suffixes *-osis*, *-iasis*.

The use of the model containing the suffixes *-osis* and *-iasis* in term-building of other medical term systems as well as propositional lexical gaps filling, which miss the seme «causative agent», results in terminological polysemy. *E.g.* *alcalosis – a disturbance of the body's acid-base balance in which there is an accumulation of*

alkali or a loss of acid; tabacosis – chronic tobacco poisoning brought about by excessive use of or exposure to tobacco, especially the occupational disease from inhaling the dust in cigar and tobacco factories. Relations between term-elements in the analyzed model are not limited by cause-and-effect links i.e. the term *alcalosis* represents the link *a disease and its manifestation at biochemical level*, the term *tabacosis* (syn. *pneumoconiosis*) represents *a disease and an affected anatomical object (lung)*.

Interpretation of such terms and their semantic differentiation on the recipient's mental level demand the work of conceptual instruments of medical domain knowledge. Semantics of the terms formed according to this model depend not only on explicitly represented meanings of term-elements, but on implicit correlations, affiliation to different lexico-semantic fields, recipient's cognitive and interpretative abilities acquired from professional background. This conclusion supports the idea that a word is a form of thought, while notion is the result of intellectual operation. A.A. Potebnya considered conceptual space to be an elastic sphere capable of both contracting till point-size and extending endlessly. Within this space there may be a blending of sense particles which is evaluated as semantic variation.

Being not explicit in elements of various medical term subsystems, causal sign is an obscure cognitive foundation of the term naming unit. For instance, the term *dactylitis* (*Gr. dactylos – a finger + -itis – inflammation*) means *inflammation of fingers due to chronic pulmonary disease or syphilis*. Its definition presupposes that medical professionals using the term in communication imply the appearance of conceptual components either «pulmonary disease» or «syphilis» representing the etiology of the disease. This conclusion demonstrates the influence of terminology on the diagnostic thinking of a doctor.

Cause-effect links as an indispensable component of scientific thinking can be represented by an attributive terminological word-combination. Meanings of some terms can be actualized and specificated in a word-combination. The essence of scientific concept is also disclosed in a word-combination. Being a level element of terminology, a word-combination conveys cause-effect relation to the fullest extent.

Interaction of explicit and implicit ways of causality expression takes place in a word-combination as well.

A.M. Amatov singled out the rules of causative constructions relevance which run at the level of word-combination: «By relevance of causal utterance we mean its correspondence to people's ideas about cause-and-effect links and the possibility to include an utterance into a certain discourse» [5. p. 3-10]. Further the author emphasizes: «In other words we don't speak about grammaticalness of the utterance, observance/violation of lexical co-occurrence rules, but we speak about the utterance meeting of the requirements which are demanded by the situation, as well as the speaker and listener's competence in the issues of cause-effect relations» [5. p. 3-10].

Having analyzed this quotation in the context of studied terms we suggest the following working definition of the causal term relevance. By causal term relevance we mean its correspondence to the professional image of aetiology of diseases taking into consideration the health professional's competence in the understanding of multicausality and conditionalism.

Terminological word-combinations analysis showed that the connection between cause and effect is based on the following rules of relevance.

Time domain relevance results from the linear character of the causal link, i.e. from two propositions: the cause *a* is certain to precede the consequence *b*. It is clear that this rule is not obligatory for all attributive constructions because “post hoc non est propter hoc”.

Genetic relevance presupposes nomenclator's assurance, based on the reality and objectivity of scientific knowledge, that the cause *a* is fundamental to the consequence *b*, or at least ranks among these conditions. However, etymology of some terms created at the early stages of medicine shows genetic relevance to be a relative concept. For example, the cause revealed in the term *rheumatism* (*Gr. rheuma – fluid discharge + -ismus – sickness*) represents Hippocrates' humoralism relevant for ancient Greek medicine. Nevertheless, the real cause of this disorder, *streptococcus A*, is not indicated in the term structure. In view of a large amount of such terms in modern medicine we can state about historical aspect of relevance.

Choice relevance means that *a* is the basic condition for the formation of *b*. The condition of the relevance is viewed as a factor which allows to represent the nomenclator's subjective choice of the condition when the disease is developing. Yet this choice should correspond to current scientific ideas about aetiology of diseases. It means that term building should be studied both from the perspective of objective scientific data and anthropocentrism. Thus it's necessary to take into consideration both ontological and gnoseological aspects, as well as the background knowledge of a specialist.

By means of logical inference we classified medical terms into several groups. The members of the groups are combined by the revealed prototype cause-effect characteristics explicitly represented in a term structure and implicit characteristics derived from term-elements meanings.

1. Names of diseases, caused by a known causative agent (e.g. *streptococcal pneumonia, candidal angina, amebic urethritis*). Members of this group are semantic variants of derived terms with initial term-element «causative element» described above. However, when the same “disease” is represented in the terminological word-combination (location and clinical manifestation of a disease), the suffixes *-osis* and *-iasis* represent the disease more abstractedly as «non-inflammatory morbid condition».

2. Names of pathological states or diseases resulting from predisposing or comorbid conditions. Cause-effect relations are the commonest type of links. International Classification of Diseases, 10th Edition [12] contains word families with specific differential characteristics representing causal relations, e.g. *atherosclerotic retinopathy, anaemic retinopathy, hypertensive retinopathy, leukaemic retinopathy* (*L. retina – amphiblestrodes, Gr. pathia – suffering*).

Scientific medical vision of the inseparable link between etiology and pathogenesis is represented in the structure of medical terms both at the semantic and structural level. For example, the term *reflux esophagitis* demonstrates the close link between the cause (*esophagitis – inflammation of the esophagus*) and consequence (*reflux – an abnormal backward or return flow of liquid*). This phenomenon is

confirmed by structural transformation of an attributive word-combination into a substantive one (in Russian such word-combinations contain a hyphen, e.g. *рефлюкс-эзофагум*). Etiological signs prevail in the semantic link, while word-combination structure predicates pathogenesis (simultaneity of both pathological processes). Terminological word-combinations with the basic seme “pathological object or neoplasm” are also included in this group, e.g. *atherosclerotic aortic aneurism, tumour thrombus, syphilitic roseola* etc.

The cause predating the consequence is a necessary condition of causality in its ontology. Progressive development of the event and generative phenomenon preceding a generated one, causative relations are oftentimes represented by prefixes *after-* and *post-*, e.g. *postoperative cicatrix, postconcussion syndrome, afterimage* etc.

Prefix *post-* in combination with the term-element meaning «surgical intervention» is highly productive in the names of syndromes, e.g. *postcardiotomy syndrome, postcholecystectomy syndrome, postgastrectomy syndrome*.

Terms containing element *pseudo-* (*false*) adjoin this group as well, e.g. *pseudonephrotic retinitis – degeneration of retina accompanying kidney disease*. Term-element *pseudo-* has an implicit seme “prevention of misdiagnosis” and indicates the possibility of an incorrect diagnostic sign. Being useful pragmatically, the given semantic pattern is productive in the names of syndromes, e.g. *pseudoabdominal syndrome – a group of symptoms characteristic of acute abdominal conditions which develop in the other place for example in case of myocardial infarction*.

False representation of disease causes is provided by the suffix *-oid* (“*similar to*”) and a compound term-element *false*, e.g. *lupoid sycosis – is a cutaneous condition of unknown aetiology that is characterized by a scarring form of deep folliculitis, typically affecting the beard area (disease occurs in lupus)*.

3. Names of diseases representing the shift of pathologic process from one organ to another. In this group the term element *-genic* is highly productive, e.g. *otogenic brain abscess (abscess of the ear spreads to the brain)*. The seme shift is revealed in the word-building structure of the term *metastasis – spread of pathologic*

material. In oncological terminology there are dozens of terms with the attributive component *metastatic*, e.g. *metastatic retinitis – inflammation of the retina caused by the invasion of the pathogen from a remote focus of infection*. The adjective *reactive* and its synonym *satellite* in combination with the name of a disease imply the cause of the disease, e.g. *reactive hepatitis* or *satellite hepatitis – hepatitis resulting from other inner organs damage*.

4. Names of diseases representing a body system disturbance, e.g. *immune agranulocytosis – a disease which results from weakening of the immune system; hematogenic sigmoiditis – inflammation of the sigmoid colon due to invasion of the causative agent into the intestinal wall through the blood flow*.

5. Names of diseases caused by external mechanical damage or endogenic (internal) mechanical agent. This group includes surgical terms which are the names of wounds and some other injuries, e.g. *incised wound (post a cut), gunshot wound (post firearms injury)*.

All the above mentioned examples of term word combinations show the capability of scientific language to represent a complex concept, because they simultaneously demonstrate several categorical characteristics (terminological component *wound* represents the categories of object and consequence, while the word *incised* represents cause and sign).

Some single-word terms contain two semes “cause” and “consequence”, e.g. *poisoning, injury (trauma), burn* etc. They demonstrate term semantic extension which consists in the capacity of terms to be used either in the first or in the second category meanings. This phenomenon deals with the processes of common language variation, described by many linguists (V.A. Tatarinov, E.S. Kubryakova, V.F. Novodranova, A.V. Superanskaya, N.V. Podolskaya, N.V. Vasilieva, Yu.V. Slozhenikina etc.). Having the categorical meaning of causality in the semantic structure, such terms collocate readily and characterize the cause of the disease, e.g. *a burn – burn disease, a trauma – traumatic disease*. Endogenous mechanical factors causing pathological process include *congestion, stasis, obstruction, occlusion*,

obturation. E.g., cholestatic hepatosis – intrahepatic cholestasis, obstructive apnea – complete or partial blockage of the upper airway during sleep.

6. Names of diseases caused by professional occupation include either the names of jobs which can result in diseases (*boxer's encephalopathy, manager's syndrome*) or the substance with which a patient came into contact before a disease (*tar cancer, aniline cancer, etc.*).

7. Names of diseases resulting from exogenous causes include a lot of compound terms with the initial term element representing the cause of the disease, *e.g. photodermatitis – increased skin sensitivity to sun light, vitamin D toxicosis.*

8. Names of diseases caused by age-specific changes and physiological body states, *e.g. climacteric syndrome, gestational toxicosis.*

9. Names of diseases and pathologic conditions due to lack or excess of some substances in the body, *e.g. iron deficiency.* In this group the majority of the terms are compounds with the initial Greek prefixes *hyper-* and *hypo-* (*e.g. hyperglycemia – increased blood sugar level, hypocalcinoses – lack of calcium in bones*).

10. Names of diseases or pathologic conditions resulting from medication, *e.g. atropine delirium, desulfiram-alcohol reaction – disorder caused by alcohol consumption during antialcoholic drug treatment with desulfiram.*

11. Names of diseases caused by a bad habit. *E.g. kangri cancer (syn. kangri burn carcinoma) is a type of squamous-cell carcinoma of the skin which occurs on the lower abdomen and inner thighs and is due to the use of a kangri (a baked clay pot covered in wicker-work, used as a source for warmth by people during cold weather).* The term-element representing a bad habit is not explicit because of its foreign origin and can be revealed after etymological analysis.

An undetermined cause can also be verbalized by adverbs *idiopathic – self-sustained, essential – fundamental, cryptogenic – uncertain.* For example, *idiopathic keratosis, essential hypertension, cryptogenic hepatitis* etc. However, the existence of these diseases is explained by the detachment between the exact cause which often loses its importance immediately after the «contact» with the body and is not

perceived as a trigger. But the disease process is slowly developing according to its own intrinsic laws [13]. In this case the disease becomes a consequence of the trigger which goes unrecognized.

Conclusion

Terms representing the category of cause-effect relations prevail in medical terminology from the standpoint of pathology because they represent the aetiology of the disease which is one of the most important medical concepts. That's why the representation of cause-effect category in medicine is explained by extralinguistic causes.

The cause-effect category can also be represented in the form of condition at which the disease develops or the condition which it results in. Consequently, representing the vision of a phenomenon and choosing term-building means, a term creator by means of terminology influences the formation of a scientific concept.

By investigating linguistic means of the representation of cause-effect relation and its role in the process of term-building and term functioning we singled out 11 prototype causative-consecutive characteristics and give examples of terms which possess them. The performed analysis showed that a set of conceptual signs characteristic of cause-effect relation is limited by 11 topic groups which confirm the hierarchical organization of scientific thinking and its representation in terminology.

Knowledge of the aetiology of the disease is one of the main diagnostic and preventive factors. Therefore, the reflection of the category of cause in nosological terms acts as a trigger for the deployment of a complete aetiological picture of the disease at the mental level of a specialist.

A single language unit, representing cause-effect meanings, doesn't implement its function independently, outside a compound terms or terminological word-combinations. The link between term-elements and term-components is revealed both in the structure of a complex term and in the terminological system.

The obtained data are of great importance for applied terminology studies. They allow to develop the system of recommendations on the standardization of names of diseases, to choose the most adequate term from the group of synonymic

ones, to work out the main principles of medical term building. The methods used by the authors can be employed to analyze other medical term systems. The data can be successfully included into elective courses on medical terminology study.

© Бекишева Е.В., Рожкова Т.В., Рылкина О.М., 2024

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bunge M. Causality and Modern Science. 3d revised edition. – New York, Dover Publication Inc. – 414 p. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=0486144879> (accessed 20 August 2024)
2. Ben-Menahem Y. Causation in Science. Princeton University press, Princeton and Oxford, 2018. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=0486144879> (accessed 20 August 2024)
3. Бекишева Е.В. Отражение гносеологической категории казуальности в названиях болезней // Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. Сб. материалов 26-28 сентября 2006 г./ Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию Тамбовский госуд. Университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2006. – С. 145-148.
4. Рожкова Т.В., Барбашёва С.С. Отражение категорий причины и следствия в терминологии психиатрии // Филологическая проблематика в системе высшего образования. // Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Самара, 2018. – С. 54-58.
5. Амагов А.М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2005. – 347 с.
6. Dorland's Illustrated Medical Dictionary. 32 ed. – Philadelphia: Elsevier Health Sciences, 2011. – 2176 p.
7. Infectious Diseases. In Big Medical Encyclopaedia. Available at: http://bigmed.info/index.php/INFECTIOUS_DISEASES (accessed 20 August 2024)
8. Medical Dictionary: A Concise and Up-To-Date Guide to Medical Terms (1998). – NY, American Heritage Dictionary. – 512 p.
9. Merriam Webster's Medical Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/medicine> (accessed 20 August 2024)
10. Mosby's Medical Dictionary, 11th edition. – London, Elsevier, 2022. – 1969 p.
11. Stedman's Medical Dictionary. – М.: Med. izd-vo GEOTAR, 2003. – 719 p.
12. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th edition. Available at: <https://icd.who.int/browse10/2019/en> (accessed 20 August 2024)
13. Саркисов, Д.С., Пальцев, М.А., Хитров, Н.К., 1995. Общая патология человека. – М.: Медицина, 1997. – 608 с.

References

1. Bunge M. Causality and Modern Science. 3d revised edition. New York, Dover Publication Inc. – 414 p. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=0486144879> (accessed 20 August 2024)
2. Ben-Menahem Y. Causation in Science. Princeton University press, Princeton and Oxford, 2018. Available at: <https://books.google.ru/books?isbn=0486144879> (accessed 20 August 2024)
3. Bekisheva E.V. Otrazheniye gnoseologicheskoy kategorii kazualnosti v nazvaniyakh bolezney [Representation of Gnoseological Category of Cause in the Names of Diseases] // Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoy lingvistike. [Materials of International Congress on Cognitive Linguistics]. Sb. materialov 26-28 sentyabrya 2006 g./ Otв. red. N.N. Boldyrev; Federalnoye agentstvo po obrazovaniyu Tambovskiy gosud. un-t im. G.R. Derzhavina. – Tambov, 2006. – Pp. 145-148.
4. Rozhkova T.V., Barbasheva S.S. Otrazheniye kategoriy prichiny i sledstviya v terminologii psikiatrii [The Representation of cause and effect category in terminology of

psychiatry] // Filologicheskaya problematika v sisteme vysshego obrazovaniya [Philological Problems in Higher Education]. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Samara, 2018. – Pp. 54-58.

5. Amatov A.M. Prichinno-sledstvennyye svyazi na raznykh urovnyakh yazyka [Causal Relationship at Various Language Levels]: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. – M., 2005. – 347 p.

6. Dorland's Illustrated Medical Dictionary. 32 ed. Philadelphia: Elsevier Health Sciences. 2011. – 2176 p.

7. Infectious Diseases. In Big Medical Encyclopaedia. Available at: http://bigmed.info/index.php/INFECTIOUS_DISEASES (accessed 20 August 2024).

8. Medical Dictionary: A Concise and Up-To-Date Guide to Medical Terms (1998). – NY, American Heritage Dictionary. – 512 p.

9. Merriam Webster's Medical Dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/medicine> (accessed 20 August 2024).

10. Mosby's Medical Dictionary, 11th edition. – Elsevier, 2022. – 1969 p.

11. Stedman's Medical Dictionary. – M.: Med. izd-vo GEOTAR, 2003. – 719 p.

12. International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th edition. Available at: <https://icd.who.int/browse10/2019/en> (accessed 20 August 2024).

13. Sarkisov D.S., Paltsev M.A., Khitrov N.K. 1995. – Obshchaya patologiya cheloveka [General Human Pathology]. – M.: Meditsina, 1997. – 608 p.

Бекишева Елена Владимировна | доктор филологических наук, доцент, СамГМУ, Самара
e.v.bekisheva@samsmu.ru

Bekisheva Elena Vladimirovna | doctor of philology, professor, Samara SMU, Samara
e.v.bekisheva@samsmu.ru

Рожкова Тамара Валентиновна | кандидат филологических наук, доцент, СамГМУ, Самара
rozhkovatamarav@yandex.ru

Rozhkova Tamara Valentinovna | candidate of philology, associate professor, Samara SMU, Samara
rozhkovatamarav@yandex.ru

Рылкина Ольга Михайловна | старший преподаватель, СамГМУ, Самара
olga-rylkina@yandex.ru

Rylkina Olga Mikhailovna | senior lecturer, Samara SMU, Samara
olga-rylkina@yandex.ru

Научная статья

УДК 81`37

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-32-44>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Наталья Васильевна Бисерова¹, София Ильинична Минеева²

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ntlbiserova@rambler.ru

²sofiya.mineeva.02@mail.ru

Аннотация. Изучены семантические особенности специальной медицинской лексики в лексикографическом аспекте. Описаны этапы проектирования глоссария специальной лексики, в котором отражены ее семантические отношения. На первом этапе обоснован выбор медицинской предметной сферы и целевой аудитории. На втором этапе определены типологические параметры глоссария, в соответствии с которыми он является терминологическим, двуязычным, толковым, тезаурусно-энциклопедическим, электронным. На третьем этапе сформирован корпус терминов, а также их словарных и контекстуальных дефиниций, отобранных из словарей медицинских терминов и научно-популярного медицинского текста. На четвертом этапе проанализированы словарные и контекстуальные дефиниции терминов методом компонентного анализа, описаны семантические отношения специальной лексики. На пятом этапе проектирования глоссарий оформлен в электронном документе с гиперссылками. Проектируемый глоссарий имеет следующую структуру: термин, словарная дефиниция, контекст, перевод контекста, контекстуальная дефиниция, перевод термина.

Ключевые слова: специальная лексика, глоссарий, дефиниция, типологические параметры глоссария, компонентный анализ

Для цитирования: Бисерова Н.В., Минеева С.И. Семантические особенности специальной медицинской лексики в лексикографическом аспекте// Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 32-44. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-32-44>

Original article

SEMANTIC FEATURES OF SPECIAL MEDICAL LEXIS IN LEXICOGRAPHIC ASPECT

Natalia V. Biserova¹, Sofia I. Mineeva²

^{1,2}Perm state university, Perm, Russia

¹ntlbiserova@rambler.ru

²sofiya.mineeva.02@mail.ru

Abstract. The issue of semantic features of special medical lexis in lexicographic aspect is considered. The stages of development of special medical lexis glossary are described. At the first stage, the choice of medical sphere and target audience is justified. At the second stage, typological parameters are determined, according to which the glossary is terminological, bilingual, explanatory, thesaurus and encyclopedic, network one. At the third stage, a corpus of terms, as well as their dictionary and contextual definitions, selected from dictionaries of medical

terms and popular-science medical text was formed. At the fourth stage, the analysis of dictionary and contextual definitions is carried out using component analysis; semantic features of special lexis are described. At the fifth stage, the glossary is in an electronic document with hyperlinks. The designed glossary contains the following structural components: term, dictionary definition, context, context translation, contextual definition, term translation.

Keywords: special lexis, glossary, definition, typological parameters of the glossary, component analysis

For citation: Biserova N.V., Mineeva S.I. Semantic features of special medical lexis in lexicographic aspect, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 32-44. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-32-44>

Введение

Научный прогресс ускоряет процессы обмена и передачи знаний, которые отражают динамику современного мира и влияют на лингвистику, особенно в области применения лексики. В частности, специальная лексика постепенно выходит за пределы предметной сферы и становится общеупотребительной, формируя «полезное социальное знание» [1, с. 9]. К такому знанию относится, например, медицина.

Продуктом медицинского знания выступают не только научные тексты, но и научно-популярные. В таких типах текста используются разные группы лексики: общеупотребительная, общенаучная, специальная. Неупорядоченность лексики усложняет перевод специализированных текстов, что является причиной изучения семантических отношений между терминами с целью их систематизации.

Цель данного исследования состоит в проектировании глоссария специальной медицинской лексики на основе выделенных типологических параметров и описании в нем семантических отношений изучаемых терминов. Для достижения цели решались следующие задачи: определить предметную сферу и целевую аудиторию глоссария; выявить типологические параметры глоссария; составить корпус материала исследования; провести дефиниционный анализ терминов; описать семантические отношения терминов: синонимию, антонимию, соположенность; оформить глоссарий в электронном формате.

Теоретико-методологические аспекты данного исследования связаны, прежде всего, с такими понятиями, как *специальная лексика, глоссарий, дефиниция, научный и научно-популярный тексты. Научно-популярный текст* относится к типу текста, для которого характерно превалирование когнитивной информации [2, с. 233]. Кроме того, он обладает диалектическим единством эмоционально-чувственных и логических элементов познания, что приводит к выделению таких полярных характеристик, как логичность и эмоциональность, объективность и субъективность, абстрактность и конкретность [2, с. 235].

К отличительным чертам научно-популярного текста авторы относят: замену терминов описаниями, краткую расшифровку значений в скобках; предпочтение конкретных иллюстративных материалов; бóльшую детализацию и конкретизацию, по сравнению с научной речью; простоту синтаксических конструкций; допустимость употребления элементов разговорной речи; применение художественных средств для создания образности и эмоциональности в изложении; обобщенность, аналитический характер текста с комплексным информационно-аналитическим содержанием; публицистичность; реферативный характер изложения; пошаговое объяснение материала; применение индуктивного метода описания и т.д. [3, с. 280].

Таким образом, изучение медицинских научно-популярных текстов актуально с точки зрения исследования семантических особенностей специальной лексики, ее упорядочивания и систематизации. Все это связано с процессом перевода медицинских терминов, единообразное применение которых обуславливает достоверность передачи знания от профессионала к неспециалисту. Помимо этого, медицинская лексика может изучаться в лексикографическом аспекте, предполагающем разработку терминологического глоссария с отражением семантических отношений между терминами. Кроме того, функционирование терминов в медицинском документе имеет особую прагматическую ценность: включение термина в медицинский документ повышает степень доверия адресата, ориентируя его в сфере заболевания [4, с. 27].

В терминоведческой литературе изучаются разные типы лексем, называющие предметы и явления определенной области знания, которые делятся на термины, номены, терминоиды, профессионализмы, прагмонимы и др. [5, с. 16]. В научно-популярном тексте функционирует специальная лексика, которая является неоднородной, но научно-популярный текст направлен на широкий круг читателей, поэтому специальная лексика может быть представлена общеупотребительными терминами. Их использование обусловлено необходимостью сохранить однозначность, точность, краткость и ясность изложения [6, с. 8]. В данном исследовании к специальной медицинской лексике можно отнести совокупность терминов и терминологических сочетаний, обозначающих научные понятия в области медицины и здравоохранения.

Значительную долю в специальной лексике занимают термины, именно они рассматриваются в данном исследовании в ходе составления глоссария. Термин рассматривается как «динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания, перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и деятельности» [7, с. 21]. В научно-популярном тексте термины «подвергаются адаптации, например, посредством помещения термина в контекст, включающий определение, объяснение семантической структуры, указание на этимологию термина. Адаптация может происходить путем использования выразительных средств языка таких, как образные сравнения, лексические повторы, синтаксический параллелизм и др.» [6, с. 10].

Помимо термина, ключевым понятием при проектировании глоссария специальной лексики является дефиниция. Дефиниционный аспект термина разрабатывается в работах Алексеевой Л.М. [7], Кантышевой Н.Г. [10], Комаровой З.И. [11], Маджаевой [8], Мишлановой С.Л. [9], Табанаковой В.Д. [12], Шелова С.Д. [13] и др. Проблематика изучения дефиниции разнообразна и связана с ее определением и структурой, лингвистическим и логическим

аспектами дефиниций, их классификацией, разработкой требований к правилам определения терминов и т.д.

Переходя к определению глоссария, отметим, что «в отечественной лексикографии данный термин употребляется не часто в связи с его применением к спискам устаревших слов, в то время как зарубежная практическая лексикография активно использует номинацию «glossary» для обозначения списков слов, вызывающих какие-либо трудности в их восприятии и запоминании, либо специальных слов, то есть терминов» [9, с. 37]. В терминологическом глоссарии ключевыми элементами являются переводные эквиваленты. Однако, как правило, в них содержится дополнительная информация, которую в контексте перевода можно считать вторичной – различные пояснения, толкования, пометы и т.д. [14, с. 201]. В ходе переводческой деятельности глоссарий может стать не только источником эквивалентов на другом языке, но и средством самообучения переводчика, так как содержит дополнительные сведения о термине. В частности, отражение семантических отношений терминов представляет собой актуальную задачу при проектировании глоссария специальной лексики.

Так, парадигматические отношения, устанавливаемые между терминами, являются проявлением определенных иерархических (гиперонимы и гипонимы) либо горизонтальных (например, синонимы, антонимы, омонимы) связей на содержательном уровне. При составлении глоссария специальной медицинской лексики целесообразно, помимо приведения словарных дефиниций и указания контекста употребления тех или иных терминов, отразить также семантические связи между терминами. Наличие данных связей будет способствовать лучшему пониманию терминов, их корректному и адекватному переводу с английского языка на русский.

В связи с вышеуказанным, обратимся к проектированию глоссария специальной медицинской лексики, необходимого для ее систематизации, отражения семантических отношений данной лексики, что может оказать помощь при переводе научно-популярных медицинских текстов.

Основная часть

В первую очередь определяются типологические параметры глоссария специальной медицинской лексики и описываются этапы его проектирования. Для этого составляется корпус исследовательского материала и разрабатывается методика его исследования.

В качестве источников материала для глоссария специальной медицинской лексики выбраны современные медицинские словари [14; 15], а также британский научно-популярный медицинский журнал, изданный в 2023 году [17]. Данный журнал посвящен анатомии и физиологии человеческого организма. Содержит информацию о системах органов и их заболеваниях. Объем журнала составляет около 200 000 печатных знаков.

На первом этапе при разработке глоссария специальной медицинской лексики учитывается предметная сфера и целевая аудитория для определения его типологических параметров и структуры. Целевой аудиторией глоссария выступают практикующие переводчики и студенты языковых специальностей. Для них результаты данного исследования могут иметь практическую значимость, обусловленную необходимостью перевода научно-популярных медицинских текстов. Проектируемый словарь выполняет как информационную, так и учебную функции и может быть востребован переводчиками и специалистами смежных профессий.

На втором этапе проектирования глоссария определяются его типологические параметры и структура. К типам отнесем: 1) глоссарий терминологический (содержит термины и дефиниции медицинской предметной сферы); 2) глоссарий двуязычный (содержит термины и дефиниции сферы медицины на английском языке и их перевод на русский язык); 3) глоссарий толковый (содержит не только переводные эквиваленты, но и словарные/контекстуальные дефиниции медицинских терминов); 4) тезаурусно-энциклопедический (в нем отражены отношения синонимии, антонимии и соположенности терминов, а также представлена информация не только о

номинации, но и о ее функциях через иллюстрации); 5) электронный (оформлен в виде электронной таблицы с гиперссылками).

Глоссарий организуется в алфавитном порядке, включает в себя словарную статью, состоящую из заголовочного слова – термина на английском языке и его перевода на русском, словарную и контекстуальную дефиниции, ссылку на источник, сведения о наличии у термина синонимов или антонимов и иллюстрации. Он создается в электронном формате и строится по технологии гипертекста, что позволяет осуществить навигацию через гиперссылки и настроить тематические связи специальной лексики.

На третьем этапе составляется корпус терминов и их дефиниций из словарей и научно-популярного журнала. Осуществляется отбор терминов из лексикографических источников путем сплошной выборки. Словарная дефиниция является важным элементом в проектировании глоссария специальной медицинской лексики, так как позволяет описать семантику термина, но становится не только инструментом, а одновременно и объектом анализа. В исследовании проводится работа с двумя типами дефиниций: словарными (из словарей медицинских терминов) и контекстуальными (из научно-популярного медицинского текста). Контекстуальные дефиниции – это предложения, в которых логическая структура определения научного понятия оказалась лингвистически не выраженной; предложения с асимметрией между планом выражения и планом содержания [19, с. 72]. Отражая эмпирический уровень познания, контекстуальная дефиниция, позволяет как бы «реконструировать» действительность. Кроме того, в контекстуальных дефинициях, как правило, значение термина раскрывается только через дифференциальный признак, что позволяет сосредоточить все внимание на новой информации, а не растворять ее в уже известной [19, с. 72]. Контекстуальная дефиниция является важным элементом в проектировании глоссария специальной лексики, так как является источником дополнительных смыслов к словарной дефиниции. Из научно-популярного текста отбираются термины для включения в глоссарий. После этого производится проверка

наличия данного термина в специальных словарях медицинской тематики. В случае его обнаружения в словаре, данный термин включается в исследовательский корпус и его контекстуальное окружение из научно-популярного журнала для дальнейшего анализа. Если же термин отсутствует в словаре, значение выводится на основе контекстуальной дефиниции.

На четвертом этапе проводится дефиниционный анализ специальной лексики в словаре и научно-популярном журнале. Он заключается в изучении словарных и контекстуальных дефиниций изучаемых терминов путем проведения компонентного анализа, который «представляет собой выделение сем, при этом сема – это компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса)» [18, с. 34].

Составление корпуса терминов и дефиниций из словарей и научно-популярного медицинского текста, а также анализ словарных и контекстуальных дефиниций позволяет сделать достоверный перевод терминов и контекстов источников, соблюсти единообразие применения терминов при переводе. Глоссарий, содержащий процедуру дефиниционного анализа, может стать средством самопроверки при проведении переводческого анализа и переводе.

Рассмотрим пример анализа дефиниции термина «*parasympathetic nervous system*» (парасимпатическая нервная система) в словаре медицинских терминов [13]: *one of two parts of the autonomic nervous system, acts in opposition to the sympathetic nervous system, slowing down the action of the heart, reducing blood pressure and increasing the rate of digestion*. Методом компонентного анализа из этой дефиниции выделены семы: 1) *one of two parts of the autonomic nervous system* (одна из двух частей вегетативной нервной системы); 2) *acts in opposition to* (действует в противовес); 3) *the sympathetic nervous system* (симпатическая нервная система); 4) *slowing down the action* (замедляя работу); 5) *the heart* (сердце); 6) *reducing blood pressure* (снижает кровяное давление); 7) *increasing the rate of digestion* (увеличивая скорость пищеварения). Словарная дефиниция номинации «*sympathetic nervous system*» (симпатическая нервная система) –

«part of the autonomic nervous system, which leaves the spinal cord from the thoracic and lumbar regions to go to various important organs such as the heart, the lungs and the sweat glands, and which prepares the body for emergencies and vigorous muscular activity» [13]. Проведем компонентный анализ данной дефиниции, с помощью которого выделим семы: 1) *part of the autonomic nervous system* (часть вегетативной нервной системы); 2) *leaves the spinal cord* (выходит из спинного мозга); *from the thoracic region* (из грудного отдела); 3) *from the lumbar region* (из поясничного отдела); 4) *to go to various important organs* (направляется к различным важным органам); 5) *prepares the body for emergencies* (готовит тело к чрезвычайным ситуациям); 7) *vigorous muscular activity* (энергичной мышечной деятельности). В результате компонентного анализа терминов *parasympathetic nervous system/ sympathetic nervous system* отнесем их к антонимам на основе дифференциальных сем *slowing down the action* (замедляя работу) / *prepares the body for emergencies* (готовит к чрезвычайным ситуациям).

Далее, нами проанализированы пары терминов путем выделения интегральных и дифференциальных сем, связанных синонимическими и антонимическими отношениями. Всего подвергнуты анализу 282 термина, из которых 31 термин связан синонимическими отношениями, 38 терминов – антонимическими. Остальные термины связаны отношениями соположенности и распределены на 39 тематических групп: *органы, процессы, вещества, функции, болезни, лечение, симптомы, субъекты медицины* и др.

На пятом этапе проектирования глоссарий оформляется в электронном документе. Электронная версия глоссария составлена в виде таблицы и имеет следующую структуру: термин, словарная дефиниция, контекст, перевод контекста, контекстуальная дефиниция, перевод термина. Так, первая колонка таблицы содержит термины и коллокации, отобранные сплошной выборкой из словарей и научно-популярного медицинского текста. Представленные термины имеют отсылки к смежным терминам, что упрощает подбор нужного эквивалента при переводе. Следующая колонка таблицы содержит контекст, в

котором функционирует данный термин. Под контекстом понимается фрагмент текста, достаточный для выведения контекстуальной дефиниции к термину. В следующей колонке таблицы содержится перевод контекста. Затем представлена контекстуальная дефиниция к данному термину. В таблицу внесены как словарные, так и контекстуальные дефиниции. При этом словарная и контекстуальная дефиниции могут не совпадать и взаимодополняться. В последней колонке таблицы представлен перевод самого термина, как результат всего предшествующего анализа.

Проектирование глоссария специальной медицинской лексики представляет собой поэтапный процесс от отбора термина к его переводу на основе процедуры дефиниционного анализа. Такой глоссарий представляет собой ресурс для редактирования перевода, соблюдения единообразия применения терминов.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что большинство глоссариев специальной лексики ориентировано на второй этап перевода – перекодирование с одного языка на другой – в то время как более эффективным является обеспечение словарями возможностей анализа и синтеза информации за счет, например, контекстов. Считаем, что при составлении терминологических глоссариев, в том числе медицинских, необходимо обеспечить правильный перевод на всех его этапах – 1) «декодировании текста на языке оригинала с целью перекодирования; 2) перекодировании, т.е. подстановки знаков языка перевода вместо знаков языка оригинала; 3) реализации текста на языке перевода» [14, с. 145].

Для увеличения практической ориентированности глоссария, разработчики могут задавать типологические параметры в логике своего исследования. Нами предлагается следующие дополнительные компоненты при составлении словарей: значение слова в специальном словаре; широкий контекст (контекст всего источника); узкий контекст (одно или несколько предложений, определяющих смысл слова или словосочетания); речевая

ситуация, определяющая смысл слов и стиль текста перевода; фоновая информация [14, с. 147].

В ходе исследования описаны этапы проектирования глоссария специальной медицинской лексики, в результате которого получен упорядоченный массив лингвистической информации, представленный в виде электронной таблицы, удобной для редактирования, с возможностью перехода по гиперссылкам, отражающей семантические особенности изучаемой специальной лексики. Данный глоссарий выполняет как информационную, так и учебную функции, поэтому может быть использован в работе со студентами языковых специальностей на практических занятиях по переводу медицинских текстов.

© Бисерова Н.В., Минеева С.И., 2024

Список источников

1. Рычкова Л.В. Социально значимая терминология как фактор гражданского образования // Карповские научные чтения: Сборник научных статей. – 2016. – С. 53-57.
2. Алексеевичева С.Ю. К определению понятия «научно-популярный тип текста» // Царскосельские чтения: Сборник научных статей. – 2010. – С. 233-236.
3. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
4. Маджаева С.И. Лингвистическая характеристика документа «История болезни» // Известия ВГПУ. – 2011. – № 2(58). – С. 24-27.
5. Шарафутдинова Н.С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме: монография. – Ульяновск: УлГТУ, 2016. – 204 с.
6. Алипичев А.Ю., Порческу Г.В., Сергеева Н.А. Специальная лексика в научно-популярном тексте и ее перевод // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 2 (113). – С. 7-19.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
8. Маджаева С.И. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД). – Астрахань: АГМА, 2012. – 277 с.
9. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
10. Кантышева Н.Г. Принципы моделирования междисциплинарных терминосистем. – Тюмень: Издательство «Шуклин & Александров», 2013. – 200 с.
11. Комарова З.И. Метаязыковой текст словарной дефиниции в коммуникативном аспекте // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 1-56.
12. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. – 45 с.

13. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения: монография. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. – 280 с.
14. Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. – Helsinki: Univ. of Helsinki, Dep. of transl. studies, 2007. – 443 с.
15. Bateman H. Dictionary of Medical Terms. – 4th edition. – London: A&C Black Publishers Ltd, 2005. – 481 p.
16. Куклин Д.С. Патологическая анатомия. Терминологический словарь: учебное пособие для студентов медицинских вузов. – Самара: ООО «Издательство АсГард», 2010. – 166 с.
17. Complete Guide to the Human Body. – 1-st edition. – London: Future Publishing Limited, 2023. – 132 p.
18. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.
19. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. – М.: Наука, 1979. – С. 72.

References

1. Rychkova L.V. Social'no znachimaya terminologiya kak faktor grazhdanskogo obrazovaniya [Socially significant terminology as a factor in civic education]. Karpovskie nauchnye chteniya. Sbornik nauchnykh statey. [Karpov Scholarly Readings. Collection of scientific articles], 2016. – Pp. 53-57.
2. Alekseevicheva S.Y. K opredeleniyu ponyatiya «nauchno-populyarnyy tip teksta» [Towards the definition of the concept of «popular science text type»]. Tsarskosel'skie chteniya. Sbornik nauchnykh statey. [Tsarskoselskie Readings. Collection of scientific articles], 2010. – Pp. 233-236.
3. Arnol'd I.V. Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk [Stylistics. Modern English]. – Moscow, Flinta Publishing House, 2002. – 384 p.
4. Sharafutdinova N.S. Leksiko-semanticheskie protsessy v nemetskoj aviatsionnoy terminosisteme [Lexico-semantic processes in the German aviation terminology system]. – Ulyanovsk, Ulyanovsk State university Publishing House, 2016. – 204 p.
5. Alipichev A.Y, Porchesku G.V., Sergeeva N.A. Spetsial'naya leksika v nauchno-populyarnom tekste i ee perevod [Special vocabulary in popular science texts and its translation]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. [Herald of Cherepovetsk State university], 2023. – No 2 (113). – Pp. 7-19.
6. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: subject, methods, structure]. – Moscow, Librokom Publishing House, 2009. – 256 p.
7. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Meditsinskiy diskurs: teoreticheskie osnovy i printsipy analiza [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. – Perm, State University Publishing House, 2002. – 200 p.
8. Kantysheva N.G. Printsipy modelirovaniya mezhdistsiplinarnykh terminosistem [Principles of modeling interdisciplinary terminology systems]. – Tyumen, Shuklin & Aleksandrov Publishing House, 2013. – 200 p.
9. Komarova Z.I. Metazykovoy tekst slovarnoy definitsii v kommunikativnom aspekte [Metalinguistic text of a dictionary definition in the communicative aspect]. Khudozhestvennyy tekst: struktura, semantika, pragmatika [Literary text: structure, semantics, pragmatics. Collection of scientific articles], 1997. – Pp. 1-56.
10. Tabanakova V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoy terminologii v spetsial'nykh slovaryakh. Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk [Ideographic description of scientific terminology in special dictionaries. Abstract of thesis of Doctor of Philology Sciences]. Tyumen, 2001. – 45 p.

11. Shelov S.D. Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya [Term. Terminology. Terminological definitions]. – Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State university Publishing House, 2003. – 280 p.
12. Kudashev I. S. Proektirovanie perevodcheskih slovarej special'noj leksiki [Design of translation dictionaries for special vocabulary]. – Helsinki, University of Helsinki Publishing House, 2007. – 443 p.
13. Bateman H. Dictionary of Medical Terms. – 4th edition. – London: A&C Black Publishers Ltd, 2005. – 481 p.
14. Kuklin D.S. Patologicheskaya anatomiya. Terminologicheskiy slovar' [Pathological anatomy. Terminological dictionary]. – Samara, AsGard Publishing House, 2010. – 166 p.
15. Complete Guide to the Human Body. – 1-st edition. – London: Future Publishing Limited, 2023. – 132 p.
16. Sternin I.A., Salomatina M.S. Semanticheskij analiz slova v kontekste [Semantic analysis in context]. – Voronezh, Istoki Publishing House, 2011. – 150 p.
17. Kokorina S.I. O semanticheskom sub"ekte i osobennostyah ego vyrazheniya v russkom yazyke [On the semantic subject and the peculiarities of its expression in the Russian language]. – Moscow, Nauka Publishing House, 1979. – Pp. 72.

Бисерова Наталья Васильевна	кандидат филологических наук, доцент, ПГНИУ, Пермь ntlbiserova@rambler.ru
Biserova Natalia Vasilievna	candidate of philology, associate professor, PSNRU, Perm ntlbiserova@rambler.ru
Минеева София Ильинична	студент, ПГНИУ, Пермь sofiya.mineeva.02@mail.ru
Mineeva Sofia Iiinichna	student, PSNRU, Perm sofiya.mineeva.02@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Александр Леонидович Дединкин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by

Аннотация. В статье определяется сущность экстремистского дискурса как разновидности деструктивной коммуникации. Указывается, что в рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. На материале экспертной практики дана характеристика таким жанрам, как интервью, фельетон и демотиватор.

Ключевые слова: юрислингвистика, экстремистский дискурс, деструктивность, деструктивная коммуникация, жанры речи, юрислингвистическая парадигма

Для цитирования: Дединкин А.Л. Жанры современного экстремистского дискурса: юрислингвистический аспект // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 45-57. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

Original article

GENRES OF MODERN EXTREMIST DISCOURSE: THE LEGAL LINGUISTIC ASPECT

Aliaksandr L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch of the International University “MITSO”, Vitebsk, Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

Abstract. The article defines the essence of extremist discourse as a kind of destructive communication. It is indicated that within the framework of the legal linguistic paradigm, the study of the genre repertoire of extremist discourse is carried out taking into account the subject of the speech work, the reference situation, the pragmalinguistic and nominative aspects, specific linguistic means and expressivity. Based on the material of expert practice, such genres as interviews, feuilleton and demotivator are characterized.

Keywords: legal linguistics, extremist discourse, destructiveness, destructive communication, genres of speech, the legal linguistic paradigm

For citation: Dedinkin A.L. Genres of modern extremist discourse: the legal linguistic aspect, Linguistics & education, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 45-57. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

Введение

Экстремистский дискурс является разновидностью деструктивной практики. Деструктивность в свою очередь целесообразно рассматривать как характеристику человеческой деятельности, в основе которой лежит направленность на разрушение существующих общественных отношений. Содержание понятия «деструктивность» можно определить только путём комплексного исследования его биологических, психических и социокультурных оснований. В аспекте юрислингвистики дефиницию данного термина предлагаем конкретизировать следующим образом: деструктивность – это характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, побуждающие адресата к противоправным действиям.

Опираясь на сформулированную нами дефиницию деструктивности, полагаем, что экстремистский дискурс – это особый тип деструктивной коммуникации, где субъектом речепорождения выступает языковая личность экстремиста, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет соответствующие признаки противоправности.

Исследование дискурса в обязательном порядке предполагает идентификацию его жанров.

Само понятие «речевой жанр» в научный оборот ввёл М. Бахтин. Под речевыми жанрами автор понимал «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1, с. 242]. Вслед за М. Бахтиным исследованием жанров занимался целый ряд лингвистов. В современном языкознании достаточно устоявшимися являются следующие подходы: общелингвистические, коммуникативно-деятельностный, когнитивный, лингвокультурологический, прагмалингвистический, психолингвистический и др.

Цель и методы исследования

Цель исследования заключается в изучении особенностей жанрового репертуара экстремистского дискурса в рамках юрислингвистической парадигмы.

Приоритетными методами исследования явились дискурсивные методы и приёмы анализа экстремистского текста; традиционные общенаучные методы – наблюдение, описание и теоретическое осмысление материала. В работе проводится системная интерпретация фактологического материала, собранного в ходе экспертной деятельности авторов.

Основная часть

Значительная часть работ в области жанроведения выполнена в рамках общелингвистической парадигмы. *Лексический* подход предполагает толкование семантики наименований жанров. Точного представления о жанрах дискурса эта парадигма не даёт, так как «...одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований» [2, с. 90]. *Стилистический* подход предполагает исследование композиционной структуры жанров, характера содержащейся информации и её эмоциональной окраски. В рамках данной парадигмы осуществляется соотношение речевых жанров с тем или иным функциональным стилем. Вместе с тем, уже доподлинно установлено, что на практике жанры способны менять стилевую принадлежность, а также отражать черты одновременно нескольких стилей. В рамках общелингвистических подходов жанр рассматривается как устойчивая структура, что не даёт возможности проследить эволюцию жанровых форм.

Когнитивный (модельный) подход в полной мере соответствует идеям М. Бахтина, который утверждал, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1, с. 257]. Таким образом, жанр дискурса – это особая модель высказывания, присутствующая в сознании языковой личности в виде фреймов, своеобразный «речевой стандарт», исходная форма существования речи. В

свою очередь Т. ван Дейк писал: «Если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь» [3, с. 70]. В рамках указанной парадигмы исследуется структура жанровых моделей, а также способы их воплощения в процессе коммуникации.

Сторонники *коммуникативно-деятельностного* подхода утверждают, что организация дискурса строится на основе единства коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей. В итоге термин «жанр» используется для обозначения типа события, которое может проявляться как в речевой, так и в неречевой формах. Так, по мнению Д. Хаймса [4], такими событиями могут быть беседа, лекция, рассказ, шутка, приветствие и др. Коммуникативное событие включает в себя единую цель, одних и тех же участников, общие тему и правила взаимодействия.

В рамках *прагмалингвистического* подхода жанры дискурса рассматриваются как вербальное средство организации социального взаимодействия. По мнению К. Долинина [5], понятие «жанра» нужно связывать не с коммуникативными событиями, которые могут быть реализованы в рамках одного высказывания (например, приветствия), а с дискурсом, для которого характерны тематическое единство и прагматическая завершённость. Указанная парадигма не противоречит когнитивному (модельному) подходу к понятию жанра. В соответствии с канонами того или иного жанра адресант выстраивает стандартную коммуникативную ситуацию, выполняя предсказуемую для слушающего или читающего роль. В результате адресат принимает заданные автором правила, соотносит своё поведение с предлагаемой моделью. Жанры дискурса, таким образом, являются стереотипами речевого поведения коммуникантов, образцами говорения и письма.

С точки зрения *психолингвистики* рассмотрение жанра осуществляется сквозь призму факторов адресанта и адресата. Так, К. Седов [6] полагал, что

выбор жанровых стратегий определяется типом языковой личности адресата или индивидуальным стилем адресанта. Черты дискурсивного мышления коммуниканта определяют не только стратегию её речевого поведения, но и тактические приёмы, используемые в рамках коммуникации. К примеру, конфликтный тип языковой личности представлен двумя подтипами: агрессивным и манипуляторским.

Особого внимания заслуживает *лингвокультурологический* подход. К примеру, А. Вежицкой [7] были исследованы жанры сквозь призму разработанной ею «теории семантических примитивов». Автором были предложены модели жанров как последовательности простых предложений, где отражены интенции и мотивы адресанта. Так, доминирующей иллокутивной целью в речевом жанре приказа является следующая: «Хочу, чтобы ты это сделал», а речевой жанр вопроса на языке примитивов выглядит следующим образом: «Хочу, чтоб ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал». По мнению исследователя, нужно выделять жанры поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею. Указанное суждение исходит из того, что разным культурам свойственны разные коммуникативные модели.

Одним из самых дискуссионных в лингвистике является вопрос классификации жанров дискурса. Это связано, во-первых, с многообразием жанровых форм, а во-вторых, с нечёткостью их границ. По словам В. Дементьева «до сих пор не существует общепринятой типологии ... в лучшем случае это списки речевых жанров, по возможности подробные» [8, с. 155].

Существует целый ряд классификаций речевых жанров, имеющих в своей основе различные критерии. Назовём наиболее значимые из них.

По *формам речи*, в пределах которых происходит их реализация, выделяются жанры устной и письменной коммуникации. С учетом *источника возникновения и сферы функционирования* выделяют первичные и вторичные жанры. Так, к первичным относятся естественно возникшие жанры, которые функционируют в практике бытового общения. Ко вторичным жанрам относят

те, что возникли в условиях высокоорганизованной коммуникации и функционируют во всех сферах общения (медицинской, правовой, научной и т.д.). По *соотнесённости с функциональными стилями* выделяются жанры разговорного, официально-делового, художественного, публицистического, научного общения. По *степени структурной сложности* выделяют простые (одноактные, элементарные) и сложные (многоактные, комплексные) жанры. В соответствии с *целеустановкой* выделяют информативные (предоставление информации); императивные (призыв к действию); этикетные (извинения, благодарности и др.) и оценочные (выражение отношения автора к фактам действительности) жанры.

Рассмотренные подходы с точки зрения современной генристики не противоречат друг другу. Большинство позиций являются актуальными для оценки жанрового своеобразия любого типа дискурса.

В рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара осуществляется с учётом целого ряда значимых критериев. Рассмотрим их на примере экстремистского дискурса:

- тематика (религиозная интолерантность, шовинизм, расизм, нацизм, социальная вражда, дискредитация государства и др.);
- референтная ситуация (значимые для автора события, являющиеся триггерными для экстремистских проявлений);
- прагмалингвистический аспект (использование императивных и манипулятивных стратегий коммуникативного воздействия);
- номинативный аспект (использование особых форм обращения к аудитории с целью привлечения единомышленников и сочувствующих);
- специфические языковые средства (инвективная лексика, отрицательная тональность речи, императивы, негативно-оценочные метафоры и др.);
- экспрессивность (эмоциональное напряжение, высокий уровень проявления деструктивной риторики).

Экстремистский дискурс находит выражение в самых разнообразных жанровых формах. Охарактеризуем наиболее значимые из них (интервью, фельетон, демотиватор).

Интервью является одним из наиболее востребованных речевых жанров, который реализуется в форме диалога между журналистом и интервьюируемым лицом. Посредством интервью в экстремистском дискурсе осуществляется популяризация деструктивной идеологии, формируется положительный образ лидера террористической организации. В первом случае идёт речь об экспертном, а во втором – о портретном интервью. Интервьюер и «главный герой» являются соучастниками, выполняющими общую задачу.

Композиционная структура интервью включает вступление (знакомство с респондентом, определение тематики общения), основную часть (вопросы и ответы на них) и концовку (подведение итогов, призывы к «соразмышлению»). Кроме этого, в структуру входит заголовочный комплекс (надзаголовок, подзаголовки отдельных блоков), различного рода «врезки» и «подводки» уточняющего или дополняющего характера.

В процессе интервьюирования задачей модератора является установление соответствующей тональности общения, удержание беседы в необходимом ключе. Среди прочего, важным моментом является выстраивание композиции вопросов. Они могут быть как подготовленными заранее, так и спонтанными, т.е. возникающими в ходе диалога. В зависимости от поставленной цели вопросы могут варьироваться от наводящих (для того, чтобы в нужный момент была раскрыта необходимая тема) до провокационных (для того, чтобы дать собеседнику возможность объяснить свою позицию по наиболее болезненному вопросу). От характера задаваемых вопросов зависит уровень вовлечённости аудитории в процесс слушания или чтения. Конечной целью для модератора является создание положительного образа «героя», формирование позитивных установок в отношении пропагандируемых доктрин.

К самому респонденту при подготовке интервью выдвигаются особые требования. Это, как правило, должна быть хорошо узнаваемая фигура. Именно

поэтому акцентируется внимание на личностных качествах героя, его компетенциях и «экспертности». Тем самым создаётся образ авторитетного собеседника, который способен формировать идеологическую повестку для широкой общественности.

Чтобы удерживать внимание аудитории, респондентом используются различные средства коммуникативного воздействия, в том числе риторические вопросы, апелляции к фонду общих знаний, сравнения, противопоставления и т.д. Для усиления суггестивного эффекта применяются манипулятивные технологии. Эффективным средством воздействия на аудиторию являются эмоционально заряженные слова и образы, которые вызывают сильные отклики. Также в качестве коммуникативной стратегии используется приведение доводов, основанных на ненависти, страхе или чувстве несправедливости.

Адресатом интервью является массовый слушатель или читатель, который, как правило, либо осознанно поддерживает мнение «эксперта», либо интуитивно разделяет экстремистскую идеологию. Кроме «своей» аудитории, подобные интервью привлекают внимание и оппонентов. Это приводит к резкой поляризации мнений, которая в свою очередь провоцирует ещё больший «прогрев» аудитории.

Фельетон относится к оценочным жанрам и для него характерны следующие черты: сатирическая тональность, оппозиционность, полемичность. Как жанр экстремистского дискурса фельетон является одним из инструментов критики государственного строя. Коммуникативная цель указанного жанра заключается в обличении власти. В ходе дистантного общения автором поднимаются «злободневные» проблемы общественной жизни, тем самым осуществляется деструктивное воздействие на сознание и эмоциональную сферу адресата.

Фактор адресанта заключается в выражении автором негативного отношения к виновникам обсуждаемых событий. Субъектом критики могут выступать как органы власти в целом, так и отдельные государственные

служащие. Виновники могут называться прямо, однако чаще – в имплицитной форме, но таким образом, чтобы читатель с лёгкостью догадался, о ком идёт речь. В фельетоне «журналист», как правило, выступает от имени адресата, представляя группу «своих», в то время как государственные служащие отождествляются с группой «чужих». Оппозиция «свой – чужие» используется фельетонистом для дистанцирования власти и народа, а также консолидации граждан, поддерживающих экстремистскую идеологию.

Фактор адресата предполагает установку «журналиста» на массовую аудиторию в условиях отсутствия оперативной обратной связи, свойственной межличностному общению. Правильность понимания адресатом информации обеспечивается коммуникативным фоном, охватывающим целый спектр явлений: «от особенностей социокультурной реконструкции событий и диапазона интерпретации до категории идеологической модальности» [9, с. 15]. Таким образом, предполагается, что адресат должен владеть определёнными знаниями о текущих политических событиях, иметь представления об исторических предпосылках рассматриваемого вопроса. Наличие подобных компетенций позволит адресату декодировать не только эксплицитно выраженную информацию, но и понять подтекстовый смысл высказывания.

Содержание фельетона основано на сатирической интерпретации освещаемых событий. Автор осуществляет анализ политической ситуации, моделирует её ожидаемые последствия. При этом тематическая направленность материала является достаточно стереотипной. В большинстве случаев используются сценарии, в основу которых положена идея дискредитация власти: «правительство коррумпировано», «чиновники творят произвол», «государство – не для народа», «президент – узурпатор» и т.д. Все эти сюжеты строятся, как правило, по одной модели: «субъект политики (орган власти, должностное лицо) → метафорический образ».

Для фельетона характерен особый набор лингвистических средств воздействия на аудиторию. Так, к композиционным средствам можно отнести сегментацию текста (выделение ключевых аспектов), введение в тему через

пролог, выражение основной мысли через эпилог, оформление заголовка особым образом (для привлечения внимания аудитории). Используя смыслоформирующие приёмы (к примеру, мифологизацию образа, искажённую цитацию, авторские дефиниции и др.), адресант транслирует информацию о текущих политических событиях в сатирическом ключе. К стилистическим средствам относятся такие приёмы, как аллюзия, метафора, гипербола, сравнение и т.д. Экспертная практика позволяет сделать вывод о том, что зачастую используется приём креолизации фельетона путём включения в текст карикатур или фотографий.

В лингвистике интернет-мем определяется как речевой жанр, представляющий собой феномен массовой коммуникации. Для него характерны такие черты, как узнаваемость, коллективное авторство, возможность наполнения одной и той же формы новыми смыслами. Визуально мем выглядит следующим образом: рисунок и пояснительная надпись в квадратной рамке.

В экстремистском дискурсе используется такая разновидность мема, как демотиватор. В этом случае поликодовый материал размещается в чёрной рамке. Демотиваторы используются как агитационно-пропагандистское средство в целях распространения экстремистских идей, создаются с целью провокации адресата к обсуждению «злободневных» тем, способствуют формированию негативных стереотипов о различных социальных группах, обеспечивают распространение фейковой информации с целью манипуляции общественным мнением.

Назовём характерные черты демотиватора как жанра экстремистского дискурса:

- распространение в интернет-пространстве с огромной скоростью, массовое тиражирование среди пользователей;
- обладание простой и запоминающейся визуальной формой, способствующей эффективному восприятию информации;
- модификация отдельных компонентов в ходе адаптации базовых единиц под идеологические установки отдельных авторов;

- образование группы «родственных» единиц, объединённых общей интенцией и схожим оформлением;
- апеллирование к негативным чувствам людей, содействие разжиганию вражды или розни по тому или иному признаку;
- создание доступного для понимания продукта, ориентация на среднестатистического пользователя;
- снижение уровня «серьёзности» посредством юмористической подачи материала;
- использование полимодальной коммуникативной стратегии, позволяющей транслировать информацию посредством нескольких каналов;
- возникновение в качестве реакции на актуальные события общественной жизни, тренды, обусловленность конкретным социально-историческим контекстом.

Выводы

Экстремистский дискурс является разновидностью деструктивной коммуникации. В рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. Для экстремистского дискурса характерно использование таких жанров, как интервью, фельетон, демотиватор, а также памфлет, интернет-комментарий, репортаж, экспертное мнение и т.д. Материалы экстремистского содержания в любой жанровой форме, как правило, распространяются на различного рода медийных площадках, которыми выступают социальные сети, мессенджеры, специализированные блог-платформы и иные «новые медиа». Успешность воздействия на адресата определяется числом подписчиков и посещаемостью ресурса. Формат интернет-коммуникации, безусловно, усиливает воздействие на реципиента, создаёт эффект тесного взаимодействия с аудиторией.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88-99.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.
4. Hymes D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – 1971. – Pp. 47-93.
5. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 7-13.
6. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 35-73.
7. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 99-111.
8. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
9. Добросклонская Т.Г. Что такое медиалингвистика? / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 9-17.

References

1. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Art, 1979. – 424 p.
2. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1997. – No. 1. – Pp. 88-99.
3. Van Dejk T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. – 308 p.
4. Hymes D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – 1971. – Pp. 47-93.
5. Dolinin K.A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizacii social'nogo vzaimodejstviya [Speech genres as a means of organizing social interaction]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1999. – No. 2. – Pp. 7-13.
6. Sedov K.F. O zhanrovoj prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti [On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1999. – No. 2. – Pp. 35-73.
7. Vezhbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1997. – No. 1. – Pp. 99-111.
8. Dement'ev V.V. Teoriya rechevyh zhanrov [Theory of speech genres]. Moscow, Sign, 2010. – 600 p.
9. Dobrosklonskaya T.G. Chto takoe medialingvistika? [What is media linguistics?]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the Moscow University. Linguistics and Intercultural Communication Series], 2004. – No. 2. – Pp. 9-17.

Дединкин
Александр
Леонидович

кандидат исторических наук, доцент, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by

**Dziadzinkin
Aliaksandr
Leonidovich**

candidate of history, associate professor, Vitebsk Branch of the International University “MITSO”, Vitebsk, Republic of Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

Научная статья

УДК 372.811.111.1

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-58-68> (английский)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Арина Сергеевна Денежкина¹, Марина Анатольевна Кузина²

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹aridenezhkina@gmail.com

²ma.kuzina@mpgu.su

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию английского языка как международного в эпоху глобализации, в частности, подлежит исследованию вопрос основных преимуществ и недостатков использования английского языка в качестве lingua franca в международном общении. В статье рассматриваются концепции начала и исхода глобализационных процессов в мире, концепции глобализации английского языка, основные характеристики английского языка как лингва франка

Ключевые слова: английский язык, глобализация, международные отношения, международные организации, межкультурная коммуникация, социолингвистика, интерлингвистика

Для цитирования: Денежкина А.С., Кузина М.А. Глобализация английского языка в условиях современных международных отношений // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 58-68. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-58-68>

Original article

GLOBALIZATION OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Arina S. Denezhkina¹, Marina A. Kuzina²

¹Moscow state pedagogical university, Moscow, Russia

²Moscow state pedagogical university, Moscow, Russia;

²Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹aridenezhkina@gmail.com

²ma.kuzina@mpgu.su

Abstract. This article is devoted to the study of English as an international language in the era of globalization, in particular, the question of the main advantages and disadvantages of using English for international communication is subject to research. In the article the following issues are considered: major theories of the origin and the future of the globalization, sociolinguistic conceptions of the English language globalization, basic features of English as lingua franca (ELF).

Keywords: English language, globalization, international relations, international organizations, intercultural communication, sociolinguistics, interlinguistics

For citation: Denezhkina A.S., Kuzina M.A. Globalization of the English language in the

Введение

Пик полемики относительно глобализации в социальном, политическом, философско-культурном и экономическом ракурсах пришелся на 1990-е гг. Глобализация понималась как форма взаимодействия государств или наций, при которой экономические, политические, социокультурные и информационные процессы становятся более интенсивными, взаимосвязанными, консолидированными [1]. В настоящее время акцент в исследованиях глобализации перемещается с экономической составляющей на изучение лингвокультурологического аспекта [2, с. 5; 3, 220]. Единое ценностное пространство и всеобщий *lingua franca* трактуются как инструменты межкультурной коммуникации, которые обеспечивают общее информационное поле и эффективную реализацию политических, экономических и культурных проектов [2, с. 97]. Ведущие зарубежные и отечественные исследователи глобализации (Э. А. Ароянц, З. Бауман, У. Бек, П.-Л. Бергер, А. Г. Дугин, В. Л. Иноземцев, А. С. Панарин, Р. Робертсон, В. Н. Толстых, Дж. Томплисон, М. Уотерс, А. Н. Чумаков и др.) придерживаются точки зрения о культуре и языке как внутренних аспектах комплексного процесса глобальных взаимодействий. Они предлагают изучать лингвокультурную составляющую глобализации через призму следующих характеристик: взаимозависимость, взаимосвязанность, интенсификация, децентрализация, компрессия, интернационализация, интеграция [2, с. 46].

В.К. Журавлев отмечает, что «тенденция трех “И”», а именно: интернационализация, интеллектуализация, интеграция – выступает как ведущая в языковой глобализации» [4, с. 285-287]. Интернационализация проявляется в усилении значимости международных языков, распространении билингвизма, росте числа интернационализмов в словарных составах языков мира. Интеллектуализацию литературных языков рассматривают как результат пополнения их лексикона особыми внешними заимствованиями –

интернационализмами, что позволяет говорить о формировании так называемого «общего интернационального лексического фонда» (по терминологии Ю.Д. Дешериева). Интеграция языков имеет своим результатом смешение литературного и разговорного вариантов языков в ряде сфер [4, с. 190, 280-290]. Интенсивный характер международных отношений в XX-XXI вв., для которых свойственны все лингвокультурные черты глобализации, является одним из главных факторов, определяющих актуальность данной работы в контексте английского языка как универсального и необходимость дальнейшего исследования темы.

Цели и методы исследования

Настоящее исследование ставит целью выявить преимущества и недостатки использования английского языка в контексте современных международных отношений. Данная цель подразумевает решение ряда задач: определение влияния всеобщей глобализации на английский язык; определение роли внешних факторов в языковых изменениях; исследование основных сфер использования английского в рамках межкультурной коммуникации. В ходе работы были задействованы следующие методы: описание, анализ, синтез, сравнение, а также ряд лингвистических методов: диахронический, сравнительно-исторический.

Полученные результаты и их обсуждение

Современные концепции глобализации включают теории, решающие задачу определения генезиса данного явления, и теории, спекулирующие на векторах направленности глобализационных процессов и возможных сроках их окончания, что представлено в таблице 1 [5, с. 355].

Таблица 1 – Общефилософские концепции глобализации

Временные и пространственные концепции	Авторы концепций	Концепции направленности	Авторы концепций
вневременное и повсеместное явление (то есть имевшее место всегда и везде на протяжении всей	Р.Г. Робертсон А.Г. Франк	революционный вектор (революционные технологии, консолидация экономических рынков	Р.О. Кеохейн Дж. С. Най К. Омас К.Р. Поппер А.Н. Уткин

истории человечества)		и др. благоприятствует становлению глобального сообщества)	Т.Л. Фридман и др.
явление, вызванное экономическими и транспортными преобразованиями в XV-XVI вв.	И.М. Валлерстайн	эволюционный вектор (эволюционные изменения социальной структуры общества)	У. Бек Э. Гидденс Дж.Н. Розенау и др.
уникальное для XX-XXI вв. явление, вызванное изменениями в коммуникационной системе	У. Бек М. Кастельс Дж.Н. Розенау	Примечание: ряд ученых скептически оценивают глобализацию как управляемый централизованный процесс	А.С. Панарин и др.

У представителей научного сообщества есть разные мнения относительно способов преодоления языковых барьеров при осуществлении международной коммуникации в эпоху глобализации; к ним относят: 1) создание единого языка; 2) изучение иностранных языков в средней школе и на последующих ступенях образования; 3) перевод [6, с. 106]. В рамках настоящей работы будет непосредственно изучен выбор и функционирование единого языка.

Концепции глобализации английского языка базируются на постулате о том, что расширение контактов носителей английского языка/культуры с носителями других языков/культур и увеличение числа функций, закрепленных за английским языком при обслуживании общества, способствует протеканию разнонаправленных интенсивных процессов в английском языке. Многоплановость глобализованного и глобализирующего английского языка отразилась на формировании следующих концепций: концепция вариативности английского языка (World Englishes), концепция английского языка как международного (English as an International Language = EIL), концепция международного английского языка (International English = IE), концепция английского языка как языка-посредника (English as a Lingua Franca = ELF), концепция упрощенного английского языка (Globish) [7]. В настоящем

исследовании основное внимание сконцентрировано на выполнении английским языком посреднической функции.

Оксфордский словарь английского языка определяет *lingua franca* как заимствование из итальянского языка-донора с первым употреблением в переводе 1666 г. на английский язык за авторством Дж. Дейвиса и в настоящее время имеющее значение “any language that is used by speakers of different languages as a common medium of communication; a common language” [8]. Зарубежный научный журнал “Journal of English as a Lingua Franca”, издаваемый с 2013 года издательством De Gruyter Mouton, нацеленно разрабатывает проблемы, связанные с транснациональной посреднической функцией английского языка для коммуникантов с любыми родными языками, в том числе английским. *Lingua Franca English* (по терминологии И. Дрешель, С. Канагараджа и др.) обеспечивает речевую практику на английском языке без национальных рамок [9]. На основании теоретических трудов отечественных ученых представляется возможным вывести следующее определение лингва франка: функциональный и этнически нейтральный тип языка, используемый как средство общения для носителей разных языков и культур в ограниченных сферах социальных контактов.

Необходимость появления *lingua franca* продиктована рамками, в которых перевод не может в полной мере служить средством передачи информации от одного лица к другому. После окончания Первой мировой войны в 1920 году по Версальскому договору была создана Лига наций, предшественница Организации Объединенных Наций. Цели Лиги Наций заключались во всеобщем разоружении, предотвращении дальнейших военных действий, обеспечении коллективной безопасности, медиации споров между странами с помощью дипломатических переговоров. Таким образом, необходимость проведения международных переговоров диктовала потребность в утверждении официальных языков организации, в качестве которых были выбраны французский и английский. На международном уровне вопрос появления общего языка приобрел неотложный характер уже в 1945 г.

после окончания Второй мировой войны, совместно с образованием ООН. Появление международного языка стало более дешевой и практичной альтернативой переводу [10, с. 12]. Закреплению за английским языком статуса *lingua franca* также способствовали: экспансия колонизаторской деятельности Великобритании (Первая Британская империя с 1497 по 1783 гг., Вторая Британская империя с 1783 по 1947 гг., Третья Британская империя с созданием Содружества Наций в 1949 г.); экономическая мощь (эффективность) английского языка; изолирующий строй современного языка, способствующий проникновению лексических заимствований [2, с. 102-103; 11, с. 79; 12, с. 220].

Остановимся подробнее на областях, в которых английский язык незаменим как *lingua franca*. Так называемый *airspeak* используется представителями 180 стран по рекомендации Международной организации гражданской авиации (ИКАО), *seaspeak* широко распространен в странах с выходом к морю и курируется Международной морской организацией (ИМО). На международных соревнованиях, в международных новостных агентствах (Reuters, the Associated Press и др.), в издательской среде (в том числе в процессе научного обмена произошел количественный рост от 36% публикаций на английском языке в 1880 году до 91% в 1996 году), в качестве языка сайтов в сети Интернет английский язык выступает в роли *lingua franca* [13, с. 3-4, 8-9; 14, с. 438].

В настоящее время английский язык является официальным языком большинства межправительственных и неправительственных международных организаций. Он является одним из шести официальных языков ООН: в 1946 г. в Резолюцию 1 сессии Генеральной Ассамблеи ООН был внесен следующий пункт: «Во всех органах Объединенных Наций за исключением Международного Суда китайский, французский, русский, английский и испанский языки являются официальными», а в 1973 г. к ним был добавлен арабский язык [15]. Все нормативно-правовые акты Объединенных Наций подлежат переводу и публикации на всех шести языках; все официальные заседания органов и учреждений ООН подлежат одновременному устному

переводу на все шесть официальных языков. Тем не менее, можно проследить проблему доминирования английского над другими языками в рамках деятельности международных организаций. Вопрос дисбаланса английского языка в соотношении с другими рабочими языками не раз был вопросом повестки дня на заседаниях Секретариата ООН. Так, в рамках положения ст. 1 Устава ООН [16], а также ст. 2 Всеобщей декларации прав человека [17] установлен принцип недискриминации, в том числе по языковому признаку. Отдельно была принята Рамочная стратегия ООН по обеспечению многоязычия [18]. В первую очередь в рамках стратегии обозначается значимость многоязычия в контексте единства в многообразии, взаимопонимании, толерантности и диалога культур. В целях привлечения внимания общественности к вопросам многоязычия были специально учреждены официальные дни для каждого из официальных языков ООН: 20 марта для французского, 20 апреля для китайского, 23 апреля для английского и испанского, 6 июня для русского языка и 18 декабря для арабского.

Говоря о значимости английского языка в контексте международно-правовых отношений, нельзя не отметить тот факт, что международные конвенции под эгидой международно-правовых организаций заключаются, в том числе на английском языке. К примеру, Марракешское соглашение о создании Всемирной торговой организации было составлено на трех языках: английском, испанском, русском [19].

Не только международные организации, но и региональные организации (Organization of Petroleum Exporting Countries (ОПЕК), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (South Asian Association for Regional Cooperation) и др.) используют английский язык в посреднической функции [13].

Необходимо отметить следующие два аспекта соотношения английского языка и международной политики: 1) язык представляет из себя объект политики; 2) язык является инструментом политики. То есть, язык как инструмент политики является средством достижения определенных целей.

Язык как объект политики интерпретируется как непосредственно языковая политика различных международных организаций [20, с. 494].

В рамках рассмотрения значения английского языка на мировой арене необходимо также обозначить важность английского для бизнес-сообщества. Во-первых, любая коммуникация контрагентов из разных стран происходит на английском языке: контракты составляются на английском языке или составляются аутентичные двуязычные копии. Во-вторых, выход на новые рынки, а также экспансия бизнеса на новые территории приводит к необходимости перевода и легализации значительного объема документации. В-третьих, интернационализация продукта – это адаптация продукта в глобальных условиях в целях его использования в различных регионах без внесения соответствующих изменений в исходные данные. Следовательно, для интернализации текстов, к примеру информации на официальных сайтах международных компаний происходит перевод подобного текста на английский с удалением специфических элементов, присущих данной культуре и языку, избегая при этом изменения основной смысловой нагрузки и посыла. В процессе подобной интернационализации текстов происходит их сокращение и упрощение: так, в глобальных версиях сайтов известных компаний исчезают целые разделы [21, с. 63].

Несмотря на очевидные преимущества существования глобального международного языка необходимо отметить тот факт, что международный английский язык также подвергается влиянию локальных культур. Так, происходит процесс формирования локальных вариантов языка со своими особенностями и специфическими чертами, тем самым, происходит процесс «диверсификации английского языка» [22, с. 56].

Особое внимание следует уделить последствиям всеобщей глобализации в контексте изменения региональных отношений. Мировое сообщество отмечает проникновение английского языка не только в сферы межнациональной, но и региональной коммуникации. Данный аспект, в свою очередь, влияет на культурное и языковое наследие разных наций, приводит к

утрате культурной аутентичности, что заставляет исследователей говорить о лингвокультурном империализме (Р. Филлипсон, А. Пенникук, Р.Э. Парамешваран, Т. Скутнабб-Кангас и др.) или об экологичности использования родного языка [23, с. 94]. Обостряется проблема положения языковых меньшинств, поскольку явным образом прослеживается привилегированность положения носителей языков, которым не требуется дополнительно изучать иной язык. Происходит так называемое нарушение равноправия языков, поскольку преимущества и привилегированное положение получает лишь один из них – английский. Количество средств общения сокращается до одного. Глобализация тем самым способствует трансляции на мировом уровне неравенства определенных наций и национальных меньшинств. Посредством доминирования английского языка в мировом сообществе происходит «навязывание» ценностей отдельных англоязычных культур. В таком случае осуществляется уже не просто сокращение культурного и языкового разнообразия, но и активное усиление политического влияния определенных культур посредством языка. В силу вышеизложенного на фоне доминирования английского языка нарастает волна протестов со стороны носителей иных языков, которые считают подобные условия дискриминационными [11, с. 494-495].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что функционирование английского языка в качестве *lingua franca* (ELF) имеет ряд особенностей, а именно: ELF ориентирован на глобальность (в отличие от *World Englishes*, ориентированных на глокальность); ELF имеет функциональную сущность (он возникает как результат взаимодействия и существует в рамках взаимодействия); ELF носит несистемный характер, он вариативен и не обладает идиосинкретичностью; использование ELF связано с установкой на достижение взаимосвязи и взаимопонимания, следовательно, его изучение фокусируется на анализе нестабильности ситуации общения, гибкости используемых языковых средств, выборе стратегий речевого общения, поисках

уточнения и объяснения. С одной стороны, английский язык предполагает универсализацию и унификацию межкультурного общения, упрощение межкультурной коммуникации, в том числе на межправительственном уровне; сокращение значительных издержек на устный перевод и перевод документации. С другой стороны, данный феномен свидетельствует о доминировании одного языка, появлению концепции англофонии, что в свою очередь приводит к вымиранию локальных языковых особенностей. Данный аспект можно рассматривать как дискриминационный по отношению к принципу многоязычия, закреплённому на уровне международного права.

© Денежкина А.С., Кузина М.А., 2024

Список источников

1. Официальный сайт Организации Объединённых Наций - URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 05.06.2024).
2. Одегова О.В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности / О.В. Одегова. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – 168 с.
3. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст / А. Н. Чумаков; Российская акад. наук, Ин-т философии. – Москва: Изд-во "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2006 (Минск: Белорусский Дом печати). – 514 с.
4. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В. К. Журавлев. – Изд. 2-е, доп. – Москва: УРСС, 2004. – 332 с.
5. Халанская Л.Г. Современные концепции глобализации: принципы типологизирования / Л.Г. Халанская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2019. – 46 (2) – С. 355–362.
6. Раренко М.Б. Английский язык в эпоху глобализации / М.Б. Раренко // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – №. 3 – С. 104-110.
7. Прошина З. Г. Концепции глобализации английского языка /З.Г. Прошина. – Текст: непосредственный // Человек: образ и сущность. – 2018. – № 1-2 (32- 33). – С. 12–30.
8. Оксфордский словарь английского языка. URL: https://www.oed.com/dictionary/lingua-franca_n?tab=factsheet&tl=true (дата обращения: 07.06.2024).
9. Seidlhofer B., Jenkins J., Mauranen A. Editorial / B. Seidlhofer, J. Jenkins, A. Mauranen // J. of English as a lingua franca. – 2012. – Vol. 1. – N 1. – Pp. 1-3.
10. Crystal D. English as a global language / D. Crystal. – 2nd ed. – 1997. – Cambridge: Cambridge University Press. – 212 p.
11. Слесарева А.А. Глобализация английского языка / А.А. Слесарева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2017. – №. 15 – С. 78-81.
12. Проценко Е.А. Английский язык в условиях глобализации: социолингвистический и лингводидактический аспекты/ Е.А. Проценко, И.А. Терентьева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – С. 219-222.
13. Melitz J. English as a Lingua Franca: Facts, Benefits and Costs / J. Melitz // Econometric Modeling: International Economics eJournal, 2018: n. pag. – URL:

https://www.academia.edu/36505692/English_as_a_lingua_franca_Facts_benefits_and_costs (дата обращения: 08.06.2024).

14. Никулина Е.А. Научные традиции и актуальные направления лингвистических исследований на кафедре фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина (к 75-летию Института иностранных языков МПГУ) / Е. А. Никулина Е.Л. Фрейдина // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 3-2. – С. 433-442.

15. Резолюция 1 сессии Генеральной Ассамблеи ООН// Официальный сайт Организации Объединённых Наций – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/034/58/pdf/nr003458.pdf?token=3efLE51Pr1rhJgi bK&fe=true> (дата обращения: 07.06.2024).

16. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945) // Официальный сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.06.2024).

17. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 08.06.2024).

18. Рамочная стратегия ООН по обеспечению многоязычия // Официальный сайт ООН. – URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.un.org/dgacm/sites/www.un.org.dgacm/files/russian_un_strategic_framework_on_multilingualism_web.pdf](https://www.un.org/dgacm/sites/www.un.org.dgacm/files/russian_un_strategic_framework_on_multilingualism_web.pdf) (дата обращения: 08.06.2024).

19. Марракешское соглашение о создании Всемирной Торговой Организации (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // Официальный сайт ВТО. – URL: <https://wto.ru/aboutWTO/WTO-agreements/>(дата обращения: 12.06.2024).

20. Мирзоян И.Г., Магарина Т.В. Проблемы глобализации в системе межкультурной коммуникации: английский язык в системе международных коммуникаций / И.Г. Мирзоян, Т.В.Магарина // Мир науки, культуры, образования, 2018. – №. 4 – С. 493-495.

21. Шеповский О.Е. Интернационализация текстов международных компаний / О.Е. Шеповский // Artium Magister, 2022 – Т. 2 – №. 22 – С. 60-64.

22. Гришаева Е.Б. Доминирование английского языка в период глобализации / Е.Б. Гришаева // Евразийский форум – 2014. – С. 52-56.

23. Маджаева С. И. Экологичность/неэкологичность медицинского текста в СМИ / С.И. Маджаева // Лингвистика и образование. – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 93-102.

References

1. Oficial'nyj sajt Organizacii Ob#edinjonnyh Nacij [United Nations official site]. Available at: <https://www.un.org/ru/> (accessed 5 June 2024).

2. Odegova O.V. Globalizacija jazyka i kul'tury: specifika i mesto v sisteme global'nyh processov sovremennosti [Globalisation of the language and culture: specificity and role within the system of contemporary global processes] / O.V. Odegova. – Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2017. – 168 p.

3. Chumakov A.N. Metafizika globalizacii: kul'turno-civilizacionnyj kontekst [Metaphysics of globalization: cultural and civilization context] / A.N. Chumakov; Rossijskaja akad. nauk, In-t filosofii. – Moskva: Izd-vo "Kanon+" ROOI "Reabilitacija", 2006 (Minsk: Belorusskij Dom pečati). – 514 p.

4. Zhuravlev V.K. Vneshnie i vnutrennie faktory jazykovoje jevoljucii [External and internal factors of language evolution] / V.K. Zhuravlev. – Izd. 2-e, dop. – Moskva: URSS, 2004. – 332 p.

5. Halanskaja L.G. Sovremennye koncepcii globalizacii: principy tipologizirovanija [The modern concepts of the globalisation: the principles of typology] / L.G. Halanskaja // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Belgorod State University.

Scientific Bulletin. Series: History. Political science]. Serija: Istorija. Politologija. – 2019. – 46 (2) – Pp. 355-362.

6. Rarenko M.B. Anglijskij jazyk v jepohu globalizacii [English language in the epoch of globalization] / M.B. Rarenko // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki [Vestnik of MGLU. Humanitarian studies], 2019. – №. 3 – Pp. 104-110.

7. Proshina Z.G. Konceptii globalizacii anglijskogo jazyka [Conceptions of the English language globalization] / Z. G. Proshina // Chelovek: obraz i sushhnost' [A human being: form and essence]. – 2018. – № 1-2 (32- 33). – Pp. 12-30.

8. Oksfordskij slovar' anglijskogo jazyka [Oxford English Dictionary]. Available at: https://www.oed.com/dictionary/lingua-franca_n?tab=factsheet&tl=true (accessed 7 June 2024).

9. Seidlhofer B., Jenkins J., Mauranen A. Editorial / B. Seidlhofer, J. Jenkins, A. Mauranen // J. of English as a lingua franca. – 2012. – Vol. 1. – N 1. – Pp. 1-3.

10. Crystal D. English as a global language / D. Crystal. – 2nd ed. – 1997. – Cambridge: Cambridge University Press. – 212 p.

11. Slesareva A.A. Globalizacija anglijskogo jazyka [Globalization in the English language] / A.A. Slesareva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Science Journal of Volgograd State University]. Vol. 9: Issledovanija molodyh uchenyh [Researches of young scientists] – 2017. – №. 15 – P. 78-81.

12. Procenko, E.A. Anglijskij jazyk v uslovijah globalizacii: sociolingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekty [English language in the context of globalization: sociolinguistic and didactic aspects] / E.A. Procenko, I.A. Terentieva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia] – 2015. – Pp. 219-222.

13. Melitz, J. English as a Lingua Franca: Facts, Benefits and Costs / J. Melitz // Econometric Modeling: International Economics eJournal, 2018: n. pag. – URL: https://www.academia.edu/36505692/English_as_a_lingua_franca_Facts_benefits_and_costs (дата обращения: 08.06.2024).

14. Nikulina E.A. Nauchnye tradicii i aktual'nye napravlenija lingvisticheskikh issledovanij na kafedre fonetiki i leksiki anglijskogo jazyka im. V.D. Arakina (k 75-letiju Instituta inostrannyh jazykov MPGU) [Scientific traditions and current trends of linguistic research at the department of English phonetics and lexicology named after Vladimir D. Arakin (to the 75th anniversary of the Institute of foreign languages of Moscow Pedagogical State University)] / E.A. Nikulina, E.L. Frejdina // Prepodavatel' XXI vek [Prepodavatel XXI vek]. – 2023. – № 3-2. – Pp. 433-442.

15. Rezoljucija 1 sessii General'noj Assamblei OON [Resolution of the 1st session of the General Assembly of the UN] // Oficial'nyj sajt Organizacii Obedinjonnyh Nacij [United Nations official site]. Available at: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/034/58/pdf/nr003458.pdf?token=3efLE51Pr1rhlJgi bK&fe=true> (accessed 7 June 2024).

16. Ustav Organizacii Ob#edinennyh Nacij (San-Francisko, 26 ijunja 1945) [UN Charter (San Francisco, 1945)] // Oficial'nyj sajt Organizacii Ob#edinjonnyh Nacij [United Nations official site]. Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed 11 June 2024).

17. Vseobshhaja deklaracija prav cheloveka (Prinjata rezoljuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10 dekabnja 1948 goda) [Universal Declaration of Human Rights (Proclaimed by the General Assembly of the United Nations on 10 December 1948)] // Oficial'nyj sajt OON. – Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 8 June 2024).

18. Ramochnaja strategija OON po obespecheniju mnogojazychija [United Nations Strategic Framework on Multilingualism] // Oficial'nyj sajt OON [United Nations official site]. Available at: <https://www.un.org/dgacm/sites/www.un.org/efaidnbmnnnibpccajpcglclefindmkaj/> chrome-extension://efaidnbmnnnibpccajpcglclefindmkaj/

org.dgacm/files/russian_un_strategic_framework_on_multilingualism_web.pdf (accessed 8 June 2024).

19. Marrakeshskoe soglasenie o sozdanii Vsemirnoj Torgovoj Organizacii (Marrakesh, 15 aprlja 1994 g.) [The Marrakesh Agreement [Marrakesh, 15th of April 1994] // Oficial'nyj sajt VTO. [Official site of WTO]. Available at: <https://wto.ru/aboutWTO/WTO-agreements/> (accessed 12 June 2024).

20. Mirzojan I.G., Magarina T.V. Problemy globalizacii v sisteme mezhkul'turnoj kommunikacii: anglijskij jazyk v sisteme mezhdunarodnyh kommunikacij [The issues of the globalization influence on the intercultural communications: the significance of the english language in te international interactions] / I.G. Mirzojan, T.V. Magarina // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [The world of science, culture and education] – 2018. – №. 4 – Pp. 493-495.

21. Shepovskij O.E. Internacionalizacija tekstov mezhdunarodnyh kompanij [Internationalization of the international company text] / O.E. Shepovskij // Artium Magister [Artium magister] – 2022 – Т. 2. – №. 22 – Pp. 60-64.

22. Grishaeva E.B. Dominirovanie anglijskogo jazyka v period globalizacii [The domination of english language in the era of globalization] / E.B. Grishaeva // Evrazijskij forum [Euroasian forum] – 2014. – Pp. 52-56.

23. Madzhaeva S.I. Jekologichnost'/nejekologichnost' medicinskogo teksta v SMI [Madzhaeva S.I. Ecological /non-ecological nature of medical text in the media] / S.I. Madzhaeva // Lingvistika i obrazovanie [Linguistics and education]. – 2021. – Т. 1. – № 4. – Pp. 93-102.

Кузина Марина Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент, МПГУ, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва ma.kuzina@mpgu.su
Kuzina Marina Anatolievna	candidate of philology, associate professor, MPSU, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow ma.kuzina@mpgu.su
Денежкина Арина Сергеевна	магистрант, МПГУ, Москва aridenezhkina@gmail.com
Denezhkina Arina Sergeevna	postgraduate student, MSPU, Moscow aridenezhkina@gmail.com

Научная статья

УДК 81

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-71-82>

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФОРМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Мария Вячеславовна Дудина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

mariavvdudina@gmail.com

Аннотация. Специальное знание, закодированное при помощи языка науки, сложно для понимания неспециалисту, смысл идеи достигается путём её объяснения посредством форм репрезентации научного знания в тексте. В статье проводится сопоставление таких форм репрезентации научного знания, как экспликатив, дефиниция и толкование, поскольку они связаны с раскрытием значений новых понятий. В работе описываются результаты исследования роли, которую экспликатив как форма репрезентации научного знания выполняет в тексте, характеризуется методика исследования данной единицы в научном тексте. Выявление, сопоставление и обоснование различий между функционированием экспликативов, дефиниций и толкований в тексте целесообразно в связи с учётом развития научного знания посредством роста научно-технических изобретений, которые требуют описания.

Ключевые слова: научное знание, репрезентация, научный текст, экспликатив, дефиниция, толкование

Для цитирования: Дудина М.В. Сопоставление форм репрезентации знания в научном тексте // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 71-82. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-71-82>

Original article

COMPARISON OF FORMS OF KNOWLEDGE IN A SCIENTIFIC TEXT

Mariia V. Dudina

Perm state humanitarian pedagogical university, Perm, Russia

mariavvdudina@gmail.com

Abstract. Special knowledge coded with the help of scientific language is difficult for understanding by a non-specialist. The understanding of a new scientific idea is reached by explaining it by means of scientific knowledge representation forms in the text. The comparison is made between such forms of scientific knowledge representation as an explicative, a definition and an explanation as they are related to expanding the meaning of new notions. The results of analysing the role that an explicative plays in the text as a form of knowledge representation are described in the article. Research methods of the form are characterized. Identification, comparison and explanation of the difference between functioning of explicatives, definitions and explanations are relevant due to the development of scientific knowledge in the course of increase in scientific and technological inventions that have to be described.

Keywords: scientific knowledge, representation, scientific text, explicative, definition, explanation

Введение

В современной лингвистике анализ форм выражения научного знания связан с актуальной проблемой соотношения языка и мышления [1, 2, 3, 4]. Данная проблема решалась исследователями многих наук: философии, логики, информатики и др. В лингвистике проблема соотношения языка и мышления выявлена давно. Так, в XIX в. В. фон Гумбольдт высказал идею о том, что функционирование мышления и чувственного восприятия можно изучать при помощи языка [5, с. 75].

Репрезентация представляется нам трансдисциплинарным понятием, истоки которого восходят к философии. Известно, что репрезентация знания связана со способами выражения мышления посредством логических операций. М. Хайдеггер рассматривает связь языка и мышления, называя язык исходной формой существования мысли [6, с. 254]. В лингвистике суждения Э.Сепира составляют основу толкования понятия репрезентация. По его мнению, языковые элементы выражают значение [7, с. 36].

В проводимом исследовании термин **репрезентация**, имеющий философское и лингвистическое обоснование, понимается как процесс вербализации понятия в форме языкового знака. Процесс формирования знания скрыт от непосредственного наблюдения, но его природу можно выявить с помощью анализа языковых форм, репрезентирующих знание.

В связи с тем, что в науке возникают одновременно несколько конкурирующих теорий, научные дискуссии можно вести, оставаясь на позициях разных теорий [8]. В силу этого знание имеет разнообразные формы выражения [2, 3, 4]. Особое место занимает вопрос об идентификации форм репрезентации знания в научном тексте [2]. В связи с тем, что специальные тексты играют существенную роль в научной коммуникации, а их основные единицы соотносятся с формами репрезентации научного знания познающей личностью, исследование экспликативов **актуально**.

Одной из форм репрезентации знания можно считать экспликативы, выраженные в языковом плане словом, словосочетанием или развёрнутой структурой. Понятие экспликатив изначально связано с идеей о разъясняющей функции науки [9, с. 40]. В когнитивном терминоведении **экспликативы** исследуются как формы репрезентации научного знания, выраженные языковыми единицами, образующимися на знакомом знании [2]. Экспликативы являются средством уточнения научных понятий [2], поэтому их можно рассматривать в соотношении с другими формами репрезентации знания, такими как дефиниция и толкование. Отметим, что понятия экспликатива, дефиниции и толкования взаимосвязаны, поскольку они являются формами репрезентации знания, которые направлены на более успешное понимание познающей личностью новой научной идеи, заложенной в тексте.

Цель исследования заключается в сопоставлении дефиниций, толкований и экспликативов как форм выражения научного знания. Это способствует решению проблемы выявления и постижения смысла научного текста, а также последующему проведению комплексного анализа специфики форм репрезентации знания.

Теоретические основы исследуемой проблемы

Сопоставление таких родственных понятий, как экспликатив, дефиниция и толкование получает теоретическое обоснование в когнитивном терминоведении. В работе изучена взаимосвязь между родственными понятиями, поскольку они обусловлены процессом репрезентации знания. В исследовании учитывается идея В.Д. Табанаковой о том, что толкование является более широким понятием и охватывает несколько способов семантизации [10, с. 88]. Дефиниция рассматривается как содержание специального понятия, выраженное в краткой форме и отражающее его дифференциальные свойства [10, с. 47].

В проводимом исследовании понятие **дефиниции** соотносится с определенным типом вербального выражения специального понятия, основанном на родо-видовых отношениях.

Толкование понимается как свободная, т.е. не связанная с какими-либо фиксированными вербальными структурами, форма объяснения специального понятия.

Сопоставление экспликативов, дефиниций и толкований проводится по следующим параметрам:

– **структурному**, связанному с тем, что экспликативы являются свободными синтаксическими конструкциями, предназначенными для толкования понятий. Структура экспликатива является вариативной, зависит от индивидуального выбора автора текста и выражена в ситуативном контексте.

Дефиниция имеет двучленную языковую структуру [13]. Как считает В.М. Лейчик, в логическом аспекте дефиниция выражает суждение, включающее два компонента – определяемое и определяющее [13, с. 24].

Формы выражения трёх видов специального понятия, толкований, дефиниций и экспликативов, различны по структуре и содержанию. Дефиниция закреплена в словаре и представлена в виде фразы или предложения разной длины [10, с. 89].

Таким образом, структура дефиниции и толкования в отличие от экспликатива не вариативна, она зафиксирована в словаре. Экспликативы свободны в структурном плане. Их формальная структура выбирается авторами с учётом потребностей логического мышления.

– **функциональному**, позволяющему увидеть, что экспликативы вводятся в текст как дополняющие, уточняющие элементы, которые логически не оформляют понятие, а помогают в разработке, т. е. развитии, новой концепции.

В отличие от дефиниций и толкований, экспликативы не выражают конечного понятия, не фиксируют знание. Основу проводимого исследования составляет положение о том, что экспликатив вводится автором текста на промежуточной стадии развития понятия. Экспликатив способствует введению исследователем новой научной идеи и знакомит читателя с гипотезой автора.

Дефиниция логически обрамляет понятие и обладает заданной невариативной структурой, очерчивает границы понятия в рамках системы научного знания. Экспликативы являются нефиксированной формой репрезентации знания, они отражают динамику развития мысли автора и являются промежуточными стадиями развития знания до его полного оформления в значении термина.

Таким образом, рассмотренные структурные и функциональные особенности дефиниции, толкования и экспликатива взаимосвязаны. Выделенные особенности экспликатива позволяют понять его специфику в отношении дефиниции и толкования.

Методика исследования

Методика анализа эмпирического материала предполагает использование общенаучного методологического принципа системности. Изучение осуществлено в направлении от анализа конкретного материала к обобщениям и выводам в соответствии с индуктивным методом. В ходе работы при отборе языкового материала и формирования корпуса единиц анализа использовался приём сплошной выборки материала, в связи с чем были применялись методики анализа текста в рамках коммуникативно-прагматического и когнитивного методов.

Источниками материала послужили тексты научных монографий Стивена Пинкера «The Language Instinct» (1995) и Томаса Куна «The Structure of Scientific Revolutions» (1970) на английском языке и тексты научных статей Г.П. Щедровицкого в издании «Избранные труды» (1995) на русском языке общим объёмом 1558 печатных страниц.

Нами применена комплексная методика, включающая ряд этапов:

- 1) построение специального корпуса на основе источников эмпирического материала, функционирующих в сфере научного знания,
- 2) идентификация роли экспликативов в научном тексте – выявление языковых репрезентаций экспликативов с учётом выполнения ими функции

уточнения нового научного знания, анализ и сопоставление функций экспликативов;

- 3) анализ частотности функционального типа;
- 4) сопоставление видов экспликативов.

На первом этапе путем разметки текста был сформирован корпус единиц анализа на русском и английском языках в электронном формате, включающий 1228 контекстов-употребления экспликативов, были идентифицированы единицы, главной функцией которых в рамках ситуативного контекста является репрезентация нового знания. Единицей анализа выступает контекст, в котором полностью актуализируется языковая репрезентация экспликатива.

На втором этапе исследования проведено сопоставление языковых репрезентаций экспликативов, выполняющих роль дефиниции и толкования.

На следующем этапе выделены типы экспликативов: экспликатив-толкование и экспликатив-дефиниция.

На заключительном этапе проведено сопоставление частотности употребления экспликативов в функции дефиниции и толкования. Сопоставление позволило выявить доминирующие типы экспликативов, выступающие в качестве заместителей дефиниций и толкований.

Основные результаты исследования

В связи с тем, что авторские концепции находят развитие в научном тексте, экспликативы приобретают особые функциональные характеристики. Экспликатив как заместитель дефиниции и толкования в русском и английском языках отражает доминирующую в науке тенденцию к объяснительности.

В ходе исследования выделены типы экспликатива: экспликатив-дефиниция и экспликатив-толкование. Экспликативы-дефиниции являются языковыми репрезентациями знания, отражающими родовидовые отношения и причинно-следственные связи. Экспликатив-толкование представляет собой языковые репрезентации, выполняющие функцию детального описания рассматриваемого предмета, при этом уточняя его значение при помощи сочинительного союза «i.e.» в английском языке и «то есть» в русском языке.

Проиллюстрируем теоретические выводы конкретными примерами. Приведём примеры языковой репрезентации экспликатива на русском и английском языках:

- (1) «Иными словами, *развитие и изменение дизайна* выступает и должно выступать перед нами как **двуликий Янус**: с одной стороны, как **процесс, независимый от людей, захватывающий их деятельность и подчиняющий ее своим стихийным законам развития**, а с другой – как **продукт сознательной и целенаправленной деятельности людей, объединенных в Человечество**» [14, с. 336].

В рассматриваемом примере языковые репрезентации экспликатива выделены **жирным шрифтом**. Автор употребляет экспликатив в форме словосочетания, проводя аналогию между осуществлением научной деятельности как «дизайном» и богом древнеримской мифологии Янусом, отражая двойственность процесса. Так, одной из сторон этого процесса выступает дизайн как продукт деятельности человека, соответственно, языковая репрезентация экспликатива, выраженная существительным «продукт» указывает на причинно-следственные связи между дизайном и человеческой деятельностью. Данные языковые репрезентации не являются окончательными и фиксирующими понятие научного дизайна.

Сопоставительный анализ экспликативов, обладающих функциональными характеристиками дефиниции и толкования показал следующие результаты:

Таблица 1 – Сопоставительный анализ экспликативов, обладающих функциональными характеристиками дефиниции и толкования

Тип	Русский язык		Английский язык	
	Количество (шт.)	%	Количество (шт.)	%
Экспликатив-дефиниция	489	39.82	365	29.72
Экспликатив-толкование	313	25.49	61	4.97
Общее количество экспликативов	802	65.31	426	34.69
Итого	1228			

В ходе анализа эмпирического материала нами выявлено **802** языковые репрезентации экспликативов на русском языке и **426** языковых репрезентаций экспликативов на английском языке. Результаты сопоставительного анализа позволяют считать экспликативы-дефиниции самыми частотными в общем объеме эмпирического материала в русском и английском языках. Однако частотность употребления экспликативов-дефиниций в русском языке выше на **10.1%** по сравнению с английским языком. Экспликатив-толкование встречается – (**4.97%**) в эмпирическом материале на английском языке.

Рассмотрим элементы экспликативов, выступающих в функции дефиниции с указанием на род, вид, причину и следствие. Функциональная характеристика экспликатива как выполняющего роль «*дефиниции*» выражается в научных текстах на английском языке при помощи языковых единиц *part, result, ingredient, sort, product, repertoire, outcome, form, kind, example, bits, result, bundle, set, consequence, piece, pattern, cousins, not great-grandparents, reason.*

В эмпирическом материале на русском языке языковыми репрезентациями экспликатива-дефиниции являются *составная часть, элемент, продукт, результат, средство, шаблон, компонент, подразделение, сторона, момент, слой, блок, трафарет, модель, организм, единица, универсум, способ, образец, орган, сфера, образование, вид, случай, представитель, форма, подчиненный категории, материал* и т.д.

Обратимся к анализу примера на русском языке, содержащего языковые репрезентации экспликативов, обладающих данной функциональной характеристикой:

- (2) «*Игра* сама по себе, хотя она и организует детей в группы со строго определенной структурой, еще не дает «детского общества». Она может служить *основанием для организации «детского общества*», но оно (прим. – детское общество) складывается не в ней самой, а вокруг нее, по поводу нее – при выборе игры, при составлении и согласовании общего замысла, при распределении игровых ролей, в конфликтах из-за

несоблюдения замысла или правил и т.д.» [14, с. 678].

В примере понятие *детское общество* объясняется с помощью игры, языковая репрезентация экспликатива уподобляется функционированию детского общества.

Экпликатив выступает в функции толкования понятия. Экпликатив-толкование уточняет значение понятия при помощи сочинительного союза *i.e.* (*id est* (= Latin for «that is») в английском и «то есть» в русском языках).

Приведём пример, содержащий экспликатив-толкование:

(3) “Clearly, the role thus attributed to falsification is much like the one this essay assigns to *anomalous experiences*, i.e., **to experiences that, by evoking crisis, prepare the way for a new theory**” [15, с. 146].

При помощи экспликатива автор стремится более детально описать аномалии через дополнительные понятия «фальсификации» и «аномальный опыт», значение которого он уточняет через экспликатив в придаточной части предложения.

Выводы

Полученные результаты позволяют понять структурные и функциональные характеристики экспликатива в научном тексте. Связь между дефинициями, толкованиями и экспликативами как формами репрезентации научного знания заключается в том, что они способствуют усвоению понятия. Основным отличием экспликативов от дефиниций в функциональном плане является то, что они разрабатывают исходное понятие, но логически не оформляют его, из чего следует, что экспликативы не являются идентичными дефиниции и толкованию.

Исследование показало, что экспликативы являются особыми языковыми формами репрезентации научного знания, поскольку они зависят от ситуативного контекста, индивидуального выбора автора и вводятся автором научного текста на промежуточном этапе развития термина, то есть до обрамления знания в дефиниции термина.

Доминирующей тенденцией в обоих языках является введение в текст экспликатива, обладающего функциональной характеристикой дефиниции. Использование экспликатива в функции дефиниции в эмпирическом материале на английском языке составляет **39.82%** от общего количества экспликативов, частотность употребления экспликатива-толкования в материале на русском языке составляет **25.49%** от общего количества экспликативов в исследуемом корпусе. Частотность употребления экспликативов-дефиниций в английском языке составляет **29.72%** от общего количества экспликативов в исследуемом корпусе. Экспликативы в виде толкования в эмпирическом материале на английском языке составляют **4.97%**, то есть их частотность является самой низкой по отношению к предыдущей группе.

Результаты сопоставительного анализа выявили частотность экспликативов-дефиниций в общем объёме эмпирического материала в русском и английском языках. Тенденция к частотному употреблению экспликативов-дефиниций аналогична для обоих языков.

Дальнейшее изучение дефиниций, толкований и экспликативов в аспекте сопоставления видится нам перспективным, поскольку данные формы важны для решения проблемы понимания нового научного знания.

© Дудина М.В., 2024

Список источников

1. Алексеева Л. М. От «traduce» к «interpret» в научном переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. трудов. – Пермь: Изд-во ПермГУ, 2002. – С. 78-91.
2. Алексеева Л.М., Дудина М.В. Экспликативы как форма репрезентации знания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 5-16.
3. Antia V. E. Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse. Volume 2 [Text] / Bassegy Edem Antia. – Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 264 p.
4. Temmerman R. Towards new ways of terminology description: the sociocognitive approach. Volume 3. / R. Temmerman. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 258 p.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 397 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
8. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: о соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1974. – 272 с.

9. Демьянков В.З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. 2015. – № 22. – С. 39-50.
10. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии: монография / В.Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 1999. – 200 с.
11. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – / Н.И. Кондаков – 2-е изд. М.: Наука, 1976. – 721 с.
12. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и его лексикографическое описание. М.: Флинта, 2023. – 336 с.
13. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-ое изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
14. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. – 800 с.
15. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions. – 2nd ed-n. Chicago, 1970. – 264 p.

References

1. Alekseeva L.M. Ot 'traduce' k 'interpret v nauchnom perevode [From traduce' to 'interpret in scientific translation]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotypicity and Creativity in the Text: an Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Perm State University Press, Perm, 2002. – Pp. 78-91.
2. Alekseeva L.M., Dudina M.V. Eksplikativy kak forma reprezentatsii znaniia [Explicatives as a form of scientific knowledge representation]. Vestnik Permskogo universiteta [Collection of Perm University Papers]. Rossiiskaia izarubezhnaia filologïia, 2023. – Vol. 15. – N. 2. – Pp. 5-16.
3. Antia B. E. Terminology and language planning: an alternative framework of practice and discourse. Volume 2 [Text] / Bassey Edem Antia. – Amsterdam. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 264 p.
4. Temmerman R. Towards new ways of terminology description: the sociocognitive approach. Volume 3. [Text] / R. Temmerman. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 258 p.
5. Gumboldt V. fon. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected Works in Linguistics]. – М., 1984. – 397 p.
6. Khaidegger M. Vremia i bytie: Stati i vystupleniia [Time and Being: Articles and Contributions to the Discussion]. М.: Respublika, 1993. – 447 p.
7. Sepir E. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected Works in Linguistics]. М.: Progress, 2001. – 656 p.
8. Nalimov V.V. Veroiatnostnaia model iazyka: o sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh iazykov [Probability Structure of the Language: About Correlation Between Natural and Artificial Languages]. М.: Nauka, 1974. – 272 p.
9. Demiankov V.Z. O sotsialno-kognitivnykh parametrah diskursnykh tekhnik prezentatsii nauchnykh rezultatov [About scientific and cognitive parameters of discourse techniques of scientific results representation]. Kognitivnye issledovaniia iazyka [Cognitive Studies of Language]. М.: In-t iazykoznanii RAN, 2015. – Pp. 39-51.
10. Tabanakova V.D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoi terminologii: monografiia [Ideographic Description of Scientific Terminology: Monography]. Tiumen: Izd-vo Tiumensk. gos. un-ta, 1999. – 200 p.
11. Kondakov N.I. Logicheskii slovar-spravochnik [Logic Reference Dictionary]. М.: Nauka, 1976. – 721 p.
12. Komarova Z.I. Semanticheskaia struktura spetsialnogo slova i ego leksikograficheskoe opisanie [Semantic sctructure of a special word and its lexicographic description]. М.: Flinta, 2023. – 336 p.
13. Leichik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology Studies: Object, Methods, Structure]. М.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. – 256 p.

14. Shchedrovitskii G.P. Izbrannye trudy [Selected Works]. M.: Shk. Kult. Polit., 1995. – 800 p.
15. Kuhn T.S. The structure of scientific revolutions. – 2nd ed-n. Chicago, 1970. – 264 p.

Дудина Мария	преподаватель, ПГГПУ, Пермь
Вячеславовна	dudina_mv@pspu.ru
Dudina Mariia	lecturer, PSPU, Perm
Vyacheslavovna	dudina_mv@pspu.ru

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-83-92>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «ТРУДНОГО» ПАЦИЕНТА

Светлана Леонидовна Мишланова¹, Евгения Павловна Богатикова², Юлия Албартовна Кабирова³, Виктор Владимирович Рудин⁴

^{1,2}Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский край, г. Пермь, Россия

^{3,4}Пермский государственный медицинский университет им. ак. Е.А. Вагнера, Пермский край, г. Пермь, Россия

¹mishlanovas@mail.ru

²bogatikova.eugene@gmail.com

Аннотация. В статье описан процесс составления психолингвистического портрета «трудного» пациента. Проведен анализ реакций на стимул «Трудный пациент», полученных в направленном психолингвистическом эксперименте с участием врачей разных специальностей. Применен компонентный анализ толкований для выявления семантических признаков, актуализирующих данных стимул. Построено ассоциативное поле, ядерную зону которого образуют семантические признаки «Психология», околядерную – «Медицина», периферийную – «Отношение врача». На основании полученных данных в ходе психолингвистического эксперимента «трудный» пациент предстает как имеющий личностные особенности, характеризующийся конфликтным поведением, в том числе противодействием лечению, отличающийся тяжестью заболевания, трудностями диагностики и лечения, с одной стороны, требующий дополнительных усилий от врача, а с другой – стимулирующий его профессиональный рост.

Ключевые слова: трудный пациент, психолингвистический эксперимент, ассоциативное поле

Для цитирования: Мишланова С.Л., Богатикова Е.П., Кабирова Ю.А., Рудин В.В. Психолингвистический портрет «трудного» пациента // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 83-92. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-83-92>

Original article

PSYCHOLINGUISTIC PORTRAIT OF A 'DIFFICULT' PATIENT

Svetlana Leonidovna Mishlanova¹, Eugenia Pavlovna Bogatikova², Iulia Albartovna Kabirova³, Viktor Vladimirovich Rudin⁴

^{1,2}Perm state national research university, Perm, Russia

^{3,4}Perm state medical university, Perm, Russia

¹mishlanovas@mail.ru

²bogatikova.eugene@gmail.com

Abstract. The article describes the process of compiling a psycholinguistic portrait of a "difficult" patient. We carried out the analysis of the reactions to the stimulus "Difficult patient" obtained in a targeted psycholinguistic experiment with the participation of doctors of different specialties. Component analysis of interpretations was used to identify semantic features that actualize this stimulus. An associative field was built, the nuclear zone of which is formed by the semantic features "Psychology", the perinuclear zone – "Medicine", the peripheral zone – "Doctor's

attitude". Based on the data obtained during the psycholinguistic experiment, a "difficult" patient appears as having personal characteristics, characterized by conflict behavior, including resistance to treatment, distinguished by the severity of the disease, difficulties in diagnosis and treatment, on the one hand, requiring additional efforts from the doctor, and on the other hand, stimulating his professional growth.

Key words: difficult patient, psycholinguistic experiment, associative field

For citation: Mishlanova S.L., Bogatikova E.P., Kabirova Iu.A., Rudin V.V. Psycholinguistic portrait of a «difficult» patient, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 83-92. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-83-92>

Введение

Смена парадигмы в медицине и утверждение пациентоцентрического подхода сфокусировали внимание исследователей на коммуникативных аспектах деятельности врача [1; 2; 3; 4; 5]. Умение взаимодействовать с пациентом, подбирать индивидуальный подход, применять технологии их обучения существенно повышают мотивацию сотрудничества врача и клиента, ответственность больного за свое здоровье и, как следствие, эффективность лечения. Возрастание роли мягких навыков в деятельности врача, в том числе коммуникативных, поставило вопрос о более тщательном изучении факторов, препятствующих успешной коммуникации и результативности работы с пациентом. К числу таких «факторов» риска относится феномен «трудного» пациента. Несмотря на то, что в медицинской литературе данный феномен активно обсуждается уже несколько десятилетий, лексикографической фиксации данного понятия, по нашим данным нет [6; 7; 8]. В связи с этим актуальным представляется определение понятия «трудный пациент» с использованием методов активной лексикографии, в том числе с помощью направленного ассоциативного эксперимента. Структурированные в виде ассоциативного поля семантические признаки позволят создать психолингвистический портрет «трудного» пациента.

Цель исследования – построить психолингвистический портрет трудного пациента на основе ассоциативного поля заданного стимула врачам, участникам эксперимента.

Материалы и методы

В соответствии с поставленной целью был проведен направленный ассоциативный эксперимент по изучению особенностей толкования понятия «трудный пациент». Информантам нужно было записать ассоциации, возникающие у них при предъявлении стимула по следующей инструкции: «После того, как я назову Вам ключевые слова (стимул), запишите, пожалуйста, как можно быстрее любые, пришедшие Вам в голову, реакции, связанные с ключевыми словами». Стимул предъявлялся информантам устно, а реакции были получены в письменном виде. Эксперимент был ограничен во времени. В исследовании принимали участие 55 врачей разных специальностей.

При восприятии стимулов фиксируются реакции респондентов, совокупность которых составляет ассоциативное поле (АП) [9]. Учитывая специфику полученных в исследовании реакций – толкований понятия «трудный пациент» – мы применили для их структурирования методику выделения семантических признаков [10]. В исследование были включены только те признаки, которые были отмечены в реакциях первыми несмотря на то, что в ряде реакций было более одного признака.

Результаты

В ходе исследования было получено 55 реакций, пять из которых мы отнесли к отрицательным, отказов не было. Из пяти отрицательных реакций, две формально воспроизводят стимул (*Трудный; Трудный он и есть трудный*), а три указывают на принципиальное неприятие данного понятия (*Не сталкиваюсь с такими; У меня такого нет; У меня нет трудных пациентов*). В дальнейшем нами будет рассмотрена выборка, включающая только положительные реакции.

В каждой положительной реакции были выделены интегральные и дифференциальные семантические признаки. Рассмотрим в качестве примера реакцию: *Трудный пациент – это просто одна из разновидностей типов личности. Все пациенты разные, не бывает одинаковых, ко всем нужен свой*

подход. Трудным он для тебя становится, если только ты к нему подход не нашел. Из этой реакции для анализа извлекаем первый семантический признак: *Трудный пациент – это просто одна из разновидностей типов личности.* В данном случае интегральным признаком будет **Психология**, а дифференциальным – **Личностные особенности**.

В ходе исследования было выделено три интегральных признака, которые составили структуру АП «Трудный пациент». Ядро АП образовано реакциями, содержащими интегральный признак **Психология** (62 %), окооядерная зона включает реакции с интегральным признаком **Медицина** (22 %), периферия – реакции, содержащие интегральный признак **Отношение врача** (16 %).

Перейдем к рассмотрению ядерной зоны АП, образованной реакциями, содержащими интегральный семантический признак **Психология** и являющейся самой многочисленной (62 %). В ядерную зону включены реакции с дифференциальным признаком **Личностные особенности** (*Психологические проблемы; Требуется особого внимания; Требуется дополнительной поддержки и внимания; Нужен индивидуализированный подход; Требуется дополнительных консультаций; Что значит трудный пациент? Они все разные, вот и все*), которые составляют ее большую часть (24 %). Следующей по репрезентативности (22 %) является группа реакций ядерной зоны, содержащая дифференциальный признак **Конфликтное поведение** (*Непредсказуемое поведение; Конфликтные ситуации; Конфликт с медперсоналом; Конфликт со всеми; В конфликте с собой и миром; Конфликтный, трудный в общении; Конфликтный, агрессивный; Тот, что жалуется на меня, хотя все проблемы в нем самом; Обычно сразу можно определить такого пациента, он уже в коридоре всем недоволен*). В меньшей степени в ядерной зоне представлен дифференциальный признак **Противодействие лечению** (16 %), включающий такие реакции, как: *Не следует рекомендациям врача; Отрицание болезни; Сопротивление лечению; Когда он утаивает информацию, и ты не можешь*

диагноз правильно поставить; Который не выздоравливает, потому что не хочет, а не потому что ты плохой врач и др.

В околядерной зоне, представленной реакциями, содержащими интегральный семантический признак **Медицина** (22 %), преобладают реакции, содержащие дифференциальный признак **Тяжесть заболевания** (*Коморбидный; Сложный; Тяжелый; Возможно развитие осложнений*), составляющие 10 %, а также реакции, содержащие дифференциальный признак **Трудности лечения** (*Тот, который не поддается лекарственной терапии; Медикаментозная непереносимость, устойчивость к антибиотикам, аллергия на лекарства; Необходим особый план лечения*), на долю которых приходится 8 %. Слабее выражен дифференциальный признак **Трудности диагностики** (4 %), например: *Сложный диагноз, а потом осложнения при лечении; Сложный анамнез.*

Периферийная зона представлена интегральным семантическим признаком **Отношение врача** (16 %). В ней продемонстрированы реакции, актуализирующие два дифференциальных признака: **Дополнительные усилия** (12 %) и **Профессиональный рост** (4 %). Первый дифференциальный признак можно проиллюстрировать следующими примерами: *Не могу сказать, что сталкиваюсь с трудным пациентом. Наверное, все зависит от личности врача. Я умею подстраиваться, в итоге все уходит довольными. Просто нужно почувствовать, что нужно человеку и дать это. Хочет побольше жаловаться, да пожалуйста. Главное, чтобы мне не мешал работать; Неважно, с чем связана трудность такого пациента. Эти пациенты требуют слишком много времени и ресурсов, что лично у меня вызывает стресс...; Главное, чтобы не представлял физическую угрозу, а с остальным можно разобраться.* Второй дифференциальный признак содержится в реакциях: *Трудные пациенты – это вызов для нас! Нужна дополнительная внимательность, эмпатия и индивидуализированный подход, чтобы помочь пациенту преодолеть его проблемы; Трудные пациенты представляют собой возможность для профессионального роста, поскольку работа с ними*

требует развития навыков коммуникации, управления конфликтами и понимания психологических аспектов заболевания.

Итак, структура АП «трудный пациент», построенная на извлеченных вербальных оформлениях реакций психолингвистического эксперимента интегральных признаков, свидетельствует о том, что у врачей «трудный» пациент ассоциируется в первую очередь с психологическими аспектами взаимодействия врача и пациента, несколько реже – с вопросами оказания ему медицинской помощи, слабее всего представлены ассоциации, вызванные рефлексией опыта работы с таким пациентом. В каждой зоне АП реакции были сгруппированы по содержащимся в них дифференциальным признакам. Так, в ядерной зоне были выделены группы реакций, содержащих семантический признак *Личностные особенности, Конфликтное поведение, Противодействие лечению*; в околоядерной зоне – реакции, содержащие семантические признаки *Тяжесть заболевания, Трудности лечения, Трудности диагностики*; в зоне периферии реакции, содержащие семантические признаки *Дополнительные усилия* и *Профессиональный рост*. Следует отметить, что группы реакций, определенных по своему признаку к ядерной зоне, являются самыми многочисленными, однако соотношение групп реакций с выделенными признаками в двух других зонах не всегда коррелирует с их принадлежностью структуре АП. В связи с этим мы предприняли попытку расположения групп реакций, полученных на основе анализа дифференциального признака, в соответствии со степенью их репрезентативности. Результат ранжирования представлен на рисунке 1 (рис. 1).

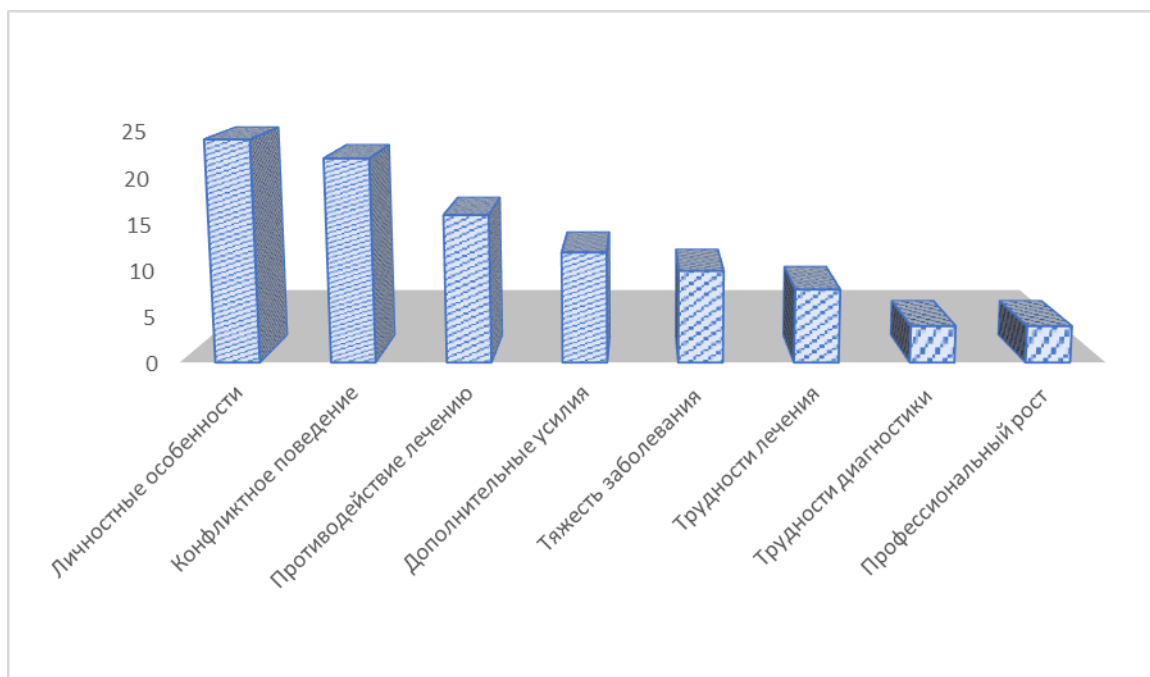

Рис. 1. Распределение дифференциальных семантических признаков в ассоциативном поле «трудный пациент» (%)

Представленное на рисунке 1 распределение дифференциальных семантических признаков в АП можно использовать в качестве «штрихов» к психолингвистическому портрету «трудного» пациента. На основании полученных в исследовании данных «трудный» пациент осознается врачом как имеющий психологические проблемы различного генеза, проявляющий личностные особенности, потребность во внимании и индивидуальном подходе, оказывающий противодействие лечению, требующий от специалиста-медика дополнительных затрат времени и сил, с объективно тяжелым заболеванием, которое трудно лечить и диагностировать; однако все вышеперечисленное является ресурсом профессионального роста врача.

Безусловно, вышеуказанный психолингвистический портрет «трудного» пациента не является полным и исчерпывающим. Мы признаем ограниченность выборки информантов группой врачей одного из российских регионов, проведение анализа без учета специальности врачей, стажа работы и других факторов. Данное исследование, безусловно, носит пилотный характер, однако, имеет перспективы, поскольку предложенная в работе методика построения АП с учетом семантических признаков полученных в качестве

реакций толкований является удобной и может быть применена при анализе других типов реакций или других, смежных, стимулов в данной области.

Заключение

В исследовании предпринята попытка составить психолингвистический портрет «трудного» пациента, что необходимо для управления факторами, препятствующими взаимодействию врача и пациента и снижающими эффективность лечения. С целью получения семантических признаков для портретирования был проведен направленный ассоциативный эксперимент в группе врачей разных специальностей. Анализ вербального оформления реакций позволил извлечь интегральные и дифференциальные семантические признаки. На основе выявленных интегральных признаков построено ассоциативное поле «трудный пациент», ядро которого образовано интегральными признаками **Психология**, околядерная зона – признаками **Медицина**, периферия – признаками **Отношение врача**. Дифференциальные признаки, такие как *Личностные особенности, Конфликтное поведение, Противодействие лечению, Дополнительные усилия, Тяжесть заболевания, Трудности лечения и диагностики, Профессиональный рост* легли в основу составления психолингвистического портрета трудного пациента. Выделенные семантические признаки могут быть востребованы для построения более развернутых структур знания, таких как онтологии и фреймы, семантической разметки медицинских текстов, и, в конечном счете, оптимизации медицинской (электронной) коммуникации.

Создано при поддержке гранта РОСОМЕД, (номер договора РОС-ГР-002 от 13.02.2024).

© Мишланова С.Л., Богатикова Е.П., Кабирова Ю.А., Рудин В.В., 2024

Список источников

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во ПГУ, – 2002. – 200 с.
2. Богатикова Е.П. Коммуникативные тактики электронной медицинской консультации в когнитивно-дискурсивном аспекте: специальность 10.02.19 – теория языка: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Евгения Павловна Богатикова. – Ижевск, 2022. – 22 с.
3. Осипенко Т.А. Вербальное взаимодействие врача и пациента (на материале немецкоязычных аутентичных консультативных бесед): дис. ... к. филол. н. – СПб., 2023. – 156 с.

4. Кочеткова Т.В., Барсукова М.И., Ремпель Е.А., Рамазанова А.Я. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача // Мир науки, культуры, образования. 2018. – № 3 (70). – С. 466-468.
5. Климович А.И. Эволюция моделей коммуникации врач-пациент в современной медицине // Педагогические науки. Философия. 2019. – № 15. – С. 88-91.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4: С – Ящурный. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 стб. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=78301>
8. Грамота.ру. url: <https://gramota.ru> (дата доступа – 18.08.2024)
9. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – Москва: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
10. Бабенко Л.Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций / Л.Г. Бабенко // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 9-47. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.

References

1. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Medicinskij diskurs: teoreticheskie osnovy i principy analiza [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm': Izd-vo PGU, 2002. – 200 p.
2. Bogatikova E.P. Kommunikativnye taktiki elektronnoj medicinskogo konsul'tacii v kognitivno-diskursivnom aspekte [Communicative tactics of electronic medical consultation in the cognitive-discursive aspect]: special'nost' 10.02.19 – teoriya yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. n. / Evgeniya Pavlovna Bogatikova. – Izhevsk, 2022. – 22 p.
3. Osipenko T.A. Verbal'noe vzaimodejstvie vracha i pacienta (na materiale nemeckoyazychnyh autentichnyh konsul'tativnyh based) [Verbal interaction between doctor and patient (based on authentic German-language consultation conversations)]: dis. ... k. filol. n. – SPb., 2023. – 156 p.
4. Kochetkova T.V., Barsukova M.I., Rempel' E.A., Ramazanova A.YA. Medicinskij diskurs: specifika professional'noj kommunikacii vracha [Medical discourse: specifics of professional communication of a doctor] // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. [The world of science, culture, education]. 2018. – № 3 (70). – Pp. 466-468.
5. Klimovich A.I. Evolyuciya modelej kommunikacii vrach-pacient v sovremennoj medicine. [Evolution of Doctor-Patient Communication Models in Modern Medicine] // Pedagogicheskie nauki. Filosofiya. [Pedagogical sciences. Philosophy.] 2019. – № 15. – Pp. 88-91.
6. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S. I. Ozhegov, N. YU. Shvedova. – Moskva: Azbukovnik, 1997. – 944 p.
7. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Russian Language, 4 volumes] / pod red. D.N. Ushakova. – M.: Sov. encikl.: OGIЗ, 1935-1940. – Vol. 4: S – YAshchurnyj. / Gl. red. B.M. Volin et al. – M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1940. – 1502 stb. <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=78301>
8. Gramota.ru. url: <https://gramota.ru> (access date – 18.08.2024)
9. Karaulov Yu.N. Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'. [Active grammar and associative-verbal network] – Moskva: IRYA RAN, 1999. – 180 p.
10. Babenko L.G. Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretacij [Types of lexical sets in structural-semantic, cognitive-discursive and lexicographic light: the dynamics of interpretations] / L. G. Babenko // Nauchnyj dialog. [Scientific dialogue] – 2020. – № 9. – Pp. 9-47. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.

Мишланова Светлана Леонидовна	доктор филологических наук, профессор, ПГНИУ, Пермь mishlanovas@mail.ru
Mishlanova Svetlana Leonidovna	doctor of philology, professor PSNRU, Perm mishlanovas@mail.ru
Богатикова Евгения Павловна	кандидат филологических наук, доцент, ПГНИУ, Пермь bogatikova.eugene@gmail.com
Bogatikova Eugenia Pavlovna	candidate of philology, associate professor, PSNRU, Perm bogatikova.eugene@gmail.com
Кабирова Юлия Албаровна	кандидат медицинских наук, ПГМУ им. ак. Е.А. Вагнера, Пермь
Kabirova Iulia Albartovna	candidate of medical sciences, PSMU named after ac. E.A. Wagner, Perm
Рудин Виктор Владимирович	кандидат медицинских наук, доцент, ПГМУ им. ак. Е.А. Вагнера, Пермь
Rudin Viktor Vladimirovich	candidate of medical sciences, associate professor, PSMU named after ac. E.A. Wagner, Perm

Научная статья

УДК 81'33

5.9.5. Русский язык. Языки народов

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-93-107> России.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРЕДПОЧТЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Еэрбаота Нуэрпулати

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва

sashaaaaa@yeah.net

Аннотация. В лингвистике прецедентный феномен определяется как способ отражения в текстах национальных культурных традиций. Это проявляется в оценке и восприятии исторических событий, личностей, мифов, художественных памятников и литературных произведений, в том числе устного народного творчества. Это явление включает в себя как коллективные, так и индивидуальные культурные коды, которые воспринимаются и интерпретируются носителями языка, формируя основу для межкультурной коммуникации. В контексте изучения русского языка иностранцами прецедентные феномены играют ключевую роль в овладении не только языковыми, но и культурными аспектами, что позволяет глубже проникнуть в менталитет носителей русского языка. При изучении русского языка иностранцами это важнейшая часть освоения лингвокультуры. Однако активный фонд и качество прецедентных высказываний в речи иностранцев имеет свою специфику. Данное исследование фокусируется на изучении предпочтений китайских студентов в использовании прецедентных высказываний русского языка.

Ключевые слова: лингвистика, прецедентное высказывание, фразеологизм, крылатое выражение, поговорка, предпочтение китайских студентов

Для цитирования: Нуэрпулати Е. Прецедентные высказывания в русском языке: предпочтения китайских студентов // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – № 4. – С. 93-107. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-93-107>

Original article

PRECEDENT STATEMENTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: CHINESE STUDENTS' PREFERENCES

Yeerbaota Nuerpulati

Pushkin state russian language institute, Moscow

sashaaaaa@yeah.net

Abstract. Precedence in linguistics is considered as a way of reflecting national cultural traditions in texts, which is manifested in the evaluation and perception of historical events, personalities, myths, artistic monuments and literary works, including oral folk art. This phenomenon includes both collective and individual cultural codes, which are perceived and interpreted by native speakers, forming the basis for intercultural communication. In the context of learning Russian by foreigners, precedent phenomena play a key role in mastering not only linguistic but also cultural aspects, which allows to penetrate deeper into the mentality of Russian language speakers. When foreigners study Russian, it is the most important part of mastering

linguoculture. However, the active fund and quality of precedent statements in the speech of foreigners has its own specificity. This study focuses on the study of Chinese students' preferences in the use of precedent statements of the Russian language.

Keywords: linguistics, precedent statement, phraseological expression, winged expression, paremy, Chinese students' preference

For citation: Nuerpulati Ye. Precedent statements in the Russian language: chinese students' preferences, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 93-107. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-93-107>

Введение

Прецедентность в лингвистике является сравнительно новой лингвистической областью, которая получила импульс к развитию в 1980-е годы. Обзор теоретической литературы свидетельствует о том, что описания и определения прецедентов в языке на данный момент осуществляются согласно различным исследовательским целям. В частности, изучаются связь языка с культурой, проводятся исследования межкультурных коммуникаций, теории перевода [1; 2; 3], лингвоэкологии [4]. Впервые термин *прецедент* был введён в научный оборот Ю.Н. Карауловым в его работе «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» представленной на VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы в 1986 году. В его последующих работах прецедентные тексты определяются как тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с. 264].

Впоследствии были исследованы особенности применения и функционирования прецедентного текста в различных видах дискурсов и жанров литературы, где рассматриваются понятия «прецедентные феномены (ПФ), прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС), прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ)».

Прецедентные высказывания (ПВ) – это речевые единицы, известные всем носителям русского языка, регулярно повторяющиеся и отражающие

русскую культуру, относящиеся к сфере речи и используемые носителями языка в дискурсах разных сфер нашей жизни [2; 5, с. 72].

Концепция прецедентных высказываний уходит своими корнями во множество таких источников, как мифы, легенды, устные поэтические произведения, художественные и библейские тексты, и народная литература, в том числе, притчи, анекдоты, сказки и др. [6, с. 72]. Классификации ПВ делятся на три категории в зависимости от степени знакомства с ними носителей данного языка. К первой категории относятся универсально-прецедентные, которые знакомы каждому современному человеку; ко второй категории относятся высказывания социумно-прецедентные, известные среднему представителю определенного социума; к третьей относятся национально-прецедентные, которые известны членам определенного лингвокультурного сообщества [2, с. 164].

Постановка проблемы

В аспекте исследования языкового феномена ПВ в речи студентов-инофонов – особенно в речи китайских обучающихся – крайне важно рассматривать их с точки зрения групповой языковой личности. Такой подход поможет выявить отличительные особенности речевых моделей китайских студентов и облегчит анализ различий при сравнении их речи. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения концепции малых социальных групп и особенностей взаимодействия между их членами.

Студенты участвуют в формировании различных малых социальных групп – формальных и неформальных, временных и стабильных, первичных и вторичных. Формирование уникального коммуникативного пространства – процесс, присущий динамике общения внутри каждой социальной группы. Это пространство обусловлено характером отношений между членами группы, уровня знакомства и степени социальной близости. Л.П. Крысин указывает на существование особых языковых средств, используемых малыми социальными группами [7], Г.Г. Слышкин – на возможность различения прецедентности на групповом уровне [8]. В свете вышеупомянутых данных можно предположить,

что различные группы могут демонстрировать отличительные модели использования прецедентных высказываний. Важно рассмотреть сообщество студентов-инофонов как отдельный субъект, занимающий свое собственное коммуникативное пространство [9]. Необходимо исследовать прецедентные феномены с позиций разных лингвистических наук, чтобы получить полное представление о роли ПФ в когнитивной базе и лингвокультурном пространстве китайских обучающихся, а также проанализировать особенности употребления прецедентных высказываний в речи китайских студентов, учитывая все вышеупомянутые аспекты, что поможет составить относительно целостную картину изучаемых языковых явлений.

Для того чтобы эффективно общаться на русском языке, нужно овладеть фондом пословиц, поговорок, крылатых выражений и фразеологизмов, являющихся неотъемлемой составляющей концептосферы русского языка [19]. Это обязательное условие для тех, кто изучает РКИ, поскольку данные единицы составляют корпус прецедентных высказываний русской речи и русского языка. Фонд прецедентных высказываний включает как активный, так и пассивный запас. Активный [от лат. *aktivus*] лексический запас – часть словарного запаса современного языка, его единицы хорошо известны и часто используются всеми носителями языка. Пассивный [от лат. *passivus*] лексический запас представляет собой периферийную часть языка. Это те слова и выражения, смысл которых понятен, но они редко используются в речи, и иностранцам сложно овладеть ими, так как они понимают их не всегда [3]. По аналогии с лексикой можно говорить о том, что фонд прецедентных высказываний может содержать единицы, предпочтительные для иностранцев, осваивающих русскую культуру. «Предпочтительный» – от глагола «предпочесть» – значит ‘счесть, признать по сравнению с кем-, чем-л. другим наиболее отвечающим тем или иным требованиям’; ‘отдать преимущество’; ‘счесть за лучшее’ [10].

Известно, что использование прецедентных высказываний делает речь говорящих выразительной, динамичной и одновременно лаконичной.

Иностранцы также должны осваивать прецедентные высказывания как явления русской культуры для того, чтобы в общении использовать речевые единицы, отвечающие национальным особенностям коммуникации [11; 5; 9]. Однако восприятие и освоение этих высказываний является для китайских студентов сложной задачей в процессе изучения русского языка, поэтому не все известные прецедентные высказывания русского языка находят отражение в речи китайских студентов. В связи с этим крылатые выражения, фразеологизмы, пословицы и поговорки русской речи, предпочтительные для китайских студентов, изучающих русский язык, предлагаем рассматривать в двух аспектах: как часть прецедентных высказываний, наиболее понятных / не понятных им, и как единицы, употребляемые в их речи.

Для того чтобы проанализировать предпочтения китайцев в использовании прецедентных высказываний, нами было проведено анкетирование, целью которого стало выявление особенностей предпочтений иностранцев в использовании прецедентных высказываний. Материалом для данной статьи послужили результаты, полученные в ходе анкетирования китайских студентов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, а также других вузов Москвы. Испытуемым были предложены прецедентные высказывания, отобранные из различных словарей русского языка, включая фразеологические словари, словари паремий, словари крылатых выражений. Состав единиц для опроса был сформирован в ходе предварительного этапа работы: в результате опроса носителей русского языка (108 испытуемых) выделены ПВ активного фонда – единицы, которые оценены русскими студентами как прецедентные высказывания, характерные для современного общения. В их числе были выделены фразеологизмы, паремии и крылатые выражения современных дискурсов. Наиболее частотные единицы были включены в экспериментальное исследование с китайскими студентами. В результате анкетирования выделены предпочтительные для них ПВ. Количество полученных в ходе эксперимента анкет – 88. Процедура проведения исследования состояла в следующем:

1) составление списка прецедентных высказываний, полученных в результате опроса носителей русского языка. Носителям русского языка были предъявлены списки прецедентных высказываний из словарей современного русского языка [Ашукин, Ашукина, 1987; Большой словарь крылатых слов русского языка, 2005; Бирих, Мокиенко, Степанов, 1996; Мокиенко, Никитина, 2007; Душенко, 2011; Дядечко, 2006; Жуков, 2000; Левикова; Мокиенко, Зыкова, 2006; Молотков, 1968; Серов, 2005; Федоров, 2008; Фелицына, Прохоров, 1979; Фелицына, Мокиенко, 1990; Ожегов, 2009; Шулежкова, 2008];

2) отбор 10 наиболее употребляемых русскими испытуемыми единиц каждой группы. В список включены 10 фразеологизмов: *без году неделя; бросать слова на ветер; водить за нос; душа не лежит; ломать голову; белая ворона; ни свет, ни заря; язык на плече; кот в мешке; чёрт ногу сломит.*

3) отбор 10 наиболее употребляемых русскими испытуемыми паремиологических единиц. В список включены 10 пословиц и поговорок, взятых из словарей русского языка и словарей паремий: *беда не приходит одна; без труда не вынешь рыбку из пруда; в гостях хорошо, а дома лучше; лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; семь раз отмерь – один раз отрежь; слово не воробей, вылетит (выпустишь) – не поймаешь; утро вечера мудренее; ученье свет, а не ученье тьма; где мед, там и мухи; куй железо, пока горячо.*

4) отбор 10 наиболее употребляемых русскими испытуемыми крылатых выражений. В список включены 10 единиц, взятых из словарей русского языка, словарей крылатых выражений: *кто будет делать, Пушкин?; свежее дыхание облегчает понимание; ребята, давайте жить дружно!; Ромео и Джульетта; а счастье было так возможно; в человеке все должно быть прекрасно; если долго мучиться, что-нибудь получится; жить хорошо, а хорошо жить – ещё лучше; я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины; молчание — знак согласия.*

5) анкетирование китайских студентов с целью выбора из представленной им выборки прецедентных высказываний наиболее

предпочтительных для них единиц (понятных и используемых в собственной речи на русском языке). В анкете испытуемые указывали свои социолингвистические данные: пол, возраст, родной язык, уровень образования, продолжительность изучения русского языка, продолжительность жизни в России. В результате анкетирования выявлен состав испытуемых. Они характеризуются по возрасту (от 18 до 34 лет), языку (родной язык китайский), образованию (подготовленные студенты, стажеры, магистранты, аспиранты), в том числе студенты, магистранты и аспиранты, которые изучают русский язык и живут в России несколько лет.

б) активные единицы распределяются следующим образом: китайские студенты в таблицах отмечают выражения (фразеологические единицы, крылатые выражения, пословицы и поговорки), которые считаются ими прецедентными в представленных таблицах.

В ходе исследования учитывались следующие аспекты освоения студентами этих единиц: 1) испытуемые понимают значение и используют данные фразеологические единицы в собственной речи; 2) испытуемые понимают единицы, но не применяют их в собственной речи на русском языке; 3) испытуемые не понимают значения данных фразеологических единиц.

Обсуждение результатов

В результате анализа были выявлены закономерности освоения инофонами прецедентных высказываний русского языка. Отмечено, что в активном фонде словарного запаса прецедентных высказываний наблюдаются различия между носителями русского языка и испытуемыми студентами из Китая, которые изучают русский язык.

В результате проведенного эксперимента было подтверждено, что фразеологизмы как устойчивые, воспроизводимые элементы русского языка, хорошо знакомы иностранным студентам, изучающим русский язык, и служат для повышения ясности и выразительности их речи [12]. Однако, как показал опрос, у большинства испытуемых студентов резко расходилось количество

фразеологизмов, понимаемых ими, и единиц, воспроизводимых самостоятельно в речи на русском языке.

При осознании значения фразеологических единиц китайские испытуемые разных групп показали примерно одинаковые результаты. Они продемонстрировали, что лучше воспринимают значение фразеологической единицы в речи или тексте, и реже используют их в речи на русском языке. Аспиранты, магистранты, изучающие русский язык и живущие продолжительное время в России, владеют бóльшим числом фразеологических единиц, понимают их значение и используют в речи; подготовленные студенты и стажеры используют меньшее число фразеологизмов, однако единицы, представленные в учебниках, освоены ими хорошо; китайские студенты первых курсов вузов испытывают трудности не только в использовании русских фразеологизмов в речи, но и нередко в понимании их смысла. Ниже приводим результаты проведенного опроса.

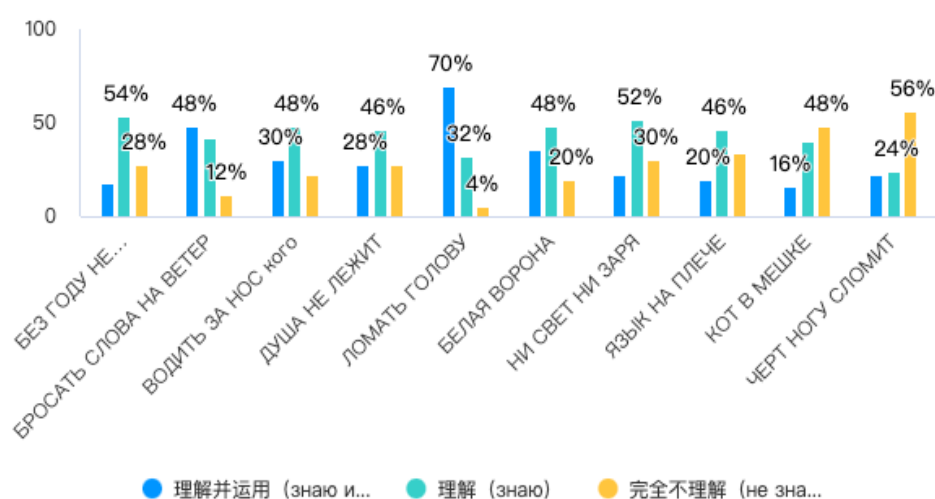

Схема 1 – Фразеологизмы активного запаса и их использование в речи китайцев

Результаты опроса, представленные на схеме № 1, показали, что большинству испытуемых студентов понятны фразеологические выражения: *Без году неделя* (54%); *Ни свет, ни заря* (52%); *Водить за нос* (48%). Китайские студенты чаще всего в собственной речи используют фразеологические выражения: *Ломать голову* (70%); *Бросать слова на ветер* (48%). Китайские студенты не понимают: *Черт ногу сломит* (56%).

Паремии являются неотъемлемой частью речи современных китайских студентов. Они соотносят русские пословицы и поговорки с китайскими выражениями, ищут межкультурные соответствия и различия между ними. Согласно схеме № 2, большинству испытуемых студентов понятны паремии, выявленные на первом этапе эксперимента из учебных словарей и учебников по РКИ. Наиболее ясны китайским студентам следующие паремии: *Где мед, там и мухи* (56%); *Беда не ходит одна* (52%); *Ученье свет, а не ученье тьма* (50%). Китайские студенты чаще всего используют в речи следующие паремии: *В гостях хорошо, а дома лучше* (66%); *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* (66%); *Утро вечера мудренее* (54%).

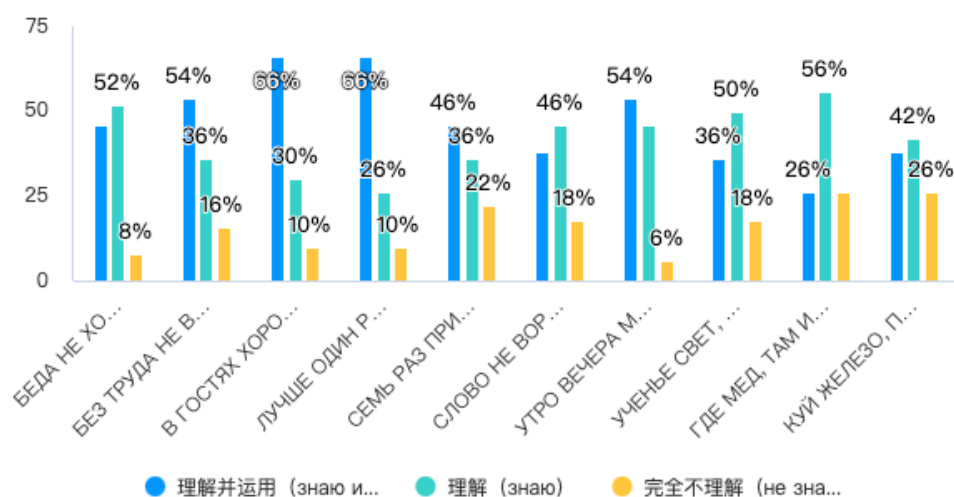

Схема 2 – Паремии активного запаса и их использование в речи китайцев

В целом, даже при ошибочном употреблении пословиц и поговорок, студенты демонстрируют стремление использовать их в своей речи, пытаются создать свои варианты известных изречений или породить новые по существующим моделям.

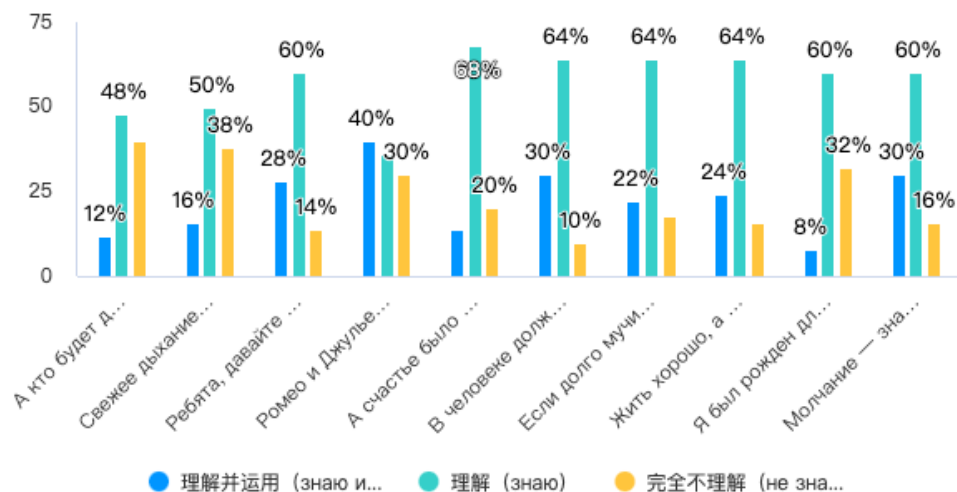

Схема 3 – Крылатые выражения активного запаса и их использование в речи китайцев

Крылатые выражения студенты считают важной частью не только культуры страны, но и молодежной речи. Результаты опроса, представленные на схеме № 3, показывают, что китайским студентам наиболее понятны следующие крылатые выражения: *А счастье было так возможно* (68%); *В человеке все должно быть прекрасно* (64%); *Если долго мучиться, что-нибудь получится* (64%), *Жить хорошо, а хорошо жить – ещё лучше* (64%), *Ребята, давайте жить дружно!* (60%), *Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины* (60%). Китайские студенты в речи чаще всего используют следующие крылатые выражения: *Ромео и Джульетта* (40%); *Молчание — знак согласия* (30%).

В проведенном нами исследовании было установлено, что прецедентные высказывания, которыми пользуются китайские студенты, имеют самые разные источники. Китайские студенты получают информацию из учебных пособий (41%); онлайн/оффлайн-занятий (33%); литературных произведений (14%); средств массовой информации (8%); личного общения (4%).

В целом лингвистические единицы, предпочитаемые китайскими студентами, которые участвовали в анкетировании, приблизительно в равном количестве включали в себя фразеологизмы, поговорки, крылатые выражения. Результаты эксперимента приведены в следующей таблице:

Таблица 1 – Предпочтения китайских студентов в освоении прецедентных высказываний

ПВ	Китайские студенты		
	Понимают и используют (%)	Понимают (%)	Не понимают (%)
Фразеологизмы	30,95%	42,30%	26,73%
пословицы и поговорки	46,48%	38,91%	14,59%
крылатые выражения	23,44%	54,57%	21,97%

Данные таблицы № 1 показывают, что уровень понимания значений фразеологических единиц у китайских студентов выше, чем уровень их использования в речи: испытуемые в основном постигают значение фразеологических единиц (42,30%), однако используют их в речи значительно реже (30,95%). Студентов, освоивших значение паремий, также больше, чем студентов, использующих их в речи (46,48% и 38,91% соответственно). Такая же ситуация и с крылатыми выражениями (54,57% и 23,44% соответственно). Таким образом, в числе предпочтительных для китайских студентов прецедентных высказываний на русском языке большее место занимают единицы, которые предполагают их пассивное восприятие.

Прецедентные единицы, которые часто используются в речи китайских студентов, как правило, эквивалентны по значениям фразеологизмам в китайском языке. Например, фразу *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* понимают и используют большое количество иностранцев (66%), поскольку ее значение эквивалентно значению соответствующей поговорки в китайском языке. Понятными и используемыми единицами являются: *ни свет, ни заря; зарубить на носу; сломя голову*.

Согласно результатам опроса, иностранцы понимают значение и предпочитают использовать в речи следующие паремии: *без труда не вынешь рыбку из пруда; в гостях хорошо, а дома лучше; лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать; утро вечера мудренее; куй железо, пока горячо*. Однако можно предположить, что на результаты опроса повлияла частотность употребления этих единиц: они используются в упражнениях по русскому

языку и в учебных курсах; зафиксированы во всех известных словарях и интернет-источниках.

Результаты опроса, касающегося употребления китайскими студентами крылатых выражений, показывают, что наиболее предпочтительными для иностранцев являются единицы следующих групп высказываний: 1) описывающие известные ситуации: *Ромео и Джульетта; А кто будет делать, Пушкин что ли?; А счастье было так возможно;* 2) можно понять логически: *Если долго мучиться, что-нибудь получится;* 3) цитаты из прецедентных текстов: книг, кинофильмов, песен: *В человеке все должно быть прекрасно; Жить хорошо, а хорошо жить – ещё лучше; Ребята, давайте жить дружно!*

Крылатые выражения из современной бытовой речи, анекдотов и шуток молодежи, а также цитаты из рекламы и телефильмов считаются самыми понятными иностранцам, но при этом их процент использования в речи китайских студентов все же является небольшим [13]. Возможной причиной редкого использования данных единиц становится, в частности, сложность их произнесения, трудности фонетики и грамматических конструкций. Как показывают комментарии испытуемых, нередко освоение этих выражений базируется на понимании отдельных слов. Например, *иногда лучше жевать, чем говорить (лучше жуй); все что не делается в жизни, все к лучшему (все будет лучше); хочешь лучше – сделай сам! (делай все сам); кто первый встал, того и тапки (первый); не верь своим глазам – доверяй сердцу (слушай сердце); хочешь быть счастливым – будь им (нужно быть счастливым); живы будем – не помрем (никогда не умрем).* Грамматическая сложность пословиц, поговорок, крылатых выражений приводит к искажению их смысла, например выражение *не было бы счастья, да несчастье помогло* в интерпретации испытуемых получило следующие толкования: ‘я несчастлив, потому что у меня нет счастья’; ‘чтобы быть счастливым, должно быть много несчастья’; ‘не было счастья, а потом еще пришло несчастье’.

Результаты эксперимента показывают, что знание прецедентных единиц не всегда определяет умение иностранцев использовать их в своей речи, данные два параметра следует оценивать отдельно.

Выводы

Активный фонд прецедентных высказываний в речи китайцев складывается из единиц, которые они понимают, и единиц, которые сами используют в речи. Наиболее знакомые и воспринимаемые единицы – это, как правило, те, которые использовались в учебниках и учебных курсах по РКИ. Однако, наиболее часто употребляемыми студентами выражениями являются единицы современной повседневной речи, анекдоты и шутки молодежи, а также рекламные слоганы и цитаты из фильмов [11; 14]. Необходимо учитывать промежуточный критерий – частичное понимание, основанное на знании отдельного слова.

Результаты данного исследования могут быть применены в педагогическом процессе при обучении РКИ.

© Нуэрпулати Е., 2024

Список источников

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов // Едиториал УРСС, – 2004. – 264 с.
2. Красных В.В. и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В.В. Красных и др. // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология. 1997. – № 3.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных // ИТДГК "Гнозис", 2002. – С. 284.
4. Ионова С.В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии / С.В. Ионова // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве [коллективная монография]. Волгоград, Изд-во Перемена, – 2013. – С. 89-98.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. / В.В. Воробьев // Изд-во РУДН, – 1997. – С. 331.
6. Бриченкова Е.С. Прецедентное высказывание как объект лингвокультурологического комментария на уроках РКИ / Е.С. Бриченкова // Русский язык за рубежом, 2007. – № 3. – С. 72-75.
7. Крысин Л.П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин // Отв. ред. Ю.Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1989. – С. 186.
8. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин // Академия, – 2000.
9. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты

исследования / С.В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163-168.

10. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов // СПб: Норинт, 2013. – С. 242.

11. Баско Н.В. Русские фразеологизмы в ситуациях: Учебное пособие по русской фразеологии и развитию речи / Н.В. Баско // – 2-е изд., перераб. – Русский язык. Курсы, 2015. – С. 160.

12. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко // Москва, 2008.

13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака, Academia, 1997. – С. 280-287.

14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2007. – С. 784.

References

1. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. [Russian language and linguistic personality] – М.: Editorial URSS, 2004. – 264 p.

2. Krasnyh V.V. i dr. Kognitivnaja baza i precedentnye fenomeny v sisteme drugih edinic i v kommunikacii. [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication] / Krasnyh V.V. and oth. // Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. 1997. – № 3.

3. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: kurs lekcij. [Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies: course of lectures] – М.: ITDGK "Gnozis", 2002. – Pp. 284.

4. Ionova S.V. Priznaki jekologichnosti i problema ih vydelenija v lingvojekologii. [Signs of ecological compatibility and the problem of their allocation in linguacology] // Jemotivnaja lingvojekologija v sovremennom kommunikativnom prostranstve (kollektivnaja monografija). [Emotive linguacology in the modern communicative space (collective monography).] – Volgograd, Izd-vo Peremena, 2013. – Pp. 89-98.

5. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologija: teorija i metody. [Linguacultural studies: theory and methods.] – М.: Izd-vo RUDN, 1997. – Pp. 331.

6. Brichenkova E.S. Precedentnoe vyskazyvanie kak ob'ekt lingvokul'turologicheskogo kommentarija na urokah RKI [Precedent statement as an object of linguacultural commentary in RLF lessons] // Russian language abroad. 2007. – № 3. – Pp. 72-75.

7. Krysin L.P. Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennogo russkogo jazyka [Sociolinguistic aspects of studying the modern Russian language]/ ex. ed. Ju. D. Desheriev; AN SSSR, In-t of linguistic. – Moscow: Nauka, 1989. – Pp. 186.

8. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse [Tekst] [From text to symbol: linguacultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse] / G.G. Slyshkin. – М.: Akademiya, 2000.

9. Ionova S.V. Tekstovoe prostranstvo SMI: teoreticheskie i jempiricheskie aspekty issledovanija [Text space of the media: theoretical and empirical aspects of the study] // Bulletin of Volgograd state university. Series 2: Linguistics. 2012. – № 1 (15). – Pp. 163-168.

10. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Large explanatory dictionary of the Russian language] / S.A. Kuznecov. – М.: СПб: Norint, 2013. – Pp. 242.

11. Basko N.V. Russkie frazeologizmy v situacijah: uchebnoe posobie po russkoj frazeologii i razvitiju rechi. [Russian phraseological units in situations: A textbook on Russian phraseology and speech development] – 2-е ed., re-edit. – М.: Russkij jazyk. Kursy, 2015. – Pp. 160.

12. Alefirenko N.F. Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradig. [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms] / N.F. Alefirenko. – Moskva, 2008

13. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka [The conceptual sphere of the Russian language]/ D.S. Lihachev // Russkaja slovesnost': Antologija [Russian literature: Anthology] / ed by V.P. Neroznaka. – M.: Academia, 1997. – Pp. 280-287.

14. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok [Large dictionary of Russian proverbs] – M.: ZAO "OLMA Media Grupp", 2007. – Pp. 784.

Еэрбаота Нуэрпулати	аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, г. Москва sashaаааа@yeah.net
Үеербаота Нуерпулати	graduate student of the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin state russian language institute, Moscow sashaаааа@yeah.net

Научная статья

УДК 81-26

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-108-126> (таджикский)

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРАЗДНИК» В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Малика Бахтиёровна Разыкова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан

malika.razykova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются паремии, относящиеся к периферии концепта «праздник/ид». В интерпретационное поле концепта включаются компоненты, которые отражают представления таджиков о празднике, разнообразные суждения и оценки, характеризующие признаки концепта в полном объеме.

Проведённый анализ позволяет выделить признаки концепта, отраженные в исследованных паремиях: гостеприимство, включающее отношение к гостю, его положение, характеристику, а также связанные с ним обычаи и традиции, играет ключевую роль в понимании праздника. Гостю оказывают больший почёт, чем отцу и домочадцам. Однако его пребывание в доме хозяина ограничено по времени. Угощения и накрытый стол несут характер гостеприимства в паремиях таджикского языка. Праздники и время также оказывают значительное влияние, привнося аспекты своевременных и несвоевременных действий, а также предвестия будущих событий. Компонент «праздники» чаще всего включал саму лексему «ид», а также названия праздников: «навруз», «туй» и приметы, связанные с ними.

Таким образом, анализ паремий обогащает понимание таджикской культуры и ее взаимосвязи с праздником, показывая, что праздник является неотъемлемой частью жизни и культурного наследия таджикского народа.

Ключевые слова: концепт, паремии, пословицы, интерпретационное поле, ассоциативный эксперимент, ключевая лексема, ид, мехмон

Для цитирования: Разыкова М.Б. Паремииологическая репрезентация концепта «праздник» в таджикском языке // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 108-126. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-108-126>

Original article

PAREMIOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «HOLIDAY» IN TAJIK LANGUAGE

Malika B. Razykova

Russia-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan

malika.razykova@gmail.com

Abstract. The article examines with the proverbs and sayings related to the periphery of the concept «holiday/id». The interpretative field of the concept includes components reflecting Tajik perceptions of holiday, various judgments and evaluations by representing the concept in its entirety.

The analysis highlights features reflected in the studied proverbs, that are: hospitality, emphasizing the guest's treatment, his role, and associated customs, playing a crucial role in holiday understanding. The guests are honored more than the father and the household members.

However, their stay is limited. Treats and a set table bear the character of hospitality in Tajik language proverbs. Holidays and time also have a significant influence, bringing aspects of timely and untimely actions, as well as future events predictions. The component «holiday» most often includes the lexeme «id» itself, as well as the names of holidays: «Navruz», «tui/wedding» and related omens.

Thus, the analysis of proverbs enriches understanding of Tajik culture and its correlation with holidays, illustrating holidays' integral role in Tajik life and cultural heritage.

Keywords: concept, paremiology, proverb, interpretive field, associative experiment, key lexeme, id, guest

For citation: Razykova M.B. Paremiological representation of the concept «holiday» in tajik language, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 108-126. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-108-126>

Праздники являются неотъемлемой частью культуры каждого народа, отражая его традиции, обычаи и ценности. Они играют важную роль в формировании и поддержании социальной и культурной идентичности общества. В данной статье мы обратим внимание на паремиологическую репрезентацию концепта «праздник» в таджикском языке.

В настоящее время ведутся многочисленные изыскания в области когнитивной лингвистики аспирантами, соискателями и магистрантами кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ. В рамках докторских, кандидатских и магистерских диссертационных исследований изучаются такие концепты, как «судьба», «пространство», «семья», «женщина», «ум», «ложь», «измена», «еда», «гнев», «праздник» и многие другие на материале разноструктурных языков (таджикского, русского, арабского, китайского, французского, английского, польского) в сопоставительном плане [1, с. 59].

Концепт «праздник» в статье М.В. Пименовой «Типы концептов и этапы концептуального исследования» относится к классу социальных концептов и образует концепт занятий [2, с. 129].

С целью наиболее полно раскрыть структуру концепта будет проведена объективация на основе фразеологических и паремиологических единиц.

Паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, формирует набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, передаёт информацию культурологического и прагматического

содержания и образует паремиологическую картину мира, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный багаж, представляя компактное хранилище знаний и опыта [3, с. 119].

Паремиологическая картина мира является неотъемлемым компонентом языковой картины мира и выступает в качестве специфического носителя кодов культуры, лингвокультурологическое хранилище народного менталитета. Основными способами реконструкции паремиологической картины мира являются словарное и дискурсивное направления, обладающие своими достоинствами и недостатками [4, с. 62].

Концепт *праздник* представляет собой концепт занятия, относящийся к классу социальных концептов. Праздник как социокультурный феномен, объединяет людей в особый период времени для празднования и радости. Этот концепт несет в себе не только символическое значение, но и социальные, религиозные или исторические аспекты, формируя общество и укрепляя его связи. Праздники отражают ценности и традиции общества, а их языковая репрезентация через пословицы и выражения может раскрывать уникальные культурные особенности. Одним из приёмов описания концептов через данные языка является анализ пословиц и поговорок, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, хотя бы самого имени концепта там и не было. Этот прием хорошо показывает народное осмысление того или иного явления [5, с. 14].

Для более глубокого исследования концепта «*праздник*» мы обратились к сбору фактического материала, в который входят устойчивые сочетания с ключевым словом – репрезентантом концепта «*ид*», его синонимами и лексемами, имеющими отношение к данному понятию. На основе ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов ВУЗов Таджикистана, было выявлено, что в таджикском ментальном сознании с концептом «*ид*» / «*праздник*» ассоциируются названия национальных праздников. Ассоциации, связанные с праздниками, показывают, что они являются временем социального взаимодействия, включающего в себя

семейные традиции, принятие гостей, общение с друзьями и знакомыми, угощения, поздравления и танцы.

Сбор и анализ паремиологического поля концепта «*праздник*» проводился путём лексической объективации на основе материалов словарей таджикского языка: «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» М. Фозилова [6], «Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ» А. Писарчика и др. [7], «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик» под редакцией М. Фозилова [8], [9] и «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я.И. Калонтарова [10]. В результате исследования были выявлены следующие основные компоненты, выражающие представления таджиков о празднике:

1. *Гостеприимство*
 - 1.1. *Отношение к гостю*
 - 1.2. *Положение гостя*
 - 1.3. *Характеристика гостя*
 - 1.4. *Дастархан как символ гостеприимства*
 - 1.5. *Обычаи и традиции, связанные с гостеприимством*
2. *Праздники*
 - 2.1. *Праздники и время*
 - 2.1.1. *Несвоевременное действие*
 - 2.1.2. *О грядущем действии*
 - 2.1.3. *Своевременные действия*
 - 2.1.4. *Всеми своё время*
 - 2.1.5. *Время*
3. *Связка с «праздником» в значении «коллективного действия»*
4. *О радостном событии*

Таджики не представляют себе праздников без накрытого дастархана, потому что ждут прихода гостей. Народ, издавна известный своим теплым приемом, выражает свое гостеприимство через богатый лингвистический арсенал. Пословицы и поговорки, связанные с гостеприимством, не только

передают обычаи, но и олицетворяют ценности этой культуры. Одной из характерных черт таджикского гостеприимства является открытость ко всем.

1. Гостеприимство

1) *Омадан бо иродат, рафтан бо иҷозат* [10, с. 235]. – Приход по желанию, а уход по разрешению, т.е. гость приходит по своему желанию, а уходит по разрешению хозяина.

2) *Омадан ба ихтиёри меҳмон, рафтан ба ихтиёри мизбон* [10, с. 235]. – Приход – воля гостя, уход – воля хозяина.

3) *Меҳмон дар дасти соҳиби хона асир (аст)*. – Гость – пленник хозяина [10, с. 235].

Аналогия с русским языком:

В гостях воля хозяйская.

В гостях, что в неволе.

По традиции в гостях у таджиков, гость уходит только после того, как хозяин / старейшина дома прочтёт «дуо» (молитву). Таким образом хозяин даёт понять, что гость может покинуть дом.

4) *Меҳмон дар хона баракат меоварад*. – Гости приносят в дом благодать [10, с. 234].

5) *Меҳмонатро иззат кун, агарчи вай душмани ту бошад*. – Гостя своего принимай с почетом, хоть он и враг тебе.

Аналогия с русским языком:

Рад не рад, а говори: милости просим [10, с. 236]. – У таджиков принято уважать и принимать гостей, даже если они не всегда дружелюбны или симпатичны.

6) *Тоқати меҳмон надоиш, хона ба меҳмон гузоиш*.

вар. *Тоқати меҳмон надоиш, калла ба болини гузоиш* [10, с. 174].

Не мог выносить гостей, оставил дом гостям.

вар. Он не выдержал гостя, положил голову на подушку.

7) *Меҳмон бо дастовез дӯстиро бо худ меорад*. – Вместе с подарком гость приносит дружбу.

Аналогия с русским языком:

Дорог не подарок, дорога любовь [10, с. 235].

Гуфт: эй зан, меҳмон дӯст медорӣ?

Гуфт: «Меҳмон ҳадъяи худост», чаро дӯст надорам?

Сказал: Жена, любишь гостя?

Ответила: А отчего бы и нет? Гость – подарок Божий.

Из произведения «Чомеъ-ут-тамсил» [10, с. 235]

Подарок, принесенный гостем, символизирует дружбу и уважение. Гости часто приносят подарки хозяевам как знак признательности за гостеприимство.

1.1. Отношение к гостю

1) *Аз меҳмони равам-наравам битарс.*

Бойся гостя, собирающегося уходить [10, с. 69]. – *Меҳмон азиз аст то се рӯз.*

Гость дорог до трёх дней.

Аналогия с русским языком:

Мил гость, что недолго гостит [10, с. 235].

2) *Рӯзи аввалу охир некӯ доранд меҳмонро* [10, с. 235].

В первый и последний день к гостю относятся хорошо.

Дар амсоли ачам гӯянд, хисрав ҳам накӯ донанд,

Ки «рӯзи аввалу охир-накӯ доранд меҳмонро».

В персидских поговорках говорят, что царь тоже должен помнить добро – «Что в первый и в последний день хорошо относятся к гостю» [6, с. 582].

Упоминание персидской традиции и царя («хисрав») подчеркивает древние корни уважения к гостям как ключевого элемента культуры.

Асириддини Ахсикатӣ [6, с. 582]

3) *Меҳмон гарчи азиз аст, валекин чу нафас хафа месозад, агар ояду берун наравад.* – Хоть гость и дорогой, но дышать трудно, если он приходит и не уходит [6, с. 279].

I. *Чун корам дар Сабзавор ба зудӣ тамом нашуда зиёда ишкол пайдо кард, аз ин сабаб манзиле иҷора намудам. Баъдҳо дар ҳамон манзили кироя*

будам. «Меҳмон сахт азиз аст, вале – ҳамчу нафас хафа месозад, агар ояду берун наравад» [6, с. 279]. – Моя работа в Сабзаворе закончилась не скоро и было много проблем, из-за этого я снял квартиру. Позже я остался в той же съемной квартире. «Хоть гость и дорогой, но дышится трудно, если он приходит и не уходит». Аз «Тухафи аҳли Бухоро».

II. Холбобо, ки пушт ба дар нишаста буд, аз онҳо беҳабар гуфт: «Меҳмон сахт азиз аст, валекин чу нафас хафақон орад, агар ояду берун наравад» гуфтаанд, додарҷон. Хезед, ки акнун хона ба хона шавем [6, с. 279]. – Холбобо, сидевший спиной к двери, незаметно для них сказал: «Гость очень дорогой, но трудно дышится, если он придет и не будет уходить». Давайте теперь разойдёмся по своим домам. Раҳим Чалил [6, с. 279].

4) *Пеши меҳмон пишакро «пишт» намеғӯянд (ки меҳмон ба худ нагирад)* [10, с. 273]. – При госте и на кошек «брысь» не говорят, чтобы гость не подумал, что это сказано в его адрес.

5) *Дар хонаат меҳмон бошад, гурбаатро «пишт» нағӯй.* – При госте не выгоняй кошку.

В Таджикистане есть приметы, связанные с котом/кошкой о гостеприимстве. Например, если кошка идет вдоль стены дома, опустив голову, и мяукает, в этот дом придет гость [11, с. 138].

6) *Меҳмон ҳадъяи (ҳабиби) Худост.* – Гость – дорогой подарок Бога [6, с. 279].

7) *Меҳмони нохонда ҳадя (ато)-и Худост.* – Незванный гость – дар Божий.

Положение гостя

1) *Агар меҳмонро хурсанд кардан хоҳӣ, бачаашро иззат кун.* – Если хочешь порадовать своего гостя, оказывай почет его ребенку.

Аналогия с русским языком:

Кто гостю рад, тот и собачку его кормит [10, с. 39].

Аввал аз меҳмон, баъд аз одами хона. – На первом месте гость, а потом домочадец.

Когда приходит гость, ему стараются уступить место в передней части дома согласно таджикскому гостеприимству [7, с. 19].

2) *Меҳмон аз падар бузург (азиз) аст.* – Гость – величественнее (дороже) отца.

3) *Меҳмон сазовори хурмати бузург аст, иззату хурмати ўро ба чо овардан шарт аст.* – Приход гостя – это большой почёт, и ему надо оказывать уважение [6, с. 277].

I. *Синни шумоён аз ман калон аст, шумоён ба ҷои бародари бузурги ман мебошед, аз шумоён болотар гузаштани ман айб аст.*

– «*Меҳмон аз падар бузург аст*» гуфтаанд [6, с. 277].

Ты старше меня, ты мне как старший брат, мне грех садиться выше тебя.

– Как говорится: «Гость дороже отца».

Садриддин Айни

II. *Писарам, Роза-апаат меҳмони мо, – мегуфт вай ба ман, – аз қадим мақол аст, ки, «меҳмон аз падар – азиз». Барои ҳамин ҳаргиз як гапи вайро дута нақун!*

Сынок, твоя тётя Роза гость наш, – сказал он мне, – есть старая поговорка, «гость дороже отца». Поэтому ты всегда должен слушать её (тётю Розу). Из произведения «Шарқи сурх» [6, с. 277]

1.2. Характеристика гостя

1) *Сўҳбати меҳмон аз асалу ширинтару аз мўй бориктар* [7, с. 166]. – Разговор гостя слаще мёда и тоньше волоса.

2) *Меҳмони нохонда иззат надорад.* – Незванный гость не имеет уважения.

Аналогия с русским языком:

Званный – гость, а незванный – пёс [10, с. 236].

Незванный гость хуже татарина.

Компонент «*Характеристика гостя*» подчёркивает важность гостеприимства и уважения к гостям в таджикской культуре. Первая пословица указывает на то, что приглашённый гость ценится и приветствуется, и его

разговор с хозяином является приятным и возвышенным, словно сладкий мёд и тонкий как волос. Вторая пословица обращает внимание на то, что незваный гость лишён уважения и признания, что подчёркивает важность приглашения и ожидания настоящих гостей. Аналогии сравнивают званых и незваных гостей с положительными и отрицательными аспектами. Таким образом, эти пословицы призывают к уважению традиций гостеприимства и культурных норм обращения с гостями, что является неотъемлемой частью таджикской культуры.

1.3. Дастархан как символ гостеприимства

1) *Дастурхони кушоода доштан.*

I. меҳмоннавоз будан, II. имконияти меҳмондорӣ доштан.

Раскрытая скатерть (означает: быть гостеприимным, иметь возможность принимать гостей) [8, с. 329].

2) *Зиёфат пои пас ҳам дорад.*

У угощения есть ответ (букв. задние ноги), т.е. если сам был в гостях, то и к себе нужно приглашать в гости.

Аналогия с русским языком:

Любишь гостить, люби и к себе звать [10, с. 209].

3) *Бо меҳмон таом хӯрдан савоби азим* [7, с. 55]. – *Кушать с гостем великое (богоугодное) дело.*

4) *Меҳмон ризқи худро меҳӯрад.* – Гость ест свою долю.

5) *Меҳмон рӯзӣ ба худ меоварад,*

Пас гуноҳи мизбонро мебарад [10, с. 234].

Гость приносит себе пропитание,

После забирает грех хозяина.

б) *Ризқи меҳмон пеш аз худаш меояд.*

Угощение для гостя приходит раньше него самого (дословный перевод пословицы).

Аналогия в русском языке:

Принес бог гостя, дал хозяину пир [10, с. 234].

7) *Меҳмон аз дар дарояд, ризқаш аз дарича.*

Гости в двери, а доля его (угощение его) уж через окошко идёт [10, с. 234].

В таджикском ментальном сознании очень важно понятие «насиб», «тақдир» (судьба, предначертание), и, в связи с этим получается у каждого своя доля. Прибывший гость не обедает хозяина, а угощается долей, предназначенной ему.

8) *Нону намаки касеро хӯрдан (чашидан).* – Попробовать чей-то хлеб с солью.

I. хӯроку зиёфати касеро хурдан: меҳмони касе шудан, II. ба туфайли касе ба воя расидан [8, с. 719].

I. Пробовать чье-то угощение; быть чьим-то гостем II. Благодаря кому-то вырасти (достигнуть чего-либо).

Мо ҳам дар меҳмониҳои тоҷикон кам нону намак нахӯрдаем [8, с. 719].

Мы тоже немало хлеба и соли ели у таджиков. (В значении: Мы тоже достаточно гостили у таджиков) [Из произведения Ф. Ниёзӣ «Вафо», т. 1].

Кӯрнамак туй, ки нону намаки халқро меҳурию боз ба сари вай даст мебардорӣ [8, с. 719]. – Ты не благодарный человек, который ест хлеб-соль народа и поднимает руку на него. Ф. Абдулло и Ш. Қиёмов «Туфон».

– *Амакбой, нону намакатоноро бисъёр хӯрдам, хизмататоноро кам кардам, акнун аз ман розӣ шавед* [8, с. 719]. – Дядя, хотя много ел я вашего хлеба и соли, но мало вам служил, будьте мной довольны. «Афсонаҳои халқи тоҷик».

Ман ҳам ба идораи адлия ба мирзогӣ даромада, нону намаки ҳукумати навро хурда гаштан гирифтам. – Пошёл служить в управление юстиции и начал есть хлеб-соль нового правительства [8, с. 719].

1.5. Обычай и традиции, связанные с гостеприимством

1) *Об гарм кардан меҳмондорӣ, зиёфатча; туйча кардан* [8, с. 743]. – Греть воду (означает: быть гостеприимным, организовать какой-то приём гостей и накрыть стол).

2) *Оби таҳорат додан зиёфат, меҳмондорӣ кардан* [8, с. 752]. – Дать воду для омовения (то же значение).

3) *Ба тӯй равӣ ишкamatро сер карда рав* [7, с. 47]. – Отправляясь на свадьбу, не иди голодным.

4) *Рӯзи ноншиканон*

Маросими махсуси ба якдигар номзадшавии писару духтар.

Аввал ба тӯйи Хурсанда тайёрӣ дид, чизҳои тӯйро тайёр кард, баъд рӯзи ноншиканонро муайян кард [8, с. 917].

Сначала он готовился к свадьбе Хурсанды, готовил все необходимое для свадьбы, затем назначил день помолвки [Из произведения Ч. Икромӣ «Хурсанда» («Шарқи сурх»)].

Рӯзи ноншиканон – «помолвка» – когда родители договариваются о том, чтобы поженить своих детей.

До церемонии преломления хлеба происходит «*Арусӣ*», церемония включает в себя: выбор невесты и предварительную беседу с её семьёй. После получения согласия со стороны невесты и её родителей сваты определяют день «*Фотиҳа*». В этот день в доме невесты собираются гости, в числе которых обязательно присутствуют старейшины махалли (Махалля – в исламских странах часть города размером с квартал, жители которого осуществляют местное самоуправление). Жених торжественно в присутствии многочисленных свидетелей излагает суть своего визита и, получив согласие родителей девушки, проводится обряд «*Рӯзи ноншиканон*» – церемония преломления хлеба. С этого момента молодые люди считаются помолвленными. По традициям: в салфетку для посредника заворачивают две лепешки и сладости, а жениху и его родителям девушка преподносит подарки. Вернувшись в дом жениха, посредники берут поднос и подарки, и начинается демонстрация преподнесённых подарков [11, с. 338].

На основе данных мы выяснили, что наибольшее количество лексем, имеющих связь с праздником, выражались с лексемой «*меҳмон*» и лексемами, имеющими отношение к «*дастархану*» в значении гостеприимства. В

ментальном сознании таджикского народа, в большинстве своём гости являются собой божью благодать и радость, к ним относятся с большим почётом и уважением.

2. Праздники

1) Ба рузи нағз расидан

I. Ба касе насиб шудани хурсандӣ, тую шодӣ. Ба хушу хурсандӣ расидан, ба касе насиб шудани хурсандӣ, тую шодӣ [8, с. 916].

Дождаться счастливого дня – «Ба рузи нағз расидан» – в языковом сознании носителей таджикского языка и культуры выражение означает «чтобы было суждено дожждаться благоприятных дней, праздника, свадьбы».

II. Ман имрӯз ба вай гуфтам: «ба ин хел маъракаҳо ният карда рафтан лозим, ки мо ҳам ба ҳамин хел рӯзҳои нағз расем» [8, с. 916].

Я сказал ему сегодня: «Такие мероприятия нужно желать, чтобы мы тоже дожили до таких хороших дней». Из произведения Р. Чалил «Шӯроб».

2) Дар рӯзи наврӯз бало бисӯз [7, с. 74]. – Пусть сгорят все невзгоды в Навруз.

Эта пословица передаёт пожелание избавления от всех невзгод и бед во время празднования Навруза. Она подчеркивает символическое значение этого праздника как времени нового начала, возрождения и обновления. Навруз воспринимается как время очищения и перерождения, когда прошлые проблемы и трудности остаются позади, а новая жизнь начинается с чистого листа.

1.4. Праздники и время

1.4.1. Несвоевременное действие

1) Баъд аз ид ҳино. – После праздника – хна [10, с. 125].

(Обычно хной окрашивают пальцы перед праздником)

2) Баъд аз тӯй нағора. – Ударили в барабан после свадьбы (праздника) [10, с. 125].

После пожара да за водой – о запоздалой реакции, запоздалом ответном действии.

3) *Пеш аз тӯй назора.* – Прежде чем придёт смертный час – сотворить молитву за упокой [10, с. 273].

4) *Пеш аз туй нақора* [6, с. 518].

см. Пеш аз пода чанг (поднялась пыль до прохождения стада).

Возвещать об окончании свадьбы до свадьбы.

Зӯҳра. «Пеш аз тӯй нақора» гуфтагӣ барин дар боран ман мақола нависанду маро модарам ба рафтан намонад, баъд чӣ мешавад? Шармандагӣ!

Зухра. «Пеш аз тӯй нақора» (Перед свадьбой колокол звонит об окончании свадьбы), напишут про меня статью и мать меня не пустит и будет позор [6, с. 518].

Из «Маориф ва маданият»

Пословица говорит о том, что событие, возможно, и не состоится.

I. *Пеш аз марг вовайло* (ещё не умер, а уже оплакивают),

II. *Пеш аз мурдан ҷаноза* (до смерти проводят похоронные обряды) [6, с. 517].

Агар пеш аз иҷрои коре овозаю таърифи он ва ё пеш аз вуқӯи ходисае сухани он карда шавад, ин зарбулмасалро эрод менамоянд. Муқ. Пеш аз ид нақора. Говорят о событии, которое не совершилось, так, будто оно уже свершилось [6, с. 517].

1.4.2. О грядущем действии

1) *Бузакам намур, ки баҳор мешавад, алаф мехӯрӣ.*

Козлик (козочка), не умирай, наступит весна – будешь кушать траву.

Бузак, бузак, намур, ки баҳор

Меояд, вақти гули хор меояд.

Козочка, козочка, не умирай, наступит пора цветения шиповника.

Гушина, намур, Ки ҷави баҳорак мерасад.

Голодный, не умирай, поспеет яровой ячмень.

Намур, бузакам, баҳор шуд,

сабзаю лолазор шуд,

чӯб ба назора мебарем,

даст ба тағора мебарем [7, с. 129].

Не умирай, моя козочка, весна наступила, возшла трава, расцвели тюльпаны, мы ударим в барабаны и протянем руки к миске.

Аналогия с русским языком:

Будет и на нашей улице праздник [10, с. 142].

2) *Рӯзе дар кӯчаи мо ҳам ид мешавад* [10, с. 212].

Аналогия с русским языком:

Будет и на нашей улице праздник.

3) *Ҳамеша шаъбон, як дафъа ҳам рамазон.*

Потерпи и скоро наступит Рамазан [10, с. 212].

Эти пословицы и аналогии передают надежду на лучшие времена и периоды процветания после времени трудностей и испытаний. Они вдохновляют на ожидание лучшего и подчёркивают важность терпения и выносливости в ожидании благоприятных изменений.

1.4.3. Своевременные действия

1) *Деркардаро ба сари дастурхон насибааш устухон.* – Удел того, кто опаздывает к столу – кости [10, с. 190].

Аналогия с русским языком:

Поздний гость гложет и кость [10, с. 190]. Данный компонент призывает к уважению времени и дисциплине, что является важным аспектом в общении и взаимоотношениях.

1.4.4. Всему своё время

1) *Ид не, ки ту ҳар рӯз кулча хӯрӣ.* – Не всякий день праздник, чтобы есть сдобные лепешки [10, с. 212].

2) *Ҳино дар рӯзи ид мезебад.* – Хну уместно делать в праздник.

3) *Аз наврӯз пеш ҳафт рӯз, сиву ду барфӣ ҳар рӯз* [7, с. 29]. – Пословице предшествует легенда о старухе «Аджуз».

Наврӯз – дабдаба бист рӯз, хӯрдагу гирифтанаиш як шабу як рӯз.

В Бухарской, Самаркандской, Согдийской, Хатлонской областях и других местах зимнюю стужу называют «*Старуха в пещере*». По словам людей, как

только приходит весна, Аджуз уходит в свою пещеру до следующего года. Однако Аджуз недовольна и пытается в последний раз дать о себе знать. Возникновение сильных холодов за семь дней до начала Навруза выражено в пословице «аз Наврӯз пеш ҳафт рӯз, сию ду барфи ҳар рӯз» – «Семь дней до Навруза, каждый день по тридцать два снега» [11, с. 21].

Здесь можно провести точную параллель со стихотворением Ф.И. Тютчева «Зима недаром злится...»:

Взбесилась ведьма злая

И, снегу захватя,

Пустила, убегая,

В прекрасное дитя...

4) *Ҳар рӯз ид нест, ки кулча хӯрӣ.* – Каждый день не праздник, чтобы есть кульчу.

В таджикской культуре слово «кульча» используется как название не только маленькой лепешки, но и пряников.

1.4.5. Время

1) *Баъд аз наврӯз зимистон як рӯз* [7, с. 49].

Наврӯз – барфро занад ҳар рӯз.

Наврӯз – хоҳ шаб гардӣ, хоҳ рӯз.

Наврӯз – чил кунда бисӯз [7, с. 129].

Навруз будь то день или ночь,

Навруз – жги сорок пней (о времени, холоде)

Перед Наврузом часто бьют самые сильные холода, поэтому даже если март наступил расслабляться нельзя, в доме должны быть дрова для обогрева.

2) *Наъти наврӯз, барфҳои ҳар рӯз* [7, с. 131].

Описание Навруза – каждый день идут снега.

2. Связка с «праздником» в значении «коллективного действия»

1) *Мурдан бо ёрон ид аст* [10, с. 231].

Масал аст ин ки «бувад мурдани бо ёрон ид», Кушит гам Вомику Мачнун, ту бидуш низ маро [6, с. 311]!

Умереть с любимыми – праздник. Есть пословица: «Пусть будет смерть с любимыми – праздником», Печаль убила Вомика и Меджнуна, ты тоже меня убей! Камоли Хучандӣ

2) *Марги бо дустон (ёрон) туй аст.* – Смерть с друзьями (любимыми) – праздник.

Ҳар фалокат ва балоеро дар чамъият, дар катори одамони дигар аз сар гузаронидан сахлу осон аст, аз чамъият берун истодан хуб нест.

Проводить вместе с обществом, с другими людьми любое несчастье или беду легко, а стоять вне общества нехорошо.

I. Як бор ин гуна муомиларо рузона карда будам, қариб буд, ки розам пеши падарам ошкор гардад [8, с. 617]. – Однажды днём я вел себя так и чуть было моё желание не раскрылось моему отцу.

– Ин тавр бошад, хуб, – гуфтам ман ночор ва илова кардам:

Если так, хорошо – сказал я вынужденно и добавил.

– «Марги бо дустон туй аст» гуфтаанд. Лекин ба хонаи Қорӣ Ишкамба рафтаи ва руи номубораки ўро дидан аз марг бадтар аст [8, с. 617]. – Говорят, что смерть с друзьями свадьба, но пойти в дом Кори Ишкамба и видеть его неблагородное лицо хуже смерти [Из произведения С. Айнӣ «Марги судхӯр»].

II. Азбаски ҳама ба колхоз медароянд, даромадани ман хам зарур шуда монд. Аз даруни чамоат берун баромада намешавад. Ҳар чанд бад бошад хам, «марги бо ёрон туй аст» гуфтаанд.

Поскольку все вступают в колхоз, моё вступление тоже стало необходимым. Находиться вне общества нельзя. Говорят, как бы плохо не было «смерть с любимыми – свадьба». Из произведения С. Айнӣ «Ғуломон» [8, с. 617].

3. О радостном событии

1) *Тӯй болои туй хурсандӣ болои хурсандӣ* [6, с. 210]. – Свадьба за свадьбой, веселье за весельем.

Охир имруз туй болои туй. Хам чароги электрӣ дармегираду хам ба чуйбори нав об медарояд [6, с. 210]. – Сегодня одно хорошее за другим. И

электрический свет есть, и в новый арык (канал) вода поступает [Р. Чалил «Субҳи сахро» («Шарқи сурх»)].

2) *Туй хазинаи худост* [9, с. 303]. – Свадьба – сокровищница Божья.

В первой пословице лексема «*Туй*» выступает в качестве хорошего события, каким в жизни людей чаще всего бывает «*свадьба*» и призывает наслаждаться моментом и дорожить им как ценным даром судьбы.

В ходе исследования паремиологического фонда таджикского языка с компонентом «*праздник*» было обнаружено, что поле «*праздник*» содержит ограниченное количество пословиц и поговорок с ключевым компонентом «*праздник/ид*». В нашем случае интерпретационное поле было исследовано на основе ассоциативного эксперимента, проведенного в марте 2023 года, в котором приняли участие 100 человек. Были опрошены студенты Российско-Таджикского (Славянского) университета, филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Душанбе и Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана [12, с. 248]. Ассоциации, связанные с праздниками, показали, что они являются временем социального взаимодействия, включающего в себя семейные традиции, гостеприимство, общение с друзьями и знакомыми, угощения, поздравления и танцы. Вследствие этого в данной статье рассматривались и паремии, относящиеся к периферии исследуемого концепта.

В интерпретационном поле были выделены основные компоненты, которые отражают представления таджиков о празднике, разнообразные суждения и оценки, представляющие признаки концепта в полном объеме.

Проведённый анализ позволил выделить признаки концепта, отраженные в исследованных паремиях: 1) гостеприимство, включающее отношение к гостю, его положение, характеристику, а также связанные с ним обычаи и традиции, играет ключевую роль в понимании праздника. Гостю оказывают больший почёт, чем отцу и домочадцам. Однако его времяпрепровождение у хозяина ограничено, т.е. гостеприимство имеет срок; 2) праздники и время не только оказывают значительное влияние, привнося аспекты своевременных и

несвоевременных действий, но и являются предвестиями будущих событий; 3) компонент «*праздники*» чаще всего включал саму лексему «*ид*», а также названия праздников: «*навруз*», «*туй*» и приметы, связанные с ними; 4) дастархан и угощения являются показателем гостеприимства и выражаются в лексемах: «*дастурхони кушода/раскрытая скатерть*», «*зиёфат/угощение*», «*нон/хлеб*», «*намак/соль*», «*ризқ/хлеб насыщенный*», «*рӯзӣ/пропитание*», «*оби гарм/горячая вода*» и др., что концептуально в таджикском ментальном сознании.

Таким образом, анализ паремий обогатит понимание таджикской культуры и ее взаимосвязь с праздником, показав, что праздник является неотъемлемой частью жизни и культурного наследия таджикского народа, раскрывая взгляды, ценности и традиции, передаваемые из поколения в поколение через мудрость народных выражений.

© Разыкова М.Б., 2024

Список источников

1. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). Душанбе: РТСУ, 2023. – № 3 (81). – С. 58-70.
2. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. Кемерово. 2013. – № 2 (54). – С. 127-131.
3. Бредис М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. – 346 с.
4. Антонова Е.Н., Бредис М.А., Владимиров Т.Е. и др. Паремология без границ: Монография / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. Москва: РУДН, 2020. – 244 с.
5. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике: Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Воронеж. ун-т, 2001. – 191 с.
6. Фазылов М. Словарь таджикско-персидских пословиц, поговорок и афоризмов: в 3-х т. Т.2. Душанбе: Ирфон, 1976. – 584 с.
7. Писарчик А. и др. Таджикские пословицы и поговорки на таджикском языке. Душанбе: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1961. – 227 с.
8. Фазылов М. Фразеологический словарь современного таджикского языка: в 2-х т. Т.1. Душанбе.: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1963. – 952 с.
9. Фазылов М. Фразеологический словарь современного таджикского языка: в 2-х т. Т.2. Душанбе: Ирфон, 1964. – 802 с.
10. Калонтаров Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.
11. Амиршоҳӣ Н. Донишномаи фарҳанги мардуми тоҷик: в 3-х т. Т.1. Сармуҳаррир Нурмуҳаммад амиршоҳӣ, Муассисаи давлатии Сарредаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик. Душанбе, 2015.

12. Разыкова М.Б. Ассоциативное поле концепта «ИД» («Праздник») в таджикском языковом сознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). Душанбе: РТСУ, 2023. – № 2 (80). – С. 246-256.

References

1. Iskandarova D.M. Issledovaniya po lingvokul'turologii i kognitivnoi lingvistike v tadjhikskom jazykoznanii [Research on linguacultural studies and cognitive linguistics in Tajik linguistics]. Vestnik Universiteta – University Bulletin, (Russian-Tajik (Slavic) University). Dushanbe: RTSU, 2023. – № 3 (81). – Pp. 58-70.
2. Pimenova M.V. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovaniya [Types of concepts and stages of conceptual research]. Vestnik KemGU – KemSU Bulletin. Kemerovo. 2013. – № 2 (54). – Pp. 127-131.
3. Bredis M.A. Predstavlenija o denezhnyh otnoshenijah v poslovicah (na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov) [Ideas about monetary relations in proverbs (based on the Russian, Latvian, Lithuanian, German and English languages)]: Candidate's thesis. M., 2017. – 346. p.
4. Antonova E.N., Bredis M.A., Vladimirova T.E. et al. Paremiologija bez granic [Paremiology without borders]. M.A. Bredisa, O.V. Lomakinoi. Moscow: RUDN, 2020. – P. 244.
5. Popova Z.D. Oчерки po kognitivnoi lingvistike [Essays on Cognitive Linguistics]. Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh: Voronezh. un-ty, 2001. – 191 p.
6. Fazylov M. Slovar' tadjhiksko-persidskih poslovic, pogovorok i aforizmov: v 3-h t. T. 2. [Dictionary of Tajik-Persian proverbs, sayings and aphorisms: in 3 volumes. V 2.]. Dushanbe: Irfon Publ., 1976. – 584 p.
7. Pisarchik A. et al. Tadjhikskie poslovicy i pogovorki na tadjhikskom jazyke [Tajik proverbs and sayings in Tajik language]. Dushanbe: Nashrieti Davlatii Toch'ikiston Publ., 1961. – 227 p.
8. Fazylov M. Phrazeologicheskij slovar' sovremennogo tadjhikskogo jazyka: v 2-h t. T.1. [Phraseological dictionary of the modern Tajik language: in 2 volumes. V 1.]. Dushanbe: Nashrieti Davlatii Toch'ikiston Publ., 1963. – 952 p.
9. Fazylov M. Phrazeologicheskij slovar' sovremennogo tadjhikskogo jazyka: v 2-h t. T.2. [Phraseological dictionary of the modern Tajik language: in 2 volumes. V 2.]. Dushanbe: Irfon Publ., 1964. – 802 p.
10. Kalontarov Ja.I. Tadjhikskie poslovicy i pogovorki v analogii s russkimi [Tajik proverbs and sayings in analogy with Russian.]. Dushanbe: Irfon Publ., 1965. – 534 p.
11. Amirshokhi N. Donishnomai farh'angi mardumi toch'ik: v 3-h t. T. 1. [Encyclopedia of Tajik people culture: in 3 volumes. V. 1], Main Scientific Editorial Board of the National Tajik Encyclopedia Publ., Dushanbe, 2015.
12. Razykova M.B. Associativnoe pole koncepta «ID» («Prazdnik») v tadjhikskom jazykovom soznanii [The associative field of the concept «ID» («Holiday») in the Tajik linguistic consciousness]. Vestnik Universiteta – University Bulletin, (Russian-Tajik (Slavic) University). Dushanbe: RTSU, 2023. – № 2 (80). – Pp. 246-256.

**Разыкова Малика
Бахтиёровна**

аспирант, Российско-Таджикского (Славянского) университета,
Душанбе, Таджикистан
malika.rzykova@gmail.com

**Razykova Malika
Bakhtiyorovna**

graduate student, Russia-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan
malika.rzykova@gmail.com

Научная статья

811.124'25

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-127-139>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

УРОВНЕВЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ КАК МЕТОД ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Марина Николаевна Романькова¹, Ольга Александровна Краснова², Ольга
Витальевна Черединова³, Лариса Владимировна Токарева⁴

^{1,2,3,4}Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск, Россия

¹ maroman2015@yandex.ru

² Lngvolga@gmail.com

³ ocheredinova@bk.ru

⁴ lvtokareva52@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению существующих уровневых классификаций эквивалентности, в частности, классификации Г. Егера в качестве метода оценки переводных текстов в языковой паре английский – русский. В работе с текстами были применены методы контекстного и корпусного анализа, а также метод синтеза при выявлении сходств между переводами. Тексты /оценивались путём присвоения каждому соответствующего уровня классификации. По результатам оценки с его помощью три текста оказались высшего уровня соответствия оригиналу. Помимо осуществленного отбора текстов, сделаны выводы о составе и иерархии уровней и об успешных перспективах использования классификаций в мероприятиях по письменному переводу.

Ключевые слова: перевод, переводоведение, теория перевода, уровневая классификация, английская поэзия

Для цитирования: Романькова М.Н., Краснова О.А., Черединова О.В., Токарева Л.В. Уровневые классификации переводческого соответствия как метод оценки качества перевода // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 127-139. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-127-139>

Original article

LEVEL CLASSIFICATIONS OF TRANSLATION CONFORMITY AS A METHOD FOR ASSESSING TRANSLATION QUALITY

Marina N. Romankova¹, Olga A. Krasnova², Olga V. Cheredinova³, Larisa V. Tokareva⁴

^{1, 2, 3, 4} Novosibirsk state medical university, Novosibirsk, Russia

¹ maroman2015@yandex.ru

² Lngvolga@gmail.com

³ ocheredinova@bk.ru

⁴ lvtokareva52@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the consideration of existing level classifications of equivalence, in particular, the classification of G. Jaeger as a method for assessing translated texts in the English-Russian language pair. When working with texts, methods of contextual and corpus analysis were used, as well as a synthesis method to identify similarities between translations. The texts were assessed by assigning each one an appropriate classification level. According to the results of the assessment with its help, three texts turned out to be of the highest level of

compliance with the original. In addition to the selection of texts carried out, conclusions were drawn about the composition and hierarchy of levels and about the successful prospects for using classifications in translation activities.

Keywords: translation, translation studies, translation theory, level classification, English poetry

For citation: Romankova M.N., Krasnova O.A., Cheredinova O.V., Tokareva L.V. Level classifications of translation conformity as a method for assessing translation quality, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 127-139. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-127-139>

В данном исследовании освещены особенности использования некоторых средств и методик прикладного переводоведения при проведении мероприятий и конкурсов на художественный перевод.

Актуальность этого вопроса обусловлена двумя факторами. Во-первых, в целом, мероприятия по переводу, проводимые в высших учебных заведениях, немаловажны в процессе обучения иностранному языку. Несмотря на утверждение, что студенты «реализуют себя в полной мере во время основной учебной деятельности» [1, с. 37], дополнительные навыки также следует осваивать. Они позволяют не только углубить знание языка, но и проявить себя преуспевающим студентам – продемонстрировать и улучшить навыки перевода, познакомиться с культурными, историческими явлениями, упомянутыми в текстах. Во-вторых, оценка качества перевода не лишена некоторой субъективности. По этой причине организаторы подобных конкурсов стремятся, например, к увеличению количества членов жюри, чтобы экспертное мнение было множественным и таким образом более объективным. Другим способом является составление собственной системы оценки, которая нередко представляет собой набор некоторых критериев (обычно – структура, смысл, точность лексических значений и т. д.). Однако стоит отметить, что существуют и иные способы оценки, в частности, уровневые классификации соответствия оригинального и переводного текста, речь о них и пойдет в данной статье. Рассмотрение и апробация таких классификаций в качестве метода определения качества перевода и является целью нашего исследования.

В ходе работы мы руководствовались следующими задачами:

- Сформировать конкурсное задание – перевести стихотворение с английского языка на русский – и таким образом собрать материал.
- Применить в качестве способа оценки выполненных обучающимися переводов существующие уровневые классификации соответствия.
- Сделать вывод о целесообразности применения уровневых классификаций в рамках мероприятий по художественному переводу.

Материал представлен:

- оригинальным текстом – стихотворение “Song” Джорджа Дарли (1795-1846 гг.) на английском языке;
- 10 стихотворений – переводных текстов, выполненных студентами Новосибирского государственного медицинского университета в рамках внутривузовского конкурса поэтического перевода. Обучающиеся являются студентами 1-2 курсов разных факультетов. Согласно первичному отбору, все 10 текстов единогласно приняты жюри как конкурентоспособные в рамках конкурсных соревнований. Переводы можно изучить, перейдя по QR-коду:

При работе с текстами мы преимущественно используем метод анализа, в частности, контекстного (при работе с каждым текстом) и корпусного (при работе с массивом текстов).

Как известно, между любым текстом и относящимся к нему переводом существует очевидное сходство. Однако, говоря о переводе как о проекции оригинального текста, мы помним о правиле «впечатления», сформулированном у разных теоретиков перевода. Оно заключается в том, что у носителя исходного языка, читающего оригинал, и у носителя переводящего языка, читающего перевод, должна совпадать реакция на текст. Ю. Найда

определил это явление как динамическую эквивалентность текстов [2, с. 172]. Эквивалентность перевода – это мера соответствия оригинального текста переводному. Изначально эквивалентность понимали как сходство в целом, во всех аспектах и с точки зрения всех функций текста.

Тем не менее, развитие прагматических концепций в лингвистике предопределило соответствующий вектор развития и в переводоведении, и в 80-е годы XX века наряду с эквивалентностью немецкие теоретики перевода ввели термин «адекватность перевода», который обозначал отображённую в переводе прагматику текста. Этот термин используется в научной литературе в данном значении и в наши дни. Понятие эквивалентности стоит с ним в одном ряду, и отличаются они, как отмечал Г.Д. Воскобойник, своей направленностью на текст. Если адекватность, как мы упоминали выше, направлена на прагматические свойства текста и демонстрирует принципы постструктурализма, то эквивалентность отражает и оценивает формальное сходство между оригиналом и переводом, выраженное лингвистическими средствами, а значит, применяется в рамках структурализма [3]. Для уточнения Г.Д. Воскобойник приводит ещё такое сравнение: эквивалентность изучает текст как систему, а адекватность – как живой организм [4], подразумевая, что адекватность более уместное понятие, если мы говорим о правиле «впечатления». Т.А. Егорова различает эти понятия как общее и частное, утверждая, что адекватность это «хороший», эквивалентный перевод [5, с. 82].

На наш взгляд, два этих понятия можно считать двуединством, поскольку для достижения точности перевода они оба важны и обязательны. Существующие уровневые концепции переводческого соответствия подтверждают нашу точку зрения. В исследованиях такие концепции называются уровневыми классификациями или системами эквивалентности (без упоминания адекватности). Однако ввиду того, что понятие адекватности появилось несколько позднее, а понятие эквивалентности включало соответствие в целом, это отобразилось в названии вышеотмеченных классификаций. Рассмотрев существующие классификации «эквивалентности»,

мы обнаружили, что прагматический компонент в них также присутствует, поэтому термин «соответствие» кажется нам подходящей заменой для того, чтобы выразить присутствие в этих классификациях и прагматического уровня.

Сравним две классификации. Одна из них принадлежит авторству В.Г. Гака и описывает три уровня:

- формальная эквивалентность (значения выражаются синонимичными или по возможности тождественными формами);
- смысловая эквивалентность (когда одно значение может быть выражено по-разному);
- ситуационная эквивалентность (разные значения и разные способы их выражения) [6, с. 10].

В.Г. Гак считает, что прагматический уровень подразумевается достигнутым, иначе такой текст нельзя будет считать переводом.

Другая классификация – Г. Егера – содержит четыре уровня и включает прагматический компонент в качестве первого уровня соответствия между оригинальным и переводным текстами:

- прагматический (цель коммуникации);
- семантический-сигнификативный (способ описания ситуации)
- семантический-денотативный (сама ситуация цельно)
- синтаксический (как расположить элементы, т. е. структурное соответствие) [7].

Достижение формального соответствия считается наиболее трудоёмким процессом и обеспечивает лучшее соблюдение правила «впечатления», поэтому во многих уровневых классификациях это последний, то есть высший уровень соответствия, что очевидно и из двух вышеприведённых классификаций.

Стоит отметить, что, хотя классификации, на первый взгляд, исследуют текст полноценно, на самом деле это не так, поскольку текст также обладает определённой стилистикой, которую можно сохранить или видоизменить. Стилиевой компонент в классификациях не учитывается. Обратимся к более

полной классификации соответствия Г. Егера для анализа конкурсных работ, поданных обучающимися. В первую очередь приведём текст стихотворения Джорджа Дарли “Song” и его дословный непоэтический перевод, выполненный нами для понимания, какую семантику и смысловое сходство искать в переводах студентов.

Hear! Hear!
How the vale-bells tinkle all around
As the sweet wind shakes them – hear!
What a wild and sylvan sound!

Услышь! Услышь!
Как колокольчики в долине звенят повсюду,
Когда их колышет ласковый ветерок –
услышь!
Какой дикий, лесной звук!

Hear! Hear!
How the soft waves talk beneath the bank!
And rush sighs to willow – hear!
The reed to the osier dank.

Услышь! Услышь!
Как тихо плещутся волны у берега!
И как вздыхает ручей у ивы – услышь!
От тростника к ивняку промозглому.

Hear! Hear!
How the blue fly bizzes in the air
With his voice in his tiny wings – hear!
He sings at his flowery fare!

Услышь! Услышь!
Как синяя муха жужжит в воздухе
С ее голосом в ее крошечных крылышках –
услышь!
Она поет за своим цветочным столом!

Hear! Hear!
How the wood-bird murmurs in the dark,
And the distant cuckoo chimes – hear!
From the sub-cloud cloud trills the lark.

Услышь! Услышь!
Как щебечет в темноте лесная птица,
И кукует кукушка вдалеке – услышь!
Из-за облаков доносятся трели жаворонка.

Данный перевод, как и любой подстрочный, согласно классификации Г. Егера, соответствует четвертому, синтаксическому, уровню эквивалентности. Однако стоит учитывать, что для поэтического перевода, помимо синтаксической структуры, важен такой параметр, как рифма. Если переводчику удастся сделать семантически перевод как подстрочный, но при этом ещё и соблюдается рифма, то это также считается высшим уровнем классификации. Все десять текстов для удобства имеют обозначение прописными буквами латинского алфавита – от А до J. Все тексты были сделаны приблизительно в один период в рамках конкурсного задания, поэтому хронологические изменения в данном случае не имеют существенного значения.

Для удобства отслеживания точности перевода и понимания степени соответствия оригинала и переводов текст делится на так называемые единицы перевода. Это слова, фразы или выражения, представляющие собой понятие, которое мы выделяем в оригинальном тексте и передаём либо не передаём в переводе. Понимание лексических точек опоры в тексте необходимо для семантического-сигнификативного уровня, в рамках которого важно, какими средствами передаётся смысл.

К единицам перевода в данном тексте можно отнести: 1) hear! – ‘услышь’; 2) vale-bells – ‘колокольчики долины’; 3) tinkle – ‘звенят’; 4) wind – ‘ветерок’; 5) shakes – ‘колышет, трясет’; 6) wild, sylvan sound – ‘дикий, лесной звук’; 7) soft waves – ‘тихие, спокойные волны’; 8) rush – ‘ручей’; 9) sighs – ‘вздыхает’; 10) willow – ‘ива’; 11) reed – ‘тростник’; 12) osier dank – ‘сырая ива, промозглая ива’; 13) blue fly – ‘синяя муха’; 14) bizzes – ‘жужжит’; 15) voice – ‘голос, звук’; 16) tiny wings – ‘маленькие крылышки’; 17) flowery fare – ‘цветочная трапеза’; 18) wood-bird – ‘лесная птица’; 19) murmurs – ‘щебечет’; 20) cuckoo – ‘кукушка’; 21) chimes – ‘кукует’; 22) lark – ‘жаворонок’; 23) trills – ‘заливается’. Все единицы перевода приведены с дословной передачей на русский язык и представляют собой сочетание глагола с относящимся к нему дополнением или несколькими. Упоминание всех перечисленных единиц перевода, так как это смысловая канва текста, мы оцениваем как достижение третьего уровня классификации Г. Егера, семантического-денотативного, таким образом ситуация передается на другом языке более полно.

Ниже проанализированы все тексты на предмет соответствия каждому уровню. Первый уровень, т. е. уровень цели коммуникации, присвоен каждому тексту по умолчанию, поскольку переводы создавали в рамках конкурсного задания и выполнить качественный и соотносимый с оригиналом перевод было целью каждого участника, потому возьмем за основу тот факт, что цель соблюдена. Рассмотрим тексты в рамках трёх других уровней.

Текст А соответствует **четвертому** уровню эквивалентности с некоторыми погрешностями в присвоении уровня, так как присутствуют не все

единицы перевода, особенно в последних строфах, например, отсутствует перевод словосочетания *flowery fare* 'цветочная трапеза'. Отсюда семантический-денотативный уровень может быть достигнут не на сто процентов, но общий смысл ситуации передан. Синтаксическая структура с незначительными изменениями совпадает, автор перевода даже приближается к тому, чтобы использовать рифму. Для непрофессионального переводчика (конкурс проводился среди студентов-медиков, изучающих английский язык) это достойный результат.

Текст В соответствует **второму** (семантическому-сигнификативному) уровню классификации Г. Егера, поскольку совпадают только средства выражения понятий и их русская грамматическая форма по возможности соответствует английской. Однако не отражены единицы перевода 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 22, 23. Это почти половина единиц, составляющих денотат и лирическую ситуацию, их отсутствие в таком количестве значимо. Однако стоит отметить, что автор предоставил текст с рифмой и размером, таким образом эстетическая функция текста реализована, и это большой плюс в рамках общей оценки, несмотря на то что классификация соответствия не предусматривает такой критерий.

Тексту С присвоен **третий** уровень соответствия, однако выявлена особенность, которая не уточнена в описании классификации: добавленные элементы. Если сравнить этот перевод с нашим подстрочным, то очевидны авторские вставки: «вальс прекрасен и так сладок уху», «шепот робкий и счастливый» и т. д., которых в оригинале не было. С эстетической и стилистической точки зрения это обогащает текст дополнительными смыслами и украшает его, однако точность перевода, а вместе с ней и качество перевода снижаются. Оригинальный «колокольчик» заменён на «колокол». Так, ситуация в целом передана, хотя и несколько дополнена. Синтаксическое межъязыковое соответствие, как, например, в тексте А, не прослеживается, хотя рифма и присутствует.

В тексте D отсутствует несколько единиц перевода: 1, 5, 16, 17, 20, 21, 22, 23, что, подобно случаю в тексте В, соответствует **второму** уровню из четырёх, так как ситуация передается не целиком. Что касается синтаксической точности, в тексте D присутствует рифма, однако нет повтора первой строки с призывом «услышать» и в последующих строках возможно достижение большей точности.

Текст E можно считать точным в соответствии со **вторым** уровнем классификации Г. Егера, поскольку используемые переводчиком средства соотносимы с лексемами оригинала, однако нет 4, 5, 8 (заменено на «речку»), 9, 17, 22 (заменено на иволгу). Выявлены добавленные фрагменты, которые, как уже было указано относительно текста С, снижают качество перевода. Синтаксическая точность в целом соблюдается, и даже присутствует рифма, однако без достижения денотативного соответствия точность этого параметра не может способствовать достижению текстом четвертого уровня, поскольку уровневая классификация Г. Егера ориентирована прежде всего на прагматику и семантику.

В тексте F отсутствуют единицы перевода 8, 9, 17, 22, 23. Первая строка видоизменена: к глаголу «слышать» («слушать») добавляется прямое дополнение «природу», которое обобщает все нижесказанное в тексте. Анафора в каждой второй строке четверостишия (начало со слова «Как...») также не соблюдена. Синтаксические различия и относительно небольшое количество упущенных единиц перевода, а также попытка облечь текст в рифму позволяют нам оценить текст как достигший **третьего** уровня классификации Г. Егера.

Текст G по степени отклонения от оригинала подобен предыдущему. Формально, на синтаксическом уровне, отличается первая строка – в ней уже три разных глагола повелительного наклонения, то есть добавляются смыслы, которых не было в стихотворении Джорджа Дарли. Причём в последней строфе композиция разрушается – трехглагольное начало отсутствует. Отсутствуют единицы 5, 14, 15, 17, 20, 21, 22, 23. В обоих текстах не до конца

переданы образы, например, дословные «колокольчики в долине» указаны как просто колокольчики, а у «мухи» в этих текстах не указано, что она синяя. Тем не менее, данный текст упускает больше важных деталей, чем предыдущий; в некоторых случаях наблюдается стремление автора заменить некоторые реалии: например, кукушка и жаворонок из последней строфы оригинала объединены в образе стрекозы. Таким образом, данному тексту присвоен **второй**, семантический-сигнификативный уровень классификации Г. Егера.

В тексте Н немало сходств с оригиналом и несколько меньше различий, однако, с эстетической и стилистической точек зрения он получил высокие оценки жюри. Из 23 единиц перевода отсутствует 8. Структурно ситуация напоминает текст G: по расположению строф, отсутствию значимых компонентов. Текст был отнесён ко **второму** уровню соответствия.

Текст I практически в точности воспроизводит лирическую ситуацию оригинала. Перевод единицы 17 отсутствует, а жаворонок (22) заменён на скворца. Со структурной точки зрения текст неточен: начальный глагол, составляющий в оригинале самостоятельную строку, в этом переводе сопровождается образами в той же строке, анафора второй строки не соблюдена. Несмотря на это, структура схожа, и переводчик даже обращается к рифме. Жюри присвоило тексту высший, **четвертый** уровень по классификации соответствия.

В тексте J отсутствуют единицы перевода 6, 12, 14. Заменена лесная птица (18) на дятла и жаворонок (22) на птицу утра, что сопоставимо. Синтаксически текст построен точно: единственное грамматическое замечание – к глаголу. «Пускай услышат» – форма повелительного наклонения, и не ясно, к кому она относится, кто должен слышать, то есть у стихотворения теряется адресат. В целом это не влияет на впечатление от текста, все присутствующие реалии переданы точно, присутствует рифма. Текст заслуживает присвоения **четвертого** уровня классификации Г. Егера.

Обобщим полученные результаты:

4-й уровень: тексты А, I, J.

3-й уровень: тексты С, F.

2-й уровень: тексты В, D, E, G, H.

Дальнейший анализ не связан с классификацией, которая направлена на то, чтобы осуществить отбор и отсеять недостаточно подходящие тексты с точки зрения качества перевода. В результате работы с классификацией Г. Егера нами было выявлено три текста в качестве лучших. Далее жюри изучает эти тексты на предмет стилистического и эстетического восприятия при чтении как читателем-любителем, так и специалистом, знающим язык.

Подводя итог, отметим, во-первых, существенную значимость использования классификаций соответствия, применяемых при оценке работ для конкурсов перевода и мероприятий подобного типа, поскольку, в классификации Г. Егера, у проверяющего есть набор параметров для оценки, чтобы по возможности исключить субъективность.

Во-вторых, для существующих классификаций требуется уточнить некоторые вопросы, в частности, о применимости их к поэтическим текстам, так как их структура упорядоченная, и ограничиться просто оценкой совпадения синтаксиса недостаточно. Так, текст может быть соответствующим на синтаксическом уровне, но иметь лакуны по смыслу.

В-третьих, стоит указать на системный недочёт самой классификации. Применяя её к текстам, мы пришли к выводу, что было бы удобнее поменять местами второй и третий уровни, так как концептуально соблюдение денотата более просто осуществить, нежели передать корректным способом лексическую семантику, то есть соблюсти сигнификативный уровень. Внимание к этому вопросу мы можем видеть в трудах В. Н. Комиссарова [8, с. 51].

© Романькова М.Н., Краснова О.А., Черединова О.В., Токарева Л.В., 2024

Список источников

1. Извекова Т.Ф. Академическая успешность студента как основа ментального благополучия в поликультурной среде университета / Т.Ф. Извекова, Е.С. Шестакова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2024. № 7. – С. 37-42.

2. Найда Ю.А., де Ваард Я. На новых языках заговорят (Функциональная эквивалентность в библейских переводах). / Пер. Е.Л. Алексеевой и Е.Д. Савенковой. – СПб., 1998. – 272 с.
3. Воскобойник Г.Д. Когнитивный диссонанс и теория перевода / Г.Д. Воскобойник // Вестник ИГЛУ. Вопросы теории и практики перевода. Серия Лингвистика. – № 6. – 2001. – № 3. – С. 23-29.
4. Воскобойник Г.Д. Когнитивный диссонанс как проблема теории и практики перевода: основные концептуальные положения (авторский проект): Брошюра. / Г.Д. Воскобойник – Иркутск: Изд-во ИГЛУ; Красноярск: Изд-во Сиб. Гос. Аэрокосм. Ун-та. – 2002. – 31 с.
5. Егорова Т.А. Проблема определения адекватности и эквивалентности перевода / Вестник науки и образования. 2018. – №18-1 (54). – С. 79-82.
6. Гак В.Г. Теория и практика перевода: Французский язык. / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев/ СПб.: Интердиалект+. – 2000. – 456 с.
7. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Сб. статей. / Под ред. В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения. – 1978. – С. 137-156.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

References

1. Izvekova T.F. Akademicheskaja uspešnost studenta kak osnova mentalnogo blagopoluchija v polikulturnoi srede universiteta [Academic success of a student as a basis for mental well-being in a multicultural university environment] / T.F. Izvekova, E.S. Shestakova // Obščestvo: sotsiologija, psikhologija, pedagogika. [Society: sociology, psychology, pedagogy.] – 2024. № 7. – Pp. 37-42.
2. Naida Ju.A., de Vaard Ja. Na novyx jazykax zagovoriat (Funktsionalnaja ekvivalentnost v bibleiskix perevodax). [New Tongues Will Be Spoken (Functional Equivalence in Biblical Translations)] / Per. E.L. Alekseevoi i E. D. Savenkovi. – SPb., 1998. – 272 p.
3. Voskoboinik G.D. Kognitivnyi dissonans i teoriia perevoda [Cognitive dissonance and translation theory] / G.D. Voskoboinik // Vestnik IGLU. Voprosy teorii i praktiki perevoda. Serija Lingvistika. [Bulletin of ISLU. Theory and practice of translation. Linguistics series.] – № 6. – 2001. – № 3. – Pp. 23-29.
4. Voskoboinik G.D. Kognitivnyi dissonans kak problema teorii i praktiki perevoda: osnovnye kontseptualnye položenija (avtorskii proekt) [Cognitive dissonance as a problem of translation theory and practice: basic conceptual provisions (author's project)]: Brošiura. / Voskoboinik G. D. – Irkutsk: Izd-vo IGLU; Krasnoiar'sk: Izd-vo Sib. Gos. Aerokosm. Un-ta. – 2002. – 31 p.
5. Egorova T.A. Problema opredelenija adekvatnosti i ekvivalentnosti perevoda // Vestnik nauki i obrazovanija. 2018. – №18-1 (54). – Pp. 79-82.
6. Gak V.G. Teoriia i praktika perevoda: Frantsuzskii jazyk. [[Translation Theory and Practice: French]] / V.G. Gak, B.B. Grigorev // SPb.: Interdiialekt+. – 2000. – 456 p.
7. Eger G. Kommunikativnaja i funktsionalnaja ekvivalentnost [Communicative and functional equivalence] / G. Eger // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike. [Issues of translation theory in foreign linguistics.] Sb. statei. / Pod red. V.N. Komissarova. M.: Mezhdunar. otnoshenija. – 1978. – Pp. 137-156.
8. Komissarov V.N. Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 p.

**Романькова Марина
Николаевна**

преподаватель, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск
maroman2015@yandex.ru

Romankova Marina Nikolaevna	lecturer, Novosibirsk state medical university, Novosibirsk maroman2015@yandex.ru
Краснова Ольга Александровна	преподаватель, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск Lngvolga@gmail.com
Krasnova Olga Anatolievna	lecturer, Novosibirsk state medical university, Novosibirsk Lngvolga@gmail.com
Черединова Ольга Витальевна	преподаватель, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск ocheredinova@bk.ru
Cheredinova Olga Vitalievna	lecturer, Novosibirsk state medical university, Novosibirsk ocheredinova@bk.ru
Токарева Лариса Владимировна	преподаватель, Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск lvtokareva52@mail.ru
Tokareva Larisa Vladimirovna	lecturer, Novosibirsk state medical university, Novosibirsk lvtokareva52@mail.ru

Научная статья

УДК 378.1

5.8.7. «Методология и технология

https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-140-148 профессионального образования»

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В АСТРАХАНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Елена Юрьевна Гагарина¹, Юлия Анатольевна Сторожева², Татьяна Юрьевна
Смолякова³

^{1,2}Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

³Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, г. Астрахань, Россия

¹gagarinae@yandex.ru

Аннотация. Практико-ориентированная модель образования рассматривается в статье как один из вариантов гибких образовательных систем эффективных в условиях быстро растущих темпов модернизации большинства отраслей экономики. Авторы обобщают и критически анализируют опыт реализации обозначенной модели образования в ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, последовательно рассматривая все структурные элементы ее составляющие. В работе исследуется и обосновывается результативность пересмотра в практико-ориентированном ключе традиционного подхода к обучению. Затрагиваются вопросы тех изменений, которые претерпевает образовательная среда университета в новой модели образования, и перспективы развития данной модели.

Ключевые слова: практико-ориентированное образование, симуляционное обучение, компетенция, высшее медицинское образование

Для цитирования: Гагарина Е.Ю., Сторожева Ю.А., Смолякова Т.Ю. Реализация практико-ориентированной модели образования в астраханском государственном медицинском университете // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 140-148. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-140-148>

Original article

IMPLEMENTATION OF PRACTICE-ORIENTED EDUCATION MODEL AT ASTRAKHAN STATE MEDICAL UNIVERSITY

Elena Yu. Gagarina¹, Yulia A. Storozheva², Tatiana Yu. Smolyakova³

^{1,2}Astrakhan state medical university, Astrakhan

³Astrakhan state university named after V.N. Tatishchev, Astrakhan

¹gagarinae@yandex.ru

Abstract. The practice-oriented model of education is considered in the article as one of the options for flexible educational systems focused on the rapidly growing pace of modernization of most sectors of the economy. The authors summarize and critically analyze the experience of implementing the practice-oriented model of education at Federal State Budgetary

Educational Institution of Higher Education Astrakhan state medical university of the Ministry of Health of the Russian Federation, consistently considering all the structural elements of practice-oriented education. The article examines and substantiates the effectiveness of revising the traditional approach to education in a practice-oriented way. The issues of those changes that the educational environment of the university undergoes in the practice-oriented model of education and the prospects for the development of this model are touched upon.

Keywords: practice-oriented education, simulation training, competencies, higher medical education

For citation: Gagarina E.Yu., Storozheva Yu.A., Smolyakova T.Yu. Implementation of practice-oriented education model at Astrakhan state medical university, *Linguistics & education*, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 140-148. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-140-148>

Global development trends in the modern world create conditions in which universities inevitably face problems of competitiveness. Graduate employment rates in the current economic realities are constantly declining, the competencies developed by universities do not meet the needs of employers, and universities are “late” in training specialists for the changing economic landscape. In these circumstances, the main strategic goal of universities is to form flexible educational systems oriented towards the rapidly growing pace of modernization of most sectors of the economy.

Unlike traditional education focused on the acquisition of knowledge, practice-oriented education is aimed at acquiring, in addition to knowledge, skills, abilities and practical experience. The introduction of the variable "experience of activity" into the educational model simultaneously solves two fundamental problems of training: it strengthens the acquired knowledge through the connection with the future profession of the student and additionally motivates him to study. In such a system, theoretical knowledge is mastered not separately and in advance, but in parallel with practical knowledge, in application to future professional competencies. The practice of training a specialist is implemented on the basis of mastering specific professional actions (diagnostics, treatment, prevention, rehabilitation) and conceptual knowledge and skills (professional thinking, communication methods, manual clinical skills). At the same time, conceptual knowledge becomes the provision, condition and guarantee of the accurate performance of practical actions.

[1]

In the practice-oriented model of education, not only the approach to training is revised, but also the content of all elements of educational programs changes. Regardless of the profile of the disciplines, they must use professionally oriented teaching technologies and methods for modeling fragments of future professional activity. Approaches to the organization of educational, industrial and pre-graduation practices are also changing: the professional experience of students is formed as a result of their immersion in a professional environment.

Currently, in accordance with the principles of the practice-oriented model of education, a single complex of professionally oriented disciplines has been formed at Astrakhan State Medical University. The curriculum is built as a "tree of possibilities", within which students form individual educational trajectories. 1st and 2nd years are aimed at training in fundamental disciplines with a large volume of theoretical knowledge, compulsory special general disciplines prevail in 3rd and 4th years, and highly specialized disciplines, the study of which makes it possible to decide on the choice of specialized residency, prevail in 5th and 6th years. All courses have an extended variable part aimed at forming flexible competencies. [2]

In the practice-oriented model, the curriculum is more responsive to changes caused by changing conditions of the labor market and demands of the economy, and (or) demands of the healthcare system. Due to the special epidemiological situation in the region, the curricula of Astrakhan State Medical University are reinforced with courses on "Phthisiology", "Infectious Diseases", "Tropical Diseases", "Medicinal and Poisonous Plants of Astrakhan Region", etc. In addition, the block of optional disciplines is constantly revised, it allows responding to the current needs of the healthcare system not only when forming a new educational program, but also during the current academic year. For example, the curricula of Astrakhan State Medical University contain the following optional disciplines: "Fundamentals of Ultrasound Diagnostics" and "Laboratory Screening", "Organization of Medical Care for New Coronavirus Infection", "Medical Information Systems" and "Artificial Intelligence Systems".

Traditional teaching technologies have been strengthened from the standpoint of a practice-oriented approach: testing of practical skills during midterm assessment; demonstration and supervision of patients; olympiads in clinical and fundamental disciplines, in practical skills. In the final years, training and practical training take place at the clinical bases of the university, including 19 leading healthcare organizations in Astrakhan and the Astrakhan region.

The best achievements of student training "at the patient's bedside", "at the patient's chair" under the guidance of a practicing specialist are preserved. At the same time, the experience and professional competencies of the teaching staff become key in the implementation of practice-oriented training. The teaching staff of the university includes 14 chief freelance specialists of the Ministry of Health of the Astrakhan Region, most of the university employees provide specialized medical care at the clinical bases of the departments; introduce modern methods of prevention, diagnosis and treatment into healthcare practice, including those developed at the university. [3]

The university has created its own unique system of simulation training. New educational technologies (elements of gamification and mnemonics, cases, "standardized patient") and training tools (interactive panels, the Pirogov anatomical complex, plastinates, etc.) are being introduced into the educational process. At Astrakhan State Medical University, all professionally oriented disciplines include elements of simulation training. Students who have mastered practical skills using phantoms, mannequins, and simulators move on to real interventions much faster and more confidently, and their subsequent real results become more professional. [4]

Simulation training is implemented at the Federal Accreditation Center. The center is equipped with multifunctional robot simulators and virtual simulators for examining various systems and functions of the body, allowing for training in endoscopic interventions and interventions under ultrasound control. The Federal Accreditation Center solves a number of important tasks in the educational process of the university: the possibility of realistic training of students without risks for patients; the possibility of objective assessment of students' practical skills; training

in teamwork and stress reduction before extreme situations with emergency care; increasing the level of students' motivation for the learning process.

The method of immersion in practical activities allows students to improve their professional competencies and monitor innovative technologies and treatment methods in the process of mastering higher education. In response to the needs of practical healthcare, in 2023, the university organized an independent "Simulation Clinic". Training in the "Simulation Clinic" is carried out with the maximum approximation of the process of mastering professional competencies to real clinical practice, building individual educational tracks and training in multidisciplinary teams. A special feature of the "Simulation Clinic" is the presence of original designs of clinical blocks, including "working rooms" of a therapist, pediatrician, gynecologist, an operating room, a delivery room, a robotic surgery block and a tactical medicine block. The "Simulation Clinic" is the foundation of continuous medical education at the university. The realism of the learning environment and the ability to repeat actions multiple times on high-tech simulators and interactive training devices contribute to the development of clinical thinking and allow both first-year students to master practical skills and practicing physicians to hone their professional skills.

One of the structural elements of the practice-oriented model is the transformation of the system of organizing students' practices. Monitoring the employment of graduates shows that when selecting specialists, employers are interested in personnel who already have, in addition to specialized education, work experience. Therefore, today young specialists experience difficulties in the labor market competition and in adapting to the conditions of activity. The main problem of low professional competence of graduates and their lack of competitiveness is the lack of practice in solving problems in the field of future professional activity. In this situation, changing the system of industrial practice taking into account the practice-oriented approach becomes an effective solution. Passing industrial practice in conditions close to the conditions of further employment or at the place of future

employment shortens the adaptation period of a young specialist, and also forms in advance the skills and abilities necessary for further work. [5]

The reorganization of practical training should also be oriented towards the needs of regional healthcare and the labor market. Determination of the places of practical training depends on the opportunities for mastering professionally significant competencies and how close the practical training conditions are to the conditions of subsequent employment. At the university, practical training is provided already in the 1st year of study; after the 3rd year, students can be admitted to medical activities in the positions of specialists with secondary medical education (nurse/brother) after passing the exam. Considering the urgent need of regional healthcare for primary care physicians in rural areas and district hospitals, the Astrakhan State Medical University distributes students for practical training accordingly, especially those who have received contracts for targeted training from the Ministry of Health of the Astrakhan Region. The priority is the training of a universal specialist for rural and central district hospitals. And, consequently, the number of students undergoing practical training in regional medical institutions is increasing.

An important aspect of improving the system of practices is the development of practical training for foreign students of the university. Countries ordering training, as a rule, impose the highest requirements for the practical training of students. Foreign students are completely immersed in the profession from the first months of training. They undergo practical training in the best medical and dental hospitals and pharmacies of the city of Astrakhan and the Astrakhan region, as well as at the Federal Accreditation Center. Students have the opportunity to receive an education with full immersion in clinical medical practice. Theoretical knowledge is consolidated by practical experience, regular work in modern clinics with which the university cooperates. For example, the university departments of Cardiology and Cardiovascular Surgery work on the basis of the Federal Center for Cardiovascular Surgery, which is one of the best in Europe. Training at the center provides excellent

experience and skills in treating adults and children, introduces current experience in performing operations on a stopped heart and other modern techniques. [5,6]

When implementing a practice-oriented model of training, not only the classical system of training undergoes changes, but also the entire educational environment of the university. The development of professional competencies is carried out beyond the scope of courses and practices and fills the extracurricular activities of students, contributing to the students' understanding of the essence and social significance of their future profession, and the manifestation of a sustainable interest in it. [7] To develop professional competencies, the university has 11 student teams, uniting more than 1,300 students, including: "Sugar Patrol" (diabetes prevention), "Healthy Start" (healthy eating promotion), "Blood Type" (blood donation promotion), "NAS" (drug, alcohol and smoking prevention), "StudBrain" (training mentor), "Auxilium" (first aid in extreme conditions), "Risk", "Phoenix" and others. More than 500 students are members of the All-Russian organization "Volunteer Doctors".

At present, all the main elements of the practice-oriented education model are functioning at Astrakhan State Medical University. The effectiveness of this model is primarily confirmed by the professional demand for university students not only in employment, but also in the learning process. During the coronavirus pandemic, about 1,200 employees and students were involved in the work by organizing and participating in the work of infectious disease hospitals, creating and operating the Center for Remote Outpatient Monitoring of Infectious Patients. More than 70% of university graduates, including foreign citizens, are employed.

The immediate development prospect should be the personalization of the learning process, aimed at developing professional competencies within the framework of individual educational tracks in continuous medical education, continuity of the formation of professionally significant competencies in the development of a specialty, residency and additional professional education. Practical professional skills formed in the process of obtaining higher education must be maintained and improved during professional retraining and advanced training.

Список источников

1. Иванова Е.Е. Психологическое сопровождение развития профессиональных намерений студентов вузов в условиях негарантированной занятости: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е.Е. Иванова // Научно-образовательный центр Российской академии образования. – Сочи, 2007. – 200 с.
2. Гагарина Е.Ю., Ахминеева А.Х., Красовская А.С. Организация процесса обучения иностранных граждан в Астраханском государственном медицинском университете / Е.Ю. Гагарина, А.Х. Ахминеева, А.С. Красовская // Психологическое и педагогическое сопровождение студентов вуза в современном социокультурном пространстве. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Посвящается 100-летию образования «Астраханского государственного медицинского университета». – Астрахань, 2018. – С. 72-75.
3. Сторожева Ю.А. Эффективность учета социально-психологических особенностей профессионального самоопределения студенческой молодежи / Ю.А. Сторожева // Акмеология. № 1. – Москва, 2013. – С. 234.
4. Маджаева С.И., Гагарина Е.Ю. Цифровое образование: Плюсы и минусы / С.И. Маджаева, Е.Ю. Гагарина // Образование в условиях цифровой трансформации. Избранные материалы научно-практической конференции в рамках НОМК "Южный". – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 27-33.
5. Башкина О.А., Удочкина Л.А., Гагарина Е.Ю. Организационно-адаптационная работа с иностранными обучающимися в Астраханском ГМУ / О.А. Башкина, Л.А. Удочкина, Е.Ю. Гагарина // Опыт и перспективы развития экспортного потенциала образовательных услуг в высшем образовании. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. – Курск, 2021. – С.74-79.
6. Костина Л.А., Сторожева Ю.А. Проблема межэтнических отношений студентов в образовательной среде вуза / Л.А. Костина, Ю.А. Сторожева // Актуальные проблемы обучения иностранных студентов в медицинском вузе. Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию Астраханского ГМУ. Под редакцией Сатретдиновой А.Х. – Астрахань, 2018. – С. 161-163.
7. Шабанов Г.А. Воспитательная система вуза как фактор гармоничного развития личности современного специалиста / Г.А. Шабанов // Формирование личности современного специалиста как гражданина и профессионала. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Москва, 2007. – С. 280-289.

References

1. Ivanova E.E. Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiia professionalnykh namerenii studentov vuzov v usloviakh negarantirovannoi zaniatosti: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk. [Psychological support for the development of professional intentions of university students in conditions of unguaranteed employment / dissertation for the degree of candidate of psychological sciences]. Nauchno-obrazovatelnyi tsentr Rossiiskoi akademii obrazovaniia. [Scientific and educational center of the Russian Academy of education]. Sochi, 2007. – 200 p.
2. Gagarina E.Yu., Akhmineeva A.Kh., Krasovskaya A.S. Organizatsiia protsessa obucheniia inostrannykh grazhdan v Astrakhanskom gosudarstvennom meditsinskom universitete [Organization of the educational process of foreign citizens at Astrakhan State Medical University]. Psikhologicheskoe i pedagogicheskoe soprovozhdenie studentov vuzov v sovremennom sotsiokulturnom prostranstve. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Posviashchaetsia 100-letiiu obrazovaniia «Astrakhanskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta». [Psychological and pedagogical support for university students in the modern socio-cultural space. Proceedings of the scientific and practical conference with

international participation. Dedicated to the 100th anniversary of the formation of the "Astrakhan State Medical University"]. Astrakhan, 2018. – Pp. 72-75.

3. Storozheva Yu.A. Effektivnost ucheta sotsialno-psikhologicheskikh osobennostei professionalnogo samoopredeleniia studencheskoi molodezhi [Efficiency of taking into account the socio-psychological characteristics of professional self-determination of student youth]. Akmeologiya. [Acmeology]. № 1. Moscow, 2013. – Pp. 234.

4. Madzhaeva S.I., Gagarina E.Yu. Tsifrovoe obrazovanie: Pliusy i minusy [Digital education: Pros and cons in the collection]. Obrazovanie v usloviakh tsifrovoi transformatsii. Izbrannye materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh NOMK "Iuzhnyi". [Education in the context of digital transformation. Selected materials of the scientific and practical conference within the framework of the NOMK "Yuzhny"]. Rostov-on-Don, 2022. – Pp. 27-33.

5. Bashkina O.A., Udochkina L.A., Gagarina E.Yu. Organizatsionno-adaptatsionnaia rabota s inostrannymi obuchaiushchimisya v Astrakhanskom GMU [Organizational and adaptation work with foreign students at Astrakhan State Medical University]. Opyt i perspektivy razvitiia eksportnogo potentsiala obrazovatelnykh uslug v vysshem obrazovanii. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii. [Experience and prospects for developing the export potential of educational services in higher education. Proceedings of the international scientific and practical online conference]. Kursk, 2021. – Pp. 74-79.

6. Kostina L.A., Storozheva Yu.A. Problema mezhetnicheskikh otnoshenii studentov v obrazovatelnoi srede vuza [The problem of interethnic relations of students in the educational environment of the university]. Aktualnye problemy obucheniia inostrannykh studentov v meditsinskom vuze. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 100-letiiu Astrakhanskogo GMU. Pod redaktsiei Satretdinovoi A.Kh. [Actual problems of teaching foreign students in a medical university. Proceedings of the scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of Astrakhan State Medical University. Edited by Satretdinova A.Kh.] Astrakhan, 2018. – Pp. 161-163.

7. Shabanov G.A. Vospitatelnaia sistema vuza kak faktor garmonichnogo razvitiia lichnosti sovremennogo spetsialista [The educational system of the university as a factor in the harmonious development of the personality of a modern specialist]. Formirovanie lichnosti sovremennogo spetsialista kak grazhdanina i professionala. Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Formation of the personality of a modern specialist as a citizen and professional. Materials of the interuniversity scientific and practical conference]. Moscow, 2007. – Pp. 280-289.

Гагарина Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент, Астраханский ГМУ, Астрахань gagarinae@yandex.ru
Gagarina Elena Yurievna	candidate of philology, associate professor, Astrakhan SMU, Astrakhan gagarinae@yandex.ru
Сторожева Юлия Анатольевна	кандидат психологических наук, доцент, Астраханский ГМУ, Астрахань
Storozheva Yulia Anatolievna	candidate of psychology, associate professor, Astrakhan SMU, Astrakhan
Смолякова Татьяна Юрьевна	преподаватель, АГУ им. В.Н. Татищева, Астрахань
Smolyakova Tatiana Yurievna	lecturer, ASU after V.N. Tatishchev, Astrakhan

Требования к оформлению статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *.doc* или *docx*. Рукопись присылается через личный кабинет автора на сайте.

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ 1,25 см.

Межстрочный интервал шапки статьи – одинарный, текста статьи – полуторный. Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа. *Шрифт Times New Roman*, Обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

Объем статьи. Минимальный объем статьи 8 страниц, максимальный объем – до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- «Научная статья» – слева, шрифт 12пт;
- индекс (УДК) – слева, шрифт 12пт;
- шифр научной специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым представлена статья в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118 – слева, шрифт 12пт;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.9.5 Русский язык.
 - заголовок (название) статьи на русском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) на русском языке – слева, шрифт 12пт, полужирный;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на русском языке указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾ (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - электронная почта автора (ов) – слева, шрифт 12пт
 - аннотация на русском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова на русском языке – шрифт 12пт;
 - «Original article» – слева, шрифт 12пт;
 - заголовок (название) статьи на английском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) – слева, шрифт 12пт, полужирный на английском языке;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на английском языке (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - аннотация на английском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова – шрифт 12пт;

- текст статьи – шрифт 14пт, интервал полуторный;
- список источников – шрифт 12пт, интервал одинарный.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья

УДК 811.133.1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

(французский)

РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ (на материале французского языка)

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS (based on the French language)

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

Редакция журнала рекомендует придерживаться традиционной структуры написания статьи (введение, цели исследования, методы исследования, полученные результаты, обсуждение результатов и выводы). Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Аннотация. Объем – не превышает 250 слов.

Ключевые слова. не меньше 3 и не больше 15 слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Список источников. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. **Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965, – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Ршадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Библиографическая запись.

Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используют отсылки в ГОСТ Р 7.0.7–2021. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например, [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например, [5, с. 23].

References составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке. Для транслитерации с кириллицы на латиницу рекомендуем использовать систему автоматического транслитерирования на сайте <http://www.translit.ru> (выбрав при этом опцию «МВД»).

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. *Nazvanie zhurnala* [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

▪ представлять в *References* описание журнала только в транслитерированном варианте (без перевода) недопустимо;

▪ при описании изданий без авторов (сборников, коллективных монографий) допускается вместо авторов писать одного, максимум двух редакторов издания;

▪ для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо просто “Unpublished Source” или “Unpublished Report” и т.д., если авторство в документе отсутствует;

▪ так как русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, необходимо в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

▪ нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников. Это часто приводит к потере связки, так как название может быть не идентифицировано;

▪ все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного непереводного имени издательства, оно транслитерируется)) должны быть представлены на английском языке;

- в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не надо указывать тип изданий;
- в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании указывается “Рр.” Перед страницами; количество страниц в полном издании (книге) – указывается как “р.” после указания количества страниц;
- перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;
- одна публикация описывается в списке литературы один раз, независимо от того, сколько раз в тексте публикации был упомянут источник;
- если книга в списке литературы (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы издания были процитированы в тексте; исключения составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы, с указанием страниц “от-до”;
- для транслитерации необходимо использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную;
- для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Примеры оформления списка источников.

- Блэйк П.Г. Современные представления об анемии при почечной недостаточности / П.Г. Блэйк // Нефрология и диализ. – 2000. – Т. 2. – № 4. – С. 278-286.
- Аронов Д.А. Функциональные пробы в кардиологии / Д.А. Аронов, В.П. Лупанов. – М.: МЕДпресс-информ, 2007. – 328 с.
- Горелкин А.Г. Пат. 2387374 Рос. Федерация, МПК А61В5/107 Способ определения биологического возраста человека и скорости старения / А.Г. Горелкин, Б.Б. Пинхасов; заявитель и патентообладатель ГУ НЦКЭМ СО РАМН. – № 2008130456/14; заявл. 22.07.2008; опубл. 27.04.2010. Бюл. № 12.
- Онищенко Г.Г. Иммунобиологические препараты и перспективы их применения в инфектологии / Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкин, С.С. Афанасьев, В.В. Поспелова; под ред. Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкина, С.С. Афанасьева, В.В. Поспеловой – М.: ГБОУ ДПО ВУНМЦ МЗ РФ, 2002. – 608 с.
- Иванов В.И. Роль индивидуально-типологических особенностей студентов в адаптации к учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук / В.И. Иванов. – Томск, 2002. – 18 с.
- Johnson D.W. Novel renoprotective actions of erythropoietin: New uses for an old hormone / D.W. Johnson, C. Forman, D.A. Vesey // Nephrology. – 2006. – Vol. 11. – № 4. – Pp. 306-312.
- Государственный реестр лекарственных средства. URL: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 11 февраля 2019).

Далее следует список источников («References»), оформленный в следующем порядке:

- все авторы и название статьи в транслитерированном варианте (использовать сайт <https://translit.net/>, выбрав стандарт BGN. Окошко переключения между стандартами размещается над строкой с буквами алфавита),
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках,
- наименование русскоязычного источника в транслитерированном варианте,
- перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках,
- выходные данные с обозначениями на английском языке.

Примеры оформления списка источников в латинице (References).

- Пример оформления *книги*: Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.
- Пример оформления *статьи из журнала*: Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.
- Пример оформления *патента*: Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.
- Пример оформления *диссертации*: Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.
- Пример оформления *статьи с DOI*: Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.
- Пример оформления *статьи из сборника трудов*: Kantemirova V.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologieiyeu [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.
- Пример оформления *материалов конференций*: Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of

the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv "Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny" [Materials of III International Conference of the Caspian States "Actual issues of modern medicine". 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

- Пример оформления *интернет-ресурса*: Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 3 рисунков. Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например, (*рис. 2*). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат *tif, jpg*).

Таблицы. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе *Microsoft Word* (формат *.doc) и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами АГМУ или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Дополнительно к статье автор высылает следующие документы

1. Сведения об авторе(ах).

Сведения об авторе(ах) присылаются на электронный адрес журнала lingv_edu@astgmu.ru отдельным файлом, имеющим название Сведения_Фамилия. Сведения об авторе(ах), которые содержат данные:

- фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (кафедра, институт (факультет)); занимаемая должность; контактный телефон (рабочий, сотовый); адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи

Фамилия Имя Отчество	
Ученая степень, ученое звание	
Должность или профессия	
Место работы или учебы	
Контактный телефон	

Адрес электронной почты	
Тема статьи	

Requirements for article arrangement

General requirements. The electronic version of the article is executed in a *Microsoft Word* text editor and saved with the *.doc* or *.docx* extension. The manuscript is sent through the personal account of the author on the website of the online edition.

Page parameters. A4 format (book). Margins: all 20 mm.

Formatting of the main text. Paragraph indentation 1.25 cm.

The line spacing of the article header is single; the text of the article is one and a half. Page numbering is located at the bottom of the page in the corner on the right. *Times New Roman Font*, Regular. The size of the pin (characters) is 14 pt.

The volume of the article. The minimum volume of the article is 8 pages, the maximum volume is up to 12 pages of typewritten text.

Requirements for the composition of the published article.

The article published in the online edition should consist of the following sequentially arranged elements:

- "Scientific article" – on the left, font 12pt;
- index (UDC) – on the left, font 12pt;
- cipher of the scientific specialty and the corresponding branches of science, for which the article is presented in accordance with the Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated February 24, 2021 No. 118 – on the left, font 12pt;
- 5.9.6 Languages of peoples of foreign countries (indicating a particular language or group of languages)
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics
- 5.9.5 Russian language
 - title (name) of articles in Russian – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - the author's first name, patronymic and surname in Russian – on the left, font 12pt, bold;
 - information about the place of work (study) of authors in Russian is indicated after the authors' names on different lines and linked to the names using superscript numeric designations) (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - e-mail of the author(s) – on the left, font 12pt
 - abstract in Russian – font 12pt;
 - keywords in Russian – font 12pt
 - "Original article" – on the left, font 12pt;
 - title (name) of articles in English – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - first name, patronymic and surname of the author(s) – on the left, font 12pt, bold in English;
 - information about the place of work (study) of the authors in English (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - abstract in English – font 12pt;
 - keywords – font 12pt;

- the text of the article is 14pt font, one and a half interval;
- the list of sources is 12pt font, the one interval.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья

УДК 811.133.1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

(французский)

РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ (на материале французского языка)

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS (based on the French language)

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

The editorial board of the online edition recommends adhering to the traditional structure of writing an article (introduction, research objectives, research methods, results obtained, discussion of results and conclusions). The elements of the article are separated from each other by one empty line.

Abstract. The volume does not exceed 250 words.

Keywords. No less than 3 and no more than 15 words (phrases) that carry the main semantic load in the text.

List of sources. The list of cited literature is given in accordance with the requirements of GOST R 7.0.7–2021. **Bibliographic entries in the list of non-textual bibliographic references are numbered and arranged in the order of citation of sources in the text of the article.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965, – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. *Linguistique historique et linguistique générale*, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. *La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques* [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. *Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii* [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. – 2021. – Т. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Ршадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Bibliographic entry. To link the list of cited literature with the text of the article, references are used in accordance with GOST R 7.0.7–2021, References in the text of the article are enclosed in square brackets. The serial number of the cited source is given in the corresponding line of the text of the article, for example, [5]. If the link is given to a specific fragment of the document text, the reference indicates the serial number and pages on which the link object is placed. The information is separated by a comma, for example, [5, p. 23].

References are compiled in the order completely identical to the Russian-language version with a similar numbering.

References must be issued according to the following rules:

1. Authors (transliteration), the title of the article in transliterated version [translation of the title of the article into English in square brackets], the name of the Russian-language source (transliteration) [translation of the name of the source into English is a paraphrase (for journals, you can not to do)], output data with notation in English. For transliteration from Cyrillic to Latin, we recommend using the automatic transliteration system on the website <http://www.translit.ru> (by selecting the option "Interior Ministry").

2. It is forbidden to use the signs "/" and "-" to separate the structural elements of the bibliographic description.

Example:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. Nazvanie zhurnala [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

- it is unacceptable to submit a description of the journal in References only in a transliterated version (without translation).;
- when describing publications without authors (collections, collective monographs), it is allowed to write one, maximum two editors of the publication instead of the authors;
- for unpublished documents, you can make the shortest name with an indication in parentheses (unpublished), if it has authorship (to take into account the author's references), or simply "Unpublished Source" or "Unpublished Report", etc., if there is no authorship in the document;
- since Russian-language sources are difficult to identify by foreign experts, it is necessary to italicize the original name of the source in the descriptions, as in most foreign standards;
- it is undesirable to make arbitrary abbreviations of source names in links. This often leads to the loss of the bundle, as the name may not be identified;
- all the main output publishing information (in the descriptions of the journal: the designation of the volume, number, pages; in the descriptions of books: the place of publication – the city, the designation of the publishing house (except for the publisher's own untranslated name, it is transliterated)) must be submitted in English;
- in the descriptions of Russian-language textbooks, teaching aids, it is not necessary to indicate the type of publications;
- in the output data of publications in references (articles, books), the number of pages of the publication must be indicated: the range of pages in the publication is

indicated by “Pp.” Before pages; the number of pages in the complete edition (book) – indicated as “p.” after specifying the number of pages;

- the translation of the title of the article or source is taken in square brackets;
- one publication is described in the list of references once, regardless of how many times the source was mentioned in the text of the publication;
- if the book in the list of references (in any version - main or in References) is described in full, then the description should indicate the full volume of the publication, regardless of which pages of the publication were cited in the text; the exception is when individual chapters from a book are used; in this version, the list of references gives a description of the chapter, indicating the pages “from-to”;
- for transliteration, it is necessary to use systems for automatically translating Cyrillic into the Roman alphabet; do not transliterate manually;
- for journals published in Russian and English, a link is given to the English version of the journal.

The following is a list of sources (“References”), arranged in the following order:

- all authors and the title of the article in a transliterated version (use the site <https://translit.net/>, selecting the BGN standard. The window for switching between standards is located above the line with the letters of the alphabet),
- translation of the title of the article into English in square brackets,
- the name of the Russian-language source in a transliterated version,
- translation of the source name into English in square brackets,
- output data with symbols in English.

Examples of formatting a list of sources in Latin (References).

- *Example of book formatting:* Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.
- *Example of formatting an article from a magazine:* Bleyk P.G. Sovremennyye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.
- *Example of a patent formatting:* Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.
- *Example of theses formatting:* Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.
- *Example of article formatting with DOI:* Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

- *Example of formatting an article from a collection of works:* Kantemirova B.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologiyey [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.
- *Example of formatting conference materials:* Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv “Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny” [Materials of III International Conference of the Caspian States “Actual issues of modern medicine”. 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.
- *Example of formatting of an Internet resource:* Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Drawings, schemes, diagrams. No more than 3 figures are accepted as illustrations of articles. Illustrations must be clear. In the text of the article, a link to a specific figure should be given, for example, (Fig. 2). Figures should have a minimum number of words and symbols. Each figure must have a serial number, title and explanation of the meanings of all curves, numbers, letters and other symbols placed under the figure.

Photo. Attached photographs must be clear, suitable for scanning or in electronic form (.tif, jpg format).

Tables. There should be no more than 3 tables. Each table should be given a serial number and a heading. Abbreviation of words is allowed only in accordance with the requirements of GOST 7.12-93, 7.11-78. Tables must be provided in a Microsoft Word text editor (*.doc format) and numbered in order. The simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed.

Additional materials for published articles

1. Information about the author(s).

Information about the author(s) is sent to the email of the online edition lingv_edu@astgmu.ru in a separate file called Information_Surname. Information about the author(s), which contains data: last name, first name, patronymic in full; academic degree; academic title; place of work (department, institute (faculty)); position held; contact phone (work, cell); E-mail address.

Information in full is given in Russian and English.

Full Name	
Academic degree, academic title	

Position or profession	
Place of work or study (with address)	
Contact number	
E-mail address	
Article topic	

The responsibility for the accuracy of the specified information lies with the author of the article.

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Сетевое издание

2024

Том 4 № 4

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой
информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.)

Учредитель: ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России

Адрес учредителя: 414000, г. Астрахань, Бакинская, 121, каб 410

Тел: +7 (8512) 66-94-80

E-mail: post@astgmu.ru

Редакционная коллегия

Научный редактор – Гречухина З.Р.

Ответственный секретарь – Дьякова Е.М.

